ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА

(УГОЛОВНОПРАВОВОЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1972

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Казанского университета

Научный редактор *проф. Б. С. Волков*

В книге излагаются результаты конкретно-социологического исследования личности преступника. Рассматриваются теоретические и практические вопросы этой проблемы.

Большое внимание в работе уделено исследованию социально-психологических особенностей, характеризующих личность осужденных за должностные преступления, убийство, хулиганство и другие преступления.

Книга предназначена для юристов-студентов и преподавателей высших учебных заведений, научных и практических работников. Она может представлять интерес и для широкого круга читателей.

1-10-2
18-71

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Глава I. Личность преступника как предмет уголовноправового и криминологического исследования . . 7

Глава II. Психологическая характеристика личности преступника 29

Глава III. Личность убийц 48

Глава IV. Личность преступника, совершающего должностное преступление 80

Глава V. Личность лжесвидетеля и лжедоносчика . . 116

Глава VI. Личность рецидивистов, осужденных за хулиганство 143

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди научных проблем, вызывающих за последнее время значительный интерес у представителей правовой науки, проблеме личности в праве, в особенности проблеме личности преступника, принадлежит одно из первых мест. Этот интерес не является случайным. Он обусловлен закономерностями развития правовой науки, задачами дальнейшего совершенствования советского законодательства, назревшими потребностями судебной практики.

Выполнение поставленной в Программе КПСС задачи по дальнейшему укреплению социалистической законности, искоренению любых правонарушений и ликвидации преступности и всех причин, ее порождающих[1], заставило советских юристов обратиться к более пристальному изучению и обобщению практики деятельности судебно-следственных органов, разработке ряда новых теоретически важных и практически значимых проблем, пересмотреть аспект изучения многих сложившихся институтов и понятий в сторону более глубокого исследования их социальной сущности, правового и философского содержания. В Постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» особо обращается внимание на необходимость более глубокой теоретической разработки проблем личности и коллектива, государства и общества, социальной психологии и других проблем[2]. В области правовой науки, в частности в уголовном праве и криминоло-

---

[1] См. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Госполитиздат, 1962, стр. 106.

[2] См. «Коммунист», 1967, № 13.

гии, особое значение в этом отношении имеют изучение причин преступности и профилактика преступлений. «Наряду с применением мер наказания, предусмотренных законами, у нас проявляется все большая забота о профилактике преступлений, о том, как их предупредить, не допустить»[1]. Исследование причин преступности предполагает всестороннее изучение личности преступника.

Проблема личности преступника — проблема большого методологического значения. По существу это комплексная проблема, стоящая на стыке права, социологии, философии, психологии и других наук. Ее изучение, несомненно, окажет значительное влияние на разработку целого ряда важнейших институтов советского уголовного права, криминологии, исправительно-трудового права и др. наук.

Данная проблема теснейшим образом связана со многими уголовно-правовыми институтами и, в частности, с такими из них, как основания и пределы уголовной ответственности, назначение наказания и освобождение от наказания и др. Гуманные цели и задачи наказания, предусмотренные действующим советским уголовным законодательством, останутся голой, оторванной от жизни абстракцией, если они не будут основываться на всестороннем учете личностных отношений, свойств и особенностей, характеризующих личность преступника. Поэтому Основы и уголовные кодексы союзных республик во многих своих постановлениях содержат предписание — во всех случаях при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности и назначении наказания, наряду с другими обстоятельствами, принимать во внимание личность преступника (ст.ст. 10, 37, 38, 39, 44, 51, 52, 53 и др. УК РСФСР).

Всестороннее изучение обстоятельств, характеризующих личность преступника, позволяет более квалифицированно ставить и решать вопросы совершенствования уголовноправовых норм, находить оптимальные решения в конструкции отдельных институтов и составов преступлений и дает возможность правильно определить

---

[1] Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза.— «Правда», 1971, 31 марта.

социальную эффективность действующего законодательства.

Особое значение проблема личности преступника имеет для науки криминологии, в частности, для определения механизма преступного поведения, изучения причин преступности и разработки профилактических мер по ее предупреждению. Можно сказать, что она непосредственно входит в сам предмет этой науки, и поэтому становление и развитие криминологии как науки во многом зависит от разработки проблемы личности преступника.

Рассматриваемая проблема имеет большое значение для решения многих вопросов исправительно-трудовой политики. Достаточно сказать, что вся методика исправления и перевоспитания осужденных в местах лишения свободы целиком построена на всестороннем учете наиболее характерных свойств и особенностей личности преступника.

Разработка проблемы личности преступника, несомненно, окажет влияние и на развитие других правовых наук.

В ряду факторов, обусловивших повышенный интерес к данной проблеме, немаловажное значение имеют и соображения идеологического характера. Трактовка личности преступника — один из наиболее существенных моментов, по которым имеются принципиальные расхождения между советскими и буржуазными криминалистами.

Данная книга подготовлена коллективом кафедры уголовного права и криминологии Казанского университета. В ней делается попытка рассмотреть некоторые теоретические и практические вопросы проблемы личности преступника. При этом основное внимание в работе было уделено исследованию личностных особенностей преступника применительно к отдельным преступлениям. Это дало возможность более полно рассмотреть обстоятельства, характеризующие личность преступника, и показать их уголовноправовое и криминологическое значение.

При подготовке работы были широко использованы материалы конкретно-социологических исследований, проводимых сотрудниками криминологической лаборато-

рии Казанского университета, а также непосредственно авторами книги.

Авторы, разумеется, не претендуют на исчерпывающее освещение поставленных в работе вопросов рассматриваемой проблемы. Подобная задача может быть решена усилиями не одного научного коллектива.

Авторами соответствующих разделов книги являются: Личность преступника как предмет уголовноправового и криминологического исследования (глава первая) — доктор юридических наук Б. С. Волков; Психологическая характеристика личности преступника (глава вторая) — кандидат юридических наук Я. С. Аврах; Личность убийц (глава третья) — кандидат юридических наук А. В. Наумов; Личность преступника, совершающего должностное преступление (глава четвертая) — кандидат юридических наук М. Д. Лысов; Личность лжесвидетеля и лжедоносчика (глава пятая) — зам. председателя Верховного суда ТАССР М. Х. Хабибуллин; Личность рецидивистов, осужденных за хулиганство (глава шестая) — кандидат юридических наук В. П. Малков.

Большую помощь авторам в подготовке материалов оказали сотрудники криминологической лаборатории Казанского университета Д. Г. Идрисова, З. М. Казанина, Р. А. Магдеев, С. П. Филиппова.

Коллектив кафедры приносит большую благодарность профессору А. Т. Бажанову, доценту А. И. Левшину и члену Верховного суда ТАССР В. П. Емекееву за помощь при подготовке работы к печати.

Глава первая

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК ПРЕДМЕТ УГОЛОВНОПРАВОВОГО И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятием «личность» в литературе принято обозначать совокупность наиболее характерных свойств и особенностей, которые определяют человека как социальное существо и вместе с тем в наибольшей мере выражают его индивидуальность и неповторимость.

Личность — понятие исключительно сложное и многогранное. И, естественно, никакое определение, будь то самое широкое, в силу своей неподвижности, не в состоянии охватить все многообразные стороны и признаки этого понятия.

Наибольшее значение в структуре личностных отношений имеют, разумеется, социальные свойства личности, ее социальная сущность. Личность — понятие конкретно-историческое и в этом смысле — понятие классовое. Она формируется и определяется целой системой господствующих в обществе общественных отношений и прежде всего исторически сложившимися социально-экономическими отношениями, изменяется и развивается в ходе развития и изменения экономического базиса. Следовательно, мы не можем подходить с одними и теми же мерками к личности разных социально-экономических систем. Даже в рамках одной и той же общественно-экономической системы общезначимые свойства, с наличием которых мы прежде всего связываем понятие личности, между собою существенно разнятся. Скажем, есть определенная разница в содержании личности, осо-

бенностях советского человека семидесятых и двадцатых годов, разница, обусловленная коренными социально-экономическими преобразованиями, происшедшими в нашей стране.

Личность формируется, главным образом, в деятельности, через отношения с другими людьми, коллективом, обществом. «...Развитие индивида,—указывал К. Маркс,— обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении...»[1] Именно в процессе отношения возникают психологические предпосылки социальной активности, человек проявляет себя, выявляет свои внутренние ценности и самоутверждает себя как личность[2].

Процесс формирования личности — это процесс усвоения индивидом опыта общественной жизни. Общее в человеке, унаследованное им в процессе жизни и деятельности, — наиболее значимое в личности, и оно всегда сильнее ее индивидуальных свойств и особенностей. Личность неотделима от исторического прогресса, развития общества и сознания свободы. Перефразируя известное положение Гегеля, можно сказать, что мировая история есть прогресс развития личности. Вместе с тем понятие личности, как и понятие свободы, неотделимо от ее внутренних сторон, от того индивидуального, самобытного, что делает личность индивидуально-разной и неповторимой.

Как бы ни была значительна роль социальных свойств в общей характеристике личности, они не исчерпывают ее многогранного содержания. В диалектико-материалистическом понимании личность — целостное образование, являющееся результатом чрезвычайно сложного процесса, в котором социальное выявляется через внутренние условия, биологическую природу человека. Носителем общезначимых свойств и особенностей является человек, наделенный определенными, присущими только данному индивиду чертами и признаками, потребностями и склонностями. Социальное и биологическое в нем существуют не рядом, а выступают в единстве и

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 440.

[2] «Личность — это всегда богатство связей индивида с другими людьми, его место и роль в жизни людей и общества». (А. Д. Александров. Истинный гуманизм и гуманность истины. — «Литературная газета», 1970, 4 ноября).

взаимообусловленности. Личность неотделима от человека, от его физических, психических и других черт и особенностей [1].

От индивидуальных свойств, психофизических особенностей индивида зависит то, что он берет от окружающей обстановки, условий жизни, воспитания, образования и других обстоятельств, с которыми ему приходится сталкиваться на своем жизненном пути.

Разумеется, не все объективные связи и отношения воспринимаются личностью и становятся неотъемлемой частью ее целостного образования. Во внутреннюю структуру личности входят лишь те общественные отношения, которые больше всего соответствуют ее биологической природе и психофизическим особенностям [2]. Люди отличаются между собой не только наследственными задатками, но и прежде всего тем, какие связи и отношения входят во внутреннюю структуру их личности. Для одного те или иные общественные отношения (например, отношения ложного товарищества) являются внутренними, для другого — внешними. Один весь свой внутренний мир заполнил сознанием долга и чувством ответственности, другой впитал в себя все негативные стороны общественной жизни. Мы не найдем в жизни двух лю-

---

[1] В советской литературе эти понятия иногда противопоставляются, искусственно разгораживаются. См., напр., В. Т. Тугаринов. Диалектика социального и биологического в человеке. — Сб. «Личность при социализме». М., «Наука», 1968. Автор считает, что человек — понятие более широкое, включающее, помимо личности, ряд других компонентов. Существенно отличаются они и по характеру детерминации. Если человек «подчиняется не только законам общественного развития, но и законам природы, биологическим законам» (стр. 52), то на личность эта двойная детерминация не распространяется. Однако автор по существу этого деления не придерживается. Говоря об абсолютной и относительной ценности личности в социалистическом обществе, он подчеркивает, что проблема личности не должна сводиться к законам общественного развития, что различие между людьми зависит не только от действия этих законов, но и «во многом от личной биографии и генетических факторов» (стр. 58). К. К. Платонов правильно указывает, что «личность — это всегда конкретный человек в единстве всех его психических качеств и сил, направляющих его практическую деятельность» (К. К. Платонов. Психологическая структура личности.— В указ. сб., стр. 66).

[2] См. А. М. Мосоров, Г. В. Мокроносов. Личность и общественные отношения. — Сб. «Личность и общество». Свердловск, 1967, стр. 7.

дей, у которых сочетание таких понятий, как сознание долга и чувство ответственности, было бы одинаковым.

Совершенно очевидно, что это зависит не только от характера и детерминистического значения окружающих индивида общественных отношений, в том числе условий воспитания, образования, микросреды, но и не в последнюю очередь от биологической природы человека и его индивидуальных свойств. Немаловажная роль в этом отношении принадлежит внутренней саморегулирующей деятельности и психике человека, в частности индивидуально-биологическим, наследственным особенностям, оказывающим существенное влияние на физическое и психическое развитие личности. Личность «не есть модель некоей «табула раза», на которую окружающая обстановка автоматически наносит личностные штрихи... Признание того, что человек приобретает личностные особенности лишь в процессе активной «внешней» деятельности, необходимо предполагает признание его «внутренней» субъективной активности, в ходе которой он сам конструирует себя» [1].

Субъективная активность, индивидуальные черты и свойства и их сочетания выделяют личность, придают ей неповторимый характер. В человеке немало случайного, самобытного, сугубо личного. Сокровенное в человеке — наиболее интересное в нем.

Социальное и биологическое в человеке неразрывно связаны между собой, и их разграничение относительно, так же как относительно разграничение объективного и субъективного в конкретном человеческом поведении. Особенно заметна взаимозависимость внутренних и внешних условий, социальных и генетических программ на раннем этапе развития личности, когда развиваются задатки и формируются ее основные черты и склонности. Многочисленные черты и признаки личности едины и взаимообусловлены. Это единство выражается в том, что ни одна черта личности не проявляется изолированно [2], а всегда обнаруживается во взаимосвязи с другими чертами и особенностями и, следовательно,

---

[1] Л. Н. Митрохин. Методологические проблемы изучения личности. — Сб. «Личность при социализме». М., «Наука», 1968, стр. 30.

[2] К. К. Платонов. Указ. ст. — Сб. «Личность при социализме», стр. 71.

несет на себе печать как социальной, так и биологической обусловленности (мы в данном случае не затрагиваем вопроса о степени этой обусловленности, которая во всех случаях, разумеется, не может быть одинаковой).

Вот почему нам представляются совершенно неубедительными попытки выделить несколько понятий личности — социологическое, психологическое и понятие, основанное на биологических свойствах личности [1].

Разумеется, аспект изучения личности в разных науках неодинаков. В психологии, например, центральной проблемой в изучении личности, очевидно, должна быть психологическая структура, в социологии — человек «как элемент производительных сил общества» [2], а в праве человек выступает как субъект, наделенный не только определенными правами и обязанностями, но и социально-психологическими особенностями. Однако это отнюдь не означает, что понятий личности столько, сколько существует отраслей науки, в которых она является объектом изучения. Личность, как уже отмечалось, — понятие целостное, характеризующееся диалектическим единством и выражающее собой неповторимую индивидуальность. И поэтому оно (понятие личности) «должно употребляться в одном смысле, аналогично тому как и понятие общество. Иначе мы откроем путь к абсолютизации релятивной стороны этого понятия» [3].

Вместе с тем, говоря о единстве социального и биологического в содержании структурных отношений личности, мы не должны забывать, что их роль в формировании тех или иных сторон и свойств личности далеко не одинакова. Психофизические различия между людьми не определяют однозначно личности. Личность — это социальный тип, сложными путями складывающийся под влиянием среды, воспитания и социального опыта. Доминирующую роль в ее структуре играют социальные

---

[1] См. В. Д. Филимонов. Общественная опасность личности преступника. Изд. Томского университета, 1970, стр. 9. Неслучайно автор по существу не смог провести четкого различия между названными понятиями личности.

[2] П. Е. Кряжев. О социологическом аспекте проблемы личности. — Сб. «Личность — коллектив — общество». Красноярск, 1968, стр. 12.

[3] Там же, стр. 18.

начала, в частности те общественные отношения, которые присущи данному обществу и которые входят в содержание личности.

Индивидуальные (психические и биологические) особенности хотя и не являются пассивными, а выступают важными компонентами личности, однако они имеют значение постольку, поскольку характеризуют человека как члена коллектива, как носителя определенных общественных отношений, которому присущи общезначимые свойства и особенности. Другими словами, индивидуально-психологические особенности и стороны личности проявляются и, следовательно, могут быть изучены как свойства личности только на базе общественных отношений, которые определяют сущность инидивида и входят в его внутреннюю структуру. Например, лицемерие становится навязчивой потребностью, как правило, у трусливых людей, но под влиянием определенных социальных условий эта психологическая особенность может появиться и у людей, не имеющих указанных недостатков [1].

Социально-обусловленные черты и свойства, характеризующие отдельного индивида, играют неодинаковую роль в определении личностных отношений.

Наибольшее значение в содержании личности, несомненно, имеют такие личностные особенности, как отношение человека к обществу, коллективу, другим людям, лежащим на нем обязанностям, а также к самому себе, к своему достоинству и своим возможностям, т. е. такие качества, которые характеризуют способности человека определять направление своей деятельности в соответствии с конкретной ситуацией, реальными условиями окружающей действительности и своими стремлениями, возможностями и потребностями [2]. Другими словами, наиболее характерное в личности — это ее ц е н н о с т -

---

[1] «Чисто психологическая характеристика сохраняется лишь в рамках человеческого индивида. Переходя к анализу личности, мы тем самым вступаем в границы новой меры: здесь мы уже имеем дело с социальным качеством, с индивидуальным объектом общественных отношений» (П. Е. К р я ж е в. Указ. работа, стр. 19).

[2] «Абстрактная схема «личность — общество» раскрывается как отношения человека с другими людьми, как содержание общественной активности, характерной для данного индивида» (Л. Н. М и т р о х и н. Указ. работа, стр. 28).

ные ориентации и мотивы деятельности. Обычно эти свойства личности, как уже отмечалось, формируются в объективных условиях общественной жизни и зависят от социальной цели, профессии, мировоззрения и других данных, характеризующих личность как индивидуальность.

Неодинакова роль социально-психологических черт и особенностей, входящих в содержание личности, и с точки зрения их структурного характера, нравственно-этического содержания: они могут носить частный характер или иметь общее значение, т. е. являться типичными для определенной группы людей, характеризовать положительные или отрицательные свойства и качества человека и т. д.

Особенности, имеющие в структуре личности более или менее общий характер, и служат основанием для классификации личности по отдельным видам на уровне социального субъекта, для выделения «типов личности». Очевидно, такие типологические черты и свойства, имеющие значение для определенной категории людей, можно обнаружить и у лиц, совершивших общественно опасные деяния.

Нам представляются совершенно неубедительными встречающиеся в советской юридической литературе утверждения о том, что общее определение личности преступника не имеет права на существование, так как не существует общих признаков, которые были бы применимы к любому преступнику [1]. Такой взгляд на значение общих понятий прежде всего противоречит логике познания и по существу сводит на нет проблему изучения личности преступника. Без обобщений, без выделения общих понятий невозможно познать особенное, конкретное, отдельное, ибо только в соединении общего и особенного и состоит действительный процесс всякого познания. Игнорирование общих социально-обусловленных свойств и признаков, характерных для лиц, совершивших общественно опасное деяние, как справедливо отмечалось в советской литературе, по существу означает сведение лич-

---

[1] См., напр., И. И. Карпец. Проблема преступности. М., 1969, стр. 101—106.

ности преступника к чисто внутренним признакам, к биологическому индивиду [1].

Общие черты и свойства личности преступника следует искать не только в самом факте совершения преступления, а, главным образом, в тех особенностях, которые отличают этих лиц от законоисполнительных граждан и которые детерминируют общественно опасное деяние и обусловливают потенциальную предрасположенность его совершения в будущем. Как правильно отмечает А. Б. Сахаров, наиболее существенным, качественно специфическим признаком личности преступника является ее антисоциальность, или общественная опасность, т. е. ее способность «при определенных условиях и впредь поступать подобным образом» [2]. Преступник всегда выступает как носитель антиобщественных взглядов и привычек, игнорирующий моральные и правовые требования, противопоставляющий свои взгляды и интересы взглядам и интересам общества [3].

Общественная опасность преступника не есть какое-то прирожденное свойство его личности. По существу она является выражением общезначимых черт и признаков, характеризующих личность преступника и отличающих ее от других граждан. Среди этих черт и свойств наибольшее значение имеют, несомненно, те из них, которые характеризуют ценностные ориентации личности, ее интересы, склонности, побуждения. В характере и содержании ценностных ориентаций, интересов и склонностей у правонарушителей имеется немало сугубо специфичного, отличающего их от законоисполнительных граждан.

Разумеется, интерес юриста не может простираться на все свойства и особенности личности преступника. Личностные особенности могут быть предметом уголовноправового и криминологического исследования постольку, поскольку они связаны с решением специфиче-

---

[1] Н. С. Лейкина. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., Изд-во ЛГУ, 1968, стр. 8; В. Д. Филимонов. Общественная опасность личности преступника. Изд-во Томского университета, 1970, стр. 20.

[2] А. Б. Сахаров. Об антисоциальных чертах личности преступника. — «Советское государство и право», 1970, № 10, стр. 113.

[3] См. А. А. Герцензон. Уголовное право и социология. М., «Юридическая литература», 1970, стр. 145.

ских задач правовой науки. Например, для уголовного права наибольшее значение будут иметь, очевидно, те из них, которые способны оказать большую помощь в решении таких важных для данной науки задач, как определение оснований, предела и объема уголовной ответственности, назначение наказания и т. д. Криминологию будут, напротив, интересовать обстоятельства, характеризующие механизм преступного поведения, причины преступности, а также обстоятельства, связанные с исправлением и перевоспитанием правонарушителей. В данном случае мы остановимся на характеристике наиболее общих признаков, определяющих личность преступника.

Среди сложных и многочисленных обстоятельств, характеризующих личность преступника, отчетливо выделяются следующие три группы: 1) обстоятельства, нашедшие свое выражение в поведении преступника, предшествующем совершению преступления; 2) обстоятельства, непосредственно связанные с совершением преступления; 3) обстоятельства, характеризующие психологические, биологические и психические свойства личности[1].

Специфические черты, характеризующие личность преступника, находят свое проявление прежде всего в поведении, предшествующем совершению преступления. Они обычно выражаются в отношении к труду, учебе, своим обязанностям, обществу, коллективу, другим людям, обнаруживаются в поведении в семье, быту и т. д., т. е. в тех формах поведения, в которых человек, главным образом, формирует и проявляет себя как личность. Нагляднее всего указанные свойства проявляются в ха-

---

[1] П. С. Дагель обобщающую классификацию преступников проводит на основе характера и степени общественной опасности личности. (П. С. Дагель. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1970, стр. 122 и следующие).

Н. С. Лейкина различает следующие три группы социально-психологических свойств личности преступника: к первой группе она относит «те, которые характеризует социально-психологический облик лица к моменту совершения преступления»; ко второй — признаки, характеризующие «причины и условия, вызвавшие совершение преступления»; третью группу составляют признаки, определяющие отношение преступника к содеянному и его поведение после совершения преступления. (Н. С. Лейкина. Личность преступника. См. «Курс советского уголовного права». Изд. Ленинградского университета, 1970, стр. 18—19).

рактеристике личности преступника по делам о таком сравнительно распространенном преступлении, как хулиганство (см. табл. 1—4) [1].

Таблица 1

Образование	К общему числу изученных дел (в %)
1—3 класса	7,0
4—6 классов	30,3
7—9 классов	46,7
10 классов	10,8
с/технич.	4,2
н/высшее	0,6
высшее	0,4
Итого	100

Таблица 2

Род занятий в момент совершения преступления	К общему числу изученных дел (в %)
Работал	64,9
Не работал	25,0
Учился	4,5
Учился и работал	3,8
Находился на пенсии по старости	0,3
Находился на пенсии по инвалидности	1,5
Итого	100

Таблица 3

Отношение к трудовой дисциплине	К общему числу изученных дел (в %)
Прогулы	31,0
Опаздывал на работу	20,0
Неподчинение распоряжениям администрации	11,4
Выход на работу в нетрезвом виде	25,1
Нарушений трудовой дисциплины не было	12,5
Итого	100

Таблица 4

Привлекался к адм. ответ. за мелкое хулиганство	К общему числу изученных дел (в %)
1 раз	51.0
2 раза	3,8
3 раза и более	1,4
Не привлекался	43,8
Итого	100

Как видно из приведенных данных, абсолютное большинство (84%) из числа привлеченных к уголовной ответственности за хулиганство составляют лица, не имеющие среднего образования; 25% не занимались общественно полезным трудом; почти все хулиганы (87,5%) допускали грубое нарушение трудовой дисциплины (прогулы, опоздание на работу, неподчинение распоряжениям администрации, выход на работу в нетрезвом виде и др.); 56,2% до осуждения по ст. 206 УК РСФСР привлекались к административной ответственности за мелкое хулиганство.

Изучение указанных свойств и особенностей в каждом конкретном случае дает возможность установить конкретные причины и условия, способствовавшие совершению преступления, укоренившиеся привычки и стремления, правильно определить классификацию преступников и методику их исправления и перевоспитания.

Другую группу характеризующих личность обстоятельств составляют свойства и особенности личности преступника, нашедшие непосредственное выражение в совершенном преступлении. К ним, в частности, можно отнести мотивы совершения преступления, состояние виновного в момент совершения преступления, отношение к содеянному и наступившим последствиям, а также к объекту посягательства и другие моменты, так или иначе характеризующие поведение виновного в момент совершения преступления. Эти обстоятельства не только выражают общественную опасность содеянного, но и в значительной мере характеризуют личность преступника.

Как известно, образ поведения и поступки человека — это именно та сторона человеческой активности, где особенности личности находят свое наиболее яркое и полное выражение. В действиях человека выражается не какая-нибудь черта, а в определенном смысле весь человек, все его общезначимые черты, свойства и особенности. Поэтому не случайно в советском уголовном законодательстве содержится предписание суду принимать во внимание при определении общественной опасности и

---

[1] В основу положены данные социологического изучения дел о хулиганстве, проведенного сотрудниками криминологической лаборатории Казанского университета в 1970 г. Более четко эти особенности проявляются у рецидивистов (подробнее см. главу шестую настоящей работы).

назначении наказания все обстоятельства, которые сопровождали преступление.

Социально-психологические особенности, непосредственно проявившиеся в совершенном преступлении, как правило, находят свое выражение в обстоятельствах, учитываемых судом при назначении наказания (ниже приводятся данные, характеризующие обстоятельства совершения хулиганских действий. См. табл. 5 и 6).

Таблица 5

Смягчающие обстоятельства, принятые во внимание судом	К общему числу изученных дел (в %)
Совершение преступления впервые вследствие случайного стечения обстоятельств . . .	34,3
Совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего . . .	0,6
Чистосердечное раскаяние или явка с повинной	19,7
Положительная характеристика осужденного в быту и на производстве	23,3
Прочее	22,1
Итого	100

Среди обстоятельств, сопровождающих совершение преступления, большое значение имеют мотивы и поводы антиобщественного поведения. Так, по делам о хулиганстве, согласно тем же данным, наиболее распространенными мотивами явились озорство (52,6%), стремление показать свою силу, удаль (10,8%), чувство безотчетной злобы (11,3%), стремление проявить жестокость, поиздеваться над потерпевшим (2,8%); прочие мотивы составили 21,5%. Значительная часть (63%) хулиганских действий совершена по незначительному поводу (в ответ на замечание и другие правомерные действия граждан в связи с антиобщественным поведением) или при отсутствии повода.

Совершенно очевидно, что личность преступника характеризуется не только отрицательными чертами и при-

Таблица 6

Отягчающие обстоятельства, принятые во внимание судом	К общему числу изученных дел (в %)
Совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление . . .	20,3
Причинение тяжких последствий	2,0
Совершение преступления в отношении малолетнего, престарелого или лица, находящегося в беспомощном состоянии	1,8
Совершение преступления с особой жестокостью	1,0
Совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения	53,0
Прочее	21,9
Итого	100

знаками. Если бы дело обстояло именно так, то гуманные идеи советского законодательства об исправлении и перевоспитании правонарушителей были бы просто невыполнимыми.

Среди черт, входящих в первую и вторую группы и определяющих структуру личности преступника, имеется немало таких, которые не являются типичными только для правонарушителей. Сами по себе эти черты не являются, разумеется, выражением общественной опасности личности преступника, но, находясь в соединении с другими чертами, соотношение которых в каждом человеке является случайным, они могут выступать в качестве социально-психологической основы совершения преступления.

Помимо рассмотренных, немаловажное значение в содержании личностных отношений имеют обстоятельства, характеризующие психологические, физические и психические свойства личности, например, пол, возраст, в частности, несовершеннолетие и обусловленные им индивидуальные свойства личности, состояние здоровья, темперамент, особенности психических процессов. Несомненно, указанные свойства оказывают определенное влияние на противоправное поведение личности, и они не

могут не приниматься в расчет при установлении ее степени общественной опасности, назначении наказания и при решении других уголовноправовых вопросов.

Следует однако отметить, что вопрос о влиянии психофизических свойств на поведение человека, в особенности вопрос о соотношении социального и биологического в структуре личности, в антиобщественном поведении является одним из сложных и спорных вопросов правовой науки.

В советской печати справедливо отмечалось, что «некоторые наши психологи, педагоги и юристы слишком упрощенно подходят к пониманию многих сложных форм поведения человека, толкуя их только с социальной точки зрения» [1]. Это правильно. По существу такая позиция ведет к недооценке личности преступника, в частности, ее психических особенностей. Обычно такое положение принято объяснять стремлением противодействовать проникновению в советскую правовую науку идей антропологической теории уголовного права и в ее наиболее открытой форме — теории Ломброзо.

Однако основная причина резко негативного отношения юристов к физиологическим и психологическим особенностям личности преступника при объяснении антиобщественного поведения, на наш взгляд, заключается в методике решения данной проблемы.

Основной смысл этой методики состоит в том, что социальные и биологические свойства личности рассматриваются как противоположные и в соответствии с этим делается попытка связать указанные свойства с причинами преступности, попытка установить непосредственную связь между социальными и биологическими качествами человека и поведением. Между тем не всегда можно протянуть прямую линию между физиологическими и психическими особенностями человека и его поведением, между социальными факторами и совершенным действием. Нельзя забывать, что человек слишком сложно устроен и что влияние объективных условий на поведение выражается не непосредственно, а опосредо-

---

[1] В. Г. Гиндилис. Факт, а не гипотеза. — «Литературная газета», 1970, 22 июля.

ванно, через внутренние условия, образующие духовную основу личности [1].

Между биологическим и социальным в человеке лежит целый слой закономерностей, индивидуальных подструктур, образовавшихся вследствие чрезвычайно сложного взаимодействия физических и духовных свойств личности (генетических факторов), с одной стороны, социальных условий жизни и воспитания (экологических факторов), с другой [2]. Поэтому задача науки состоит, прежде всего, в том, чтобы вычленить эти особенности и проследить их зависимость от субъективной активности и внешних факторов, а через них установить действительное влияние индивидуальных особенностей и социальных условий на человеческое поведение.

Среди этого слоя индивидуальных закономерностей и подструктур можно выделить следующие: потребности и стремления человека, динамику нервных процессов и индивидуально-психические особенности, характер и особенности воли.

«Потребности — такая черта личности, в которой осуществляется удивительно прочный и многогранный синтез природного и социального начал» [3].

Они возникли и развиваются вместе с возникновением и развитием общественного производства, разви-

---

[1] «Все воздействия на личность реализуются не непосредственно, а через связи, существующие между подструктурами и отдельными чертами личности» (К. К. Платонов. Психологическая структура личности. — Указ. сб., стр. 75). Автор в структуру личности включает следующие стороны личности: 1) исключительно социально-обусловленные свойства личности (направленность, моральные свойства, отношения), 2) индивидуально приобретенный опыт (знания, навыки, умения, привычки, уровень личной культуры), 3) индивидуальные особенности отдельных психических процессов (форм отражения), 4) биологически обусловленные свойства личности (темперамент, инстинкты, органические патологические изменения, свойства (там же, стр. 70).

[2] «Если даже собственно половые различия выступают как продукт совместного действия биогенетических и социальных сил, то тем более это верно в отношении производных психологических качеств» (И. Кон. Как рождается характер. — «Литературная газета», 1970, 25 февраля. «Физические и духовные свойства в своей совокупности могут создавать свойства с новым качественным содержанием» (В. Д. Филимонов. Указ. соч., стр. 15).

[3] А. М. Мосоров, Г. В. Мокроносов. Личность и общественные отношения. — Сб. «Личность и общество». Свердловск, 1967, стр. 25.

тием стремлений, склонностей и интересов личности. Содержание и формы потребностей, прежде всего, зависят от возможностей, заложенных в социально-экономических условиях, в которых живет и действует человек. Вместе с тем потребности всегда носят личный характер, имеют физиологическую основу, поэтому форма их проявления и степень выражения в значительной мере зависят от индивидуальных личностных особенностей: темперамента, эмоциональной сферы, характера и т. д.[1]

Потребности имеют важнейшее значение в поведении человека, хотя и не исчерпывают всех побуждений, которые его стимулируют. Именно потребности и характер деятельности являются необходимыми условиями общения людей и вместе с тем выражают их природное и социальное различие.

Процесс проявления потребностей — чрезвычайно сложный. В нем участвуют все компоненты личности.

Как известно, человек всегда стремится к максимальному удовлетворению своих физических и духовных потребностей. Но пределы этих стремлений ограничены объективными условиями и возможностями, имеющимися в конкретной жизненной ситуации. Еще Гольбах отмечал, что в природе нет таких предметов, «которые были бы способны в любой момент доставить нам дозу активности, пропорциональную нашей организации»[2]. Поэтому человек, как правило, стремится сообразовать свои потребности и побуждения, с одной стороны, с обстоятельствами конкретной жизненной ситуации, а с другой — своими морально-психологическими установками, со своим опытом, который и «опосредует каждую в данный момент выявившуюся потребность знанием условий и средств ее удовлетворения, превращая благодаря этому акт удовлетворения в целесообразный, сознательный процесс»[3].

---

[1] «Как при образовании потребностей, так и при их проявлении захватывается деятельность всего организма, и в частности как филогенетически (родовое развитие существа), так и онтогенетически (индивидуальное развитие живого существа) сложившиеся системы внутриорганических связей и связей организма с внешней средой» (А. Г. Ковалев. Психология личности, 3 изд. М., 1970, стр. 119).

[2] П. Гольбах. Система природы или о законах мира физического и мира духовного. М., Гос. изд-во, 1924, стр. 236.

[3] А. Г. Ковалев. Указ. работа, стр. 123.

Лица, совершающие преступления, в своем подавляющем большинстве характеризуются тем, что они не стремятся сообразовать свое поведение с объективными условиями, конкретными обстоятельствами их жизни и деятельности, с возможностями, заложенными в конкретной жизненной ситуации.

Влияние потребностей на поведение человека неодинаково. Это зависит не только от особенностей и характера потребностей (одни потребности оказывают более сильное воздействие, другие — менее), но и от степени их выражения, развития. Человек может развить одни потребности за счет других. Иногда они приобретают извращенный, гипертрофированный, уродливый характер и, следовательно, придают императивный характер психической деятельности. Наибольшее значение среди таких потребностей имеют жадность, страсть к накопительству, наркомания, алкоголизм, разврат и др. [1]

Потребности, будучи осознанными, выступают как важнейшие стимулы активности личности. Но потребности не исчерпывают всех тех побуждений, которые возникают в голове человека и которые он кладет в основу своего поведения. Немаловажное значение в этом отношении имеют и различного рода склонности, интересы, стремления и т. д. Каким потребностям, стремлениям и иным побуждениям придает человек наибольшее значение в своих действиях и какие пути избирает для их осуществления, в значительной степени зависит от его способностей реагировать на окружающие условия, от нравственных качеств и, в частности, от сознания долга и чувства ответственности. Если, скажем, нравственные принципы и сознание ответственности стали внутренними убеждениями человека, то тем меньше оснований опасаться, что над ним могут взять верх извращенные потребности и антиобщественные побуждения. Как неоднократно подчеркивалось в нашей печати и подтверждено данными судебной практики, лица, совершающие преступления, — это в большинстве своем ограниченные люди, с примитивными нравственными представлениями.

---

[1] И. Г. Филановский считает, что в основе антиобщественной деятельности лежат, как правило, потребности извращенные, искаженные и мнимые (Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Автореферат докторской диссертации. Ленинград, 1970, стр. 9).

Характер мотивов и стремлений, которым чаще всего человек подчиняет свое поведение, может служить основанием для классификации преступников. По этим основаниям их, видимо, можно делить на преступников привычных и случайных, на преступников, действующих из корыстных и иных низменных побуждений и мотивов, лишенных низменного содержания и т. д.

Особенности и формы проявления побуждений зависят не в малой степени также от типа нервной системы, от врожденных свойств психики, от целостного психического склада личности, от характера психических процессов и мыслительной деятельности [1]. «Психические свойства личности — это то, чем может оказаться человек при определенных внешних обстоятельствах» [2]. Проблема личности не отделима от проблемы сознания, от психики в целом. Характер психических процессов и особенности мыслительной деятельности — это одно из основных свойств, с которым мы связываем понятие личности.

Особенно заметное влияние на поведение человека способны оказать различные психические и физические отклонения и недостатки, своеобразие мыслительной деятельности. «Нельзя не считаться с тем фактом, что наличие психопатии, умственной недостаточности и других проявлений психической неполноценности в ряде случаев может способствовать совершению криминального акта, облегчает его реализацию, сужает возможности альтернативного выбора действия, приносит иногда своеобразную «мотивацию» поступков, снижает возможности самоконтроля и т. д.» [3].

---

[1] «Прирожденные свойства нервной системы наряду с воспитанием и обучением формируют образ поведения» (И. П. Павлов. Соч., т. 3. М., Изд. АН СССР, 1961, стр. 269).

[2] В. С. Мерлин. Очерк психологии личности. Пермь, 1959, стр. 13.

[3] О. Е. Фрейеров. О так называемом биологическом аспекте проблемы преступности. — «Советское государство и право», 1966, № 10, стр. 112.

А. М. Яковлев правильно отмечает, что сужение альтернативных возможностей поведения может быть обусловлено как объективными, так и субъективными обстоятельствами (А. М. Яковлев. Взаимодействие личности со средой — как предмет криминологического исследования. — «Советское государство и право», 1966, № 10, стр. 57). См. также И. С. Ной. Личность преступника и ее значение в изучении преступности в условиях социалистического общест-

Действующее советское уголовное законодательство, как известно, на этот счет не содержит каких-либо постановлений. Названные обстоятельства принимаются во внимание, если они связаны с определением вменяемости. Однако при криминологическом изучении преступности и личности преступника мы не можем игнорировать эти обстоятельства. Во-первых, вменяемость характеризует исключительно отношение человека к содеянному, между тем как криминологический аспект изучения преступления и преступника прежде всего предполагает установление влияния этих обстоятельств на противоправное поведение. Во-вторых, имеется немало так называемых пограничных состояний, которые хотя не оказывают влияния на определение вменяемости, тем не менее не могут не учитываться при объяснении антиобщественного поведения и определении степени вины [1].

Материалы судебной практики свидетельствуют, что сравнительно высокий процент среди привлеченных к уголовной ответственности за отдельные преступления составляют лица, имеющие серьезные психические отклонения, в результате которых значительно нарушается способность руководить принятием решения и выбором поведения.

Только по данным проведенного нами социологического изучения хулиганства установлено, что 6,1% осужденных за это преступление находилось на излечении в психиатрической больнице или состояло на учете в нервно-психиатрическом диспансере и у районного психиатра, причем более половины из них страдало серьезными пси-

---

ва. — Уч. зап. Саратовского юр. инст., выпуск XVI. Саратов, 1969, стр. 14.

[1] Уголовноправовое и криминологическое значение пограничных состояний в советском праве-законодательстве, судебной практике и науке не исследуется. В. Н. Кудрявцев отмечает: «Спорными остаются случаи пограничных состояний, при которых, вероятно, одновременно необходимо как уголовноправовое, так и медицинское воздействие» (Причинность в криминологии, стр. 68).

В некоторых УК зарубежных социалистических стран пограничные состояния служат основанием выделения понятия уменьшенной вменяемости и смягчения наказания за совершенное преступление. (См., например, § 14—16 УК ГДР, 1968 г. Das neue Strafrecht bedeutsamen Schtritt zur Festigung unseres sozialistischen Rechtsstaates. Mit dem Wortlaut der von der Volkskammen der DDR in ihrer 6. Sitzung am 12. Januar 1968 beschlossenen Gesetze, Heft 45, Wahlperiode 1968).

хическими заболеваниями (эпилепсией, слабоумием и др. нервно-психическими расстройствами). Особенно тесная связь существует между психическими отклонениями личности преступника и частотой рецидива [1].

Несомненно, эти отклонения не являются только результатом личноврожденных свойств, а имеют под собой социальную основу. Вместе с тем влияние на их образование наследственной патологии не вызывает никакого сомнения. При этом роль и значение психических особенностей личности в конкретном поведении человека и проявлении общих условий его развития далеко не одинаковы. Являясь в отношении общих условий, определяющих развитие и становление личности, случайными, в то же время в конкретном поведении они нередко выступают как обстоятельства, с необходимостью определяющие поведение человека [2].

Побуждения человека и его поступки определяются не только потребностями, интересами и чувствами, укоренившимися взглядами и привычками, сознанием своего долга и т. д., но и волевой активностью, его волевыми особенностями. Несоответствие целей человека требованиям окружающей действительности может быть обусловлено не только силой детерминистического значения объективных обстоятельств, но и субъективными моментами, характеризующими свойства и особенности воли. Не подлежит никакому сомнению, что лица с разными волевыми свойствами в одинаковых противоречивых обстоятельствах выбирают и поступают по-разному [3].

Разумеется, сами по себе характер и особенности воли еще не определяют однозначно характер и особенности поведения. Например, безвольный человек не всег-

---

[1] Следует однако отметить, что эти данные далеко не соответствуют действительному положению, так учитывались лишь те психические отклонения, которые были выявлены при решении вопроса о вменяемости.

[2] Подробнее см. Б. С. Волков. Применение в уголовноправовых и криминологических исследованиях марксистско-ленинских положений о необходимости, случайности и свободе. — Труды Высшей школы МВД СССР, вып. 27. М., 1970.

[3] Три рода больных, в широком и в техническом смысле слова, представляет нам судебная практика, это — больные волею, больные рассудком и больные, если можно так выразиться, от неудовлетворенного духовного голода» (А. Ф. Кони. Собр. соч., т. 6. М., 1968, стр. 416).

да может подпасть под влияние подстрекателя. Однако в сочетании с другими личностными особенностями, например, при отсутствии твердых нравственных стимулов, чувства долга и понимания ответственности эти свойства воли в отдельных случаях могут сыграть решающую роль в антиобщественном поведении [1].

Воля, как и другие состояния и свойства личности, формируется, как известно, в процессе всей жизни индивида, особенно в результате деятельности. Однако в ее формировании немалую роль играют свойства и особенности эмоциональной сферы личности (особенности темперамента, характера, динамика психических процессов и др.). Эти особенности накладывают отпечаток не только на волевые качества личности, но и на весь психический процесс, посредством которого избирается поведение.

Необходимо отметить, что рассмотренные факторы проявляются в человеке и его поведении не изолированно, а в связи со всеми свойствами и особенностями личности. Любое действие как акт индивидуально-волевого поведения специфично прежде всего своеобразным соотношением объективных факторов и субъективных условий, обстоятельств конкретной жизненной ситуации и индивидуально-психологических особенностей личности; другими словами, каждое конкретное действие по-своему свободно и по-своему необходимо [2].

Вместе с тем, как уже отмечалось, врожденные и приобретенные психические предпосылки мы должны отличать от социальных признаков, от социальных связей. Именно последние играют решающую роль в личности преступника и его антиобщественном поведении. Люди с одинаковыми наследственными предпосылками (например, идентичные близнецы) проявляют сходство по своим антисоциальным наклонностям лишь постольку, поскольку они находятся в одинаковой микросреде.

---

[1] А. Б. Сахаров совершенно правильно отмечает, что та или иная черта в сочетании с другими нравственными пороками имеет иное значение (А. Б. Сахаров. Указ. работа).

[2] В. Н. Кудрявцев совершенно справедливо заметил, что «соотношение социального и биологического в поведении человека не является постоянным и одинаковым» (В. Н. Кудрявцев. Цит. соч., стр. 51—52).

Социальные отношения, входящие в структуру личности, довольно многочисленны и формируются в процессе объективных условий существования личности. И, разумеется, не все они находят свое выражение в совершенном преступлении. Однако в каждом конкретном случае можно выделить то или иное обстоятельство, сыгравшее главную роль в поведении. Это зависит не только от индивидуальных особенностей человека, но и характера совершенного преступления. Например, слабоволие будет иметь меньшее значение в преступлениях против личности, чем, скажем, в посягательствах против собственности. Конкретное поведение — необходимая основа для индивидуально-психологического исследования личности. Поэтому наряду с общими чертами, характерными для правонарушителей вообще, можно говорить о признаках, характерных для определенных групп преступников, например, о чертах личности хулигана, грабителя, спекулянта и т. д. Только при этом условии понятие личности преступника приобретает конкретный смысл и практическую значимость.

Глава вторая

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

В условиях научно-технического и социального прогресса нашего общества резко возрастает значение науки психологии.

Психология все больше и больше пронизывает деятельность судебно-следственных органов. Немыслимы без анализа психологических и социально-психологических причин преступности изучения психических особенностей правонарушителей, психических состояний, способствующих совершению преступлений, психических качеств людей, борющихся с преступностью, современное судопроизводство, криминология и уголовное право. За последнее время в юридической психологии[1] начинает уделяться значительно больше внимания проблеме личности, и это придает ей не только большое практическое значение, но и усиливает политическое звучание.

Только личностный подход к изучению преступника, к анализу процессуальной деятельности и ее субъектов позволяет глубоко разобраться в действительных мотивах поведения людей, в их, часто очень сложных, взаимоотношениях, вскрыть закономерности, знание которых необходимо каждому, кто призван воздействовать на людей, воспитывать и перевоспитывать их. Именно личностный подход дает возможность определить характер

[1] Понятие «Юридическая психология» используют психологи. Юристы, работающие в области судебной психологии, высказываются против такого широкого понятия (П. К. Шихриманьян, А. Р. Ратинов, А. В. Дулов и др.)

деятельности правонарушителя, условия его жизни и воспитания, а тем самым мотивы и цели, побуждающие действовать вопреки велениям права.

В основе психологической характеристики личности преступника лежит общее принципиальное положение о том, что человек — существо общественное, взятое в совокупности качеств, вырабатывающихся в процессе взаимодействия с обществом. Его индивидуальные особенности — одна из частей этой совокупности, учитывая которую можно формировать личность в нужном нам направлении.

В общесоциологическом плане принято выделять три основные стороны содержания каждой конкретной личности: духовную, нравственную, физическую. Духовная сторона включает в себя индивидуально-психологические особенности личности или, как их называют психологи, такие группы черт, как характер, темперамент, способности, интересы, волевые качества и некоторые другие психологические свойства личности. Что касается нравственной стороны, то она предполагает важнейшие принципы коммунистической морали, которые определяют мотивировку личностью своего поведения и способность соизмерять свои действия с интересами коллектива. Физическое состояние человека во многом определяет его духовный настрой, регулирует поведение человека, его побуждения и потребности. Нас интересуют все эти стороны содержания личности, ибо психологические качества проявляются только в диалектическом единстве с общественно-политическими и физическими чертами личности.

В структуре личности довольно четко проявляется диалектика объективного и субъективного. Материальные условия (объективное) сами по себе еще не есть стимул к практической деятельности. Между материальными условиями и противоправными действиями — связь опосредованная. Лишь отразившись в сознании, приняв форму идеального мотива поведения, объективное поднимается до уровня стимула действий. Таким образом, в основе противоправной, как и иной деятельности, всегда лежит побудительный мотив. В данном разделе ставится задача рассмотреть некоторые вопросы психологической структуры преступника, с учетом его процессуального положения в различных стадиях уголов-

ного процесса, после того как он будет привлечен к уголовной ответственности.

Всякое преступление представляет собой сознательный волевой акт деятельности человека. Любая деятельность, в том числе и противоправная, всегда имеет определенную психологическую окраску, мотивационно-целевую специфику, особое отношение лица к объекту притязания, к собственным действиям. Нередко те или иные черты личности в своей совокупности могут вызвать отклонение в поведении того или иного лица, что, в свою очередь, приводит к совершению противоправного деяния. В преступлении поэтому могут отразиться индивидуальные особенности и психологические качества, которые имеют определенное криминологическое и уголовно-процессуальное значение. Психологические черты, по справедливому замечанию А. А. Герцензона, дают ключ к пониманию вопроса, почему именно это лицо совершило преступление [1].

Следует отметить, что большинство лиц, совершивших преступления (за исключением отдельных патологических случаев), в плане психики не отличаются от других людей. Они сознают, что совершают противоправные действия, которые противоречат правилам советской морали. Они, наконец, в большинстве случаев понимают, что за совершенное преступление должны будут нести наказание.

Однако наличие серьезных отклонений в поведении в значительной степени способствует выработке отклонений психологического характера, которые в определенной жизненной ситуации мешают человеку сдержать себя и приводят к совершению преступления. Согласно данным конкретно-социологического изучения дел о хулиганстве, 22% из осужденных за это преступление проявили отсутствие должных волевых качеств, 5% — цинизм, грубость и невыдержанность, 9,8% — безмотивную, безотчетную злобу, чувство неудовлетворенной потребности, 5,2% — неуважение к человеческой личности и неправильное отношение к женщине, 32% — совершили хулиганство под влиянием других привычек и наклонностей. Характерно, что среди лиц, опрошенных в момент

---

[1] А. А. Герцензон. Введение в советскую криминологию. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 127.

допроса последних в качестве обвиняемых, не нашлось ни одного, кто не рассчитывал бы на возможную безнаказанность. Следовательно, в психологических расчетах человека, совершающего преступление, всегда есть надежда на возможную безнаказанность, стремление не оставить следов преступления или скрыть их.

Отклонения в поведении могут быть устойчивыми и неустойчивыми, длительными и кратковременными, сильными и слабыми. Как те, так и другие могут иметь своей причиной сложившуюся ситуацию, которая способна оказать неблагоприятное воздействие на личность, несмотря на длительность ее или краткость. Определенная ситуация может подавить личность или, наоборот, слишком возбудить ее и выбить из привычной колеи. Это, в свою очередь, может повлечь за собой аморальные проступки и преступления. Психологические причины формирования отклонений от нормального у подростка, осужденного за совершение грабежа, психологический надлом, приведший к преступлению, наглядно показывает Г. А. Медынский в работе «Трудная книга». Этот подросток рано пристрастился к спиртному, оторвался от коллектива, перестал заниматься общественно полезным трудом, завязал знакомства с лицами, явно распущенными в моральном отношении. «Как-то в момент одной из встреч мне предложили, — пишет он, — совершить грабеж. Я ни о чем не думал. Что мне было терять, когда я был уже человеком, который только случайно не сидит в тюрьме? У меня уже не дрожали руки и ноги. Ощущения стали стираться, побледнели, нужны были новые, более сильные. Вот предельный разрез чувств и переживаний человека, идущего первый раз на грабеж... На первых порах цель преступления всегда одна — сам процесс его... А после двух-трех ограблений приходит корысть, жажда денег» [1]. «Неверные представления о жизни, человеческом достоинстве, благородстве и подлости сделали меня преступником», — пишет другой [2]. «Отсутствие силы воли и здравого взгляда на жизнь — вот природа честолюбивого, мальчишеского

---

[1] Г. А. Медынский. Трудная книга. М., «Политическая литература», 1964, стр. 140—141.

[2] Там же, стр. 144.

поведения, которое привело меня на скамью подсудимых»,— указывает в своем письме еще один подросток [1].

Во всех этих случаях речь и идет о неблагоприятных ситуациях, вызвавших кратковременные отклонения. Хорошо, что всем троим помогли встать на правильный путь, понять и устранить эти отклонения, хотя понадобилось немало труда, чтобы мобилизовать их волю, преодолеть тот психологический надлом, который привел к совершению преступления.

Большую опасность представляют преступники с устойчивыми, длительными отклонениями; они значительно труднее поддаются исправлению и перевоспитанию. К ним, в частности, относятся рецидивисты и лица, совершающие особо опасные преступления. Среди общего количества лиц, совершающих преступления, указанная категория преступников занимает незначительное место. Однако характер отклонений, глубина психологического падения некоторых из них, сложность возникающих ситуаций требуют пристального внимания со стороны следователей и судебных органов.

Анализ судебной практики, материалы конкретно-социологических исследований показывают, что у многих лиц, совершивших преступления (особенно с устойчивыми, длительными отклонениями от нормы поведения), складывается свой, «особый» взгляд на мир, на свое поведение, своя жизненная «философия». Нередко понимание смысла жизни у этих лиц если не прямо противоположно, то, во всяком случае, в значительной мере не совпадает с общепринятым.

В криминологической и психологической литературе принято выделять нарушения правил поведения, носящие характер отклонений в правосознании личности [2]. Указанные отклонения проявляются в нежелании считаться и исполнять обязательные для всех законы, в преобладании личных интересов перед общественными. У большинства этих лиц потребности гипертрофированы или вообще извращены. Часто низменные потребности (корысть, стяжательство, нажива) преобладают над духов-

---

[1] Г. А. Медынский. Трудная книга. М., «Политическая литература», 1964, стр. 142.

[2] А. Г. Ковалев. Психологические основы исправления правонарушителя. М., «Юридическая литература», 1968.

ными, характеризующимися в свою очередь крайней узостью, односторонностью, антиобщественной направленностью (разгул, нежелание «терпеть» чье-либо сдерживающее влияние, пренебрежение к труду, стремление вести паразитический образ жизни и т. п.).

У многих преступников отсутствуют общественноценные возвышенные идеалы, у них низкий уровень интеллектуального и общего развития [1]. По данным аналитического исследования Министерства внутренних дел Татарской АССР, среди обследованных в 1970 году лиц, привлеченных к уголовной ответственности за хулиганство, 21% имели образование в объеме одного — трех классов.

Гр. Касимов [2], 38 лет, образование 2 класса, дважды судимый, в декабре 1969 года совершил преступление (хулиганство). Для этого преступника, осужденного по ст. 206 ч. 2 УК РСФСР, характерны такие качества, как чрезмерная грубость, невыдержанность, цинизм, неуважение человеческого достоинства и др.[3].

Кроме отклонений в правосознании, определенное значение в поведении, как уже отмечалось, могут иметь недостатки психологического характера. Особую роль в этом смысле играют такие свойства и состояния, как жадность, черствость, озлобленность, неуравновешенность, эгоизм, чрезмерное честолюбие, жестокость, интеллектуальная тупость, ревность и др. Как свидетельствуют материалы социологического изучения, 44,2% лиц из привлеченных к ответственности за хулиганство совершили это преступление на почве неуравновешенности, из обиды и чувства мести, 6,6% — из-за ревности, 28,2% испытывали личную неприязнь к потерпевшим. Отклонения психологического плана могут способствовать совершению преступлений, ибо именно они, будучи детерминированны прошлыми влияниями, вызывают определенные изменения в сложной системе психических процес-

---

[1] См. А. М. Яковлев. Некоторые теоретические вопросы общей методики изучения личности преступника. — Сб. «Проблемы искоренения преступности». М., «Юридическая литература», 1965, стр. 83.

[2] В примерах, заимствованных из местной судебной практики, фамилии обвиняемых изменены.

[3] Архив районного народного суда Ленинского района г. Казани за 1969 г.

сов, состояний и свойств. Правда, различные компоненты этой системы играют далеко не одинаковую роль в поведении человека, в возникновении отдельных отклонений, занимают неодинаковое место в его духовном мире. Одни из них представляют собой временные психические процессы и состояния, они легче поддаются положительному воздействию и, в конечном счете, нормализуются. Другие являются стержневыми линиями поведения, постепенно перерастают в фундаментальные свойства духовного облика и требуют длительного воздействия для их перестройки или устранения. Именно совокупностью психических качеств характеризуется поведение человека, ею руководствуются советские психологи при анализе характера и темперамента, при рассмотрении вопросов о цели и мотиве любой деятельности [1].

До сих пор мы все время говорили о личности преступника вообще, имея в виду широкое содержание этого понятия, т. е. как о человеке, совершившем преступление и не привлеченном к уголовной ответственности, так и о человеке привлеченном к ответственности. Ведь преступник существует и тогда, когда преступление еще не раскрыто, конкретное лицо, его совершившее, не установлено. Вполне естественно, что судебную психологию интересуют, с одной стороны, психические явления, связанные с совершением преступления, психические закономерности формирования антиобщественной установки и ее реализации в преступном действии или бездействии, а с другой — свойства и особенности личности обвиняемого, т. е. лица, уже привлеченного к уголовной ответственности и ставшего в силу этого участником уголовного судопроизводства. Необходимость тщательного изучения личности обвиняемого вытекает из требований уголовноправового и уголовно-процессуального законодательства. Кроме того, это вызывается насущными потребностями следственной и судебной практики, поскольку установление сведений о личности обвиняемого способствует выбору следователем и судьями наиболее эффективных приемов и способов проведения следственных и судебных действий. Изучение психологических качеств

[1] См. С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии, изд. 2. М., Учпедгиз, 1946.

обвиняемого дает также возможность более глубоко, всесторонне и объективно решить вопрос о предъявлении обвинения и избрании меры пресечения, правильнее квалифицировать содеянное, назначить виновному справедливую меру наказания и, что самое главное, установить изменение в психических процессах и особенностях личности в зависимости от ее участия в качестве субъекта уголовно-процессуальной деятельности. Как подчеркивается в литературе, изучение этих особенностей даст возможность следственным и оперативным работникам правильно оценивать поведение участников в ходе процесса и определять индивидуально-психологический подход к ним [1].

Исходными моментами при характеристике этих особенностей должны быть следующие:

во-первых, процессуальное положение, которое порождает определенные психические состояния;

во-вторых, наличие определенной группы психических особенностей, могущих существенно влиять на весь склад данной личности, определять его установку к совершению преступления;

в-третьих, отношение к совершенному преступлению, к расследованию и разбирательству в суде, к другим субъектам уголовно-процессуальной деятельности;

в-четвертых, осознание опасности могущих наступить последствий, определенное внутреннее напряжение.

Все эти моменты называются в качестве отправных в опубликованных за последние годы интересных работах А. Р. Ратинова, А. В. Дулова [2] и др.

Поведение обвиняемого на всех стадиях процесса является результатом взаимодействия всех сторон его личности: мыслей, чувств, характера, воли, способностей, интересов, нравственных установок и мировоззрения и т. д.

Все эти стороны проявляются через призму того положения, в котором оказывается обвиняемый (подсудимый), будучи привлеченным к уголовной ответствен-

---

[1] Вопросы судебной психологии. Минск, Изд. Белорусского университета, 1970.

[2] А. Р. Ратинов. Судебная психология для следователей. М., Высшая школа МООП СССР, 1967.

А. В. Дулов. Судебная психология. Минск, «Вышайшая школа», 1970.

ности. «Нельзя забывать, — подчеркивал А. Ф. Кони, — что подсудимый почти никогда не находится в спокойном состоянии. Естественное волнение после долгих, тяжелых недель и месяцев ожидания, иногда в полном одиночестве тюремного заключения, страх перед приговором, стыд за себя или за близких и раздражающее чувство выставленности «напоказ» перед холодно любопытными взорами публики — подавляющим или болезненно возбуждающим образом действует на сидящего на скамье подсудимых» [1]. «Преступление неотступно ходит за тем, кто его совершил, — писал Л. Е. Владимиров. — Он лишается душевного покоя, он просыпается и засыпает с мыслью о сделанном. Я не знаю человека, которому преступление приносило бы радость. Я не знаю человека, который пришел бы к счастью через преступление...» [2]

Как мы уже отмечали, в литературе правильно указывается, что от полноты изучения личности обвиняемого зависит правильность квалификации совершенного им преступления, определение меры наказания и эффективность его перевоспитания. Это, наконец, дает возможность выбрать наиболее правильную тактику работы с обвиняемым на предварительном следствии и в суде, в организации защиты. Между тем продуманной программы изучения личности обвиняемого в процессуальной и судебно-психологической литературе пока нет [3].

Нам представляется, что такая программа должна состоять из нескольких направлений и, прежде всего, из изучения моментов зарождения и характера преступных намерений, направленности личности, другими словами, ее установки.

В анализе психологических основ противоправного деяния установкам личности принадлежит важное место. Это прежде всего обусловлено тем, что установка определяет поведение, ибо она выражает избирательность отношений и активность деятельной личности, стремящейся достичь поставленной цели.

---

[1] А. Ф. Кони. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные произведения, М., Госюриздат, 1958, стр. 45.

[2] Л. Е. Владимиров. Закон зла. СПБ., 1892, стр. 46.

[3] Н. Ф. Федотова. Психологический анализ характеристики личности обвиняемого. — Сб. «Человек и общество». ЛГУ, 1969, стр. 95—104.

Как известно, в советской психологии выделяется три вида установок:

а) бессознательная установка на осуществление отдельного психического акта, например, на восприятие или запоминание того или иного явления, факта, события. Эта установка носит название ее автора, грузинского психолога Д. Н. Узнадзе, т. е. установка Узнадзе,

б) ситуативная установка, проявляющаяся в поведении и переживаниях человека в определенной ситуации,

в) личностная установка, выражающая в готовности человека постоянно вести себя определенным образом (иначе она именуется морально-психологической установкой).

Первым направлением в программе изучения личности обвиняемого и должен быть анализ указанных установок обвиняемого, ибо, как мы подчеркивали, именно установка содержит в себе цель тех или иных психических процессов и характеризует целевую направленность личности на осуществление той или другой деятельности или на торможение собственной активности.

Вторая часть программы изучения личности обвиняемого должна быть посвящена изучению свойств конкретной личности (обвиняемого) с точки зрения их соответствия идеальной норме поведения в обществе. В этом плане речь может идти, с одной стороны, о положительных качествах обвиняемого, а с другой — о тех отклонениях от нормы поведения, которые у него произошли. Совершенно правильно отмечает А. В. Дулов, что у правонарушителей «безусловно имеются (в различном состоянии) и положительные качества. Процесс расследования, возникающие ситуации, отношения должны всемерно содействовать проявлению, закреплению, развитию этих положительных свойств личности обвиняемого» [1].

Вместе с тем должен быть всесторонне изучен тот комплекс отклонений и, главным образом, устойчивых отклонений, которые привели к возникновению, на какой-то период времени, атипичной личности. Эти отклонения, как уже отмечалось, могут носить характер отклонений в правосознании или выражаться в наличии

---

[1] А. В. Дулов. Указ. работа, стр. 185.

таких свойств характера, которые отличаются от нормотипического и позволяют совершать насилие, ограбление, воровство, хулиганство без какого-либо нравственного колебания или мук совести. А. Г. Ковалев ко второго рода отклонениям относит жадность, равнодушие к человеческой жизни, черствость, озлобленность, легкомысленное отношение к жизни, крайнюю неуравновешенность и возбудимость, интеллектуальную тупость, жестокость и т. п. Что касается психических процессов, то, как полагает он, они остаются в норме, ибо мы не видим у вора каких-либо отклонений в восприятии, памяти, мышлении, воображении, в эмоциях и волевых процессах. У некоторых преступников, правда, обострена так называемая «профессиональная» наблюдательность и мышление. Своим эгоистическим, атипичным, с точки зрения общественной морали, потребностям и интересам вор подчиняет память, воображение, мышление и т. д.[1]

Вот почему в качестве второго направления изучения личности обвиняемого мы называем свойства его с точки зрения их соответствия идеальной норме поведения. В уголовном процессе борются не с обвиняемым как личностью, а с отдельными имеющимися отклонениями, за торжество лучшего в этой личности.

Третьим направлением такого изучения должны явиться психические процессы, состояния и свойства, появляющиеся или возникающие у лица в связи с возбуждением уголовного дела, предварительным расследованием, привлечением к уголовной ответственности.

Психология обвиняемого прежде всего характеризуется преобладанием оборонительной тенденции или оборонительной доминанты, которая определяется в психологической литературе как максимальный очаг нервного возбуждения, через призму которого преломляются восприятие и оценка обстановки, регулируется поведение лица, привлеченного к уголовной ответственности. На этой основе с учетом прошлого опыта формируется внутренняя позиция этого участника уголовного процесса, система отношений к происходящему, готовность действовать определенным образом[2].

---

[1] А. Г. Ковалев. Психологические основы исправления правонарушителя. М., «Юридическая литература», 1968, стр. 43.

[2] А. Р. Ратинов. Цит. соч., стр. 196.

При расследовании и судебном рассмотрении дела обвиняемый стремится уйти от наказания, скрыть действительные факты и обстоятельства совершения преступления. Инстинктивное стремление уйти от ответственности рождает определенную эмоциональную напряженность, противоречивые волевые моменты: признать себя виновным или не признавать, дать правдивые показания или не давать. Все это связано со сложной мыслительной деятельностью, которая происходит, как правило, в условиях общего угнетенного состояния. Эти обстоятельства в совокупности вызывают сложное психическое состояние внутреннего напряжения, иногда даже перенапряжения, за которым может последовать разрядка.

В литературе встречаются попытки обобщить те психологические черты, которые характерны для обвиняемого. К ним относят: прямую и коренную заинтересованность в исходе дела и связанное с этим активное или пассивное поведение, состояние страха перед могущими наступить последствиями, состояние нравственной подавленности и душевной депрессии, отсутствие, в большинстве случаев, доброй воли к признанию своей вины, повышенная раздражительность, взволнованность, а иногда и нервное потрясение, близкое к состоянию аффекта, крайняя настороженность, обостренное внимание, игра воображения, доходящая, подчас до экзальтации, склонность к молчанию, борьба мотивов и др.[1] Эти черты зависят от многих факторов. Их очень рельефно выделяет А. В. Дулов, называя среди них личностные качества, новизну ситуации (судился ли раньше), эмоциональное воздействие совершенного преступления в процессе его расследования, отношение к совершенному преступлению, избранную линию поведения, которая зависит и от степени подготовленности к процессу расследования, особенностей складывающихся психических отношений, степени осведомленности о материалах дела, ситуаций, возникающих в процессе расследования[2].

---

[1] Л. Г. Кривицкий. Тактика допроса на предварительном следствии. Львов, ГУ, 1949, стр. 140—141.

[2] А. В. Дулов. Указ. работа, стр. 86.

Таким образом, в процессе предварительного расследования проявление психических особенностей у обвиняемого определяется его процессуальным положением, условиями самого хода расследования, степенью переживания им складывающихся на предварительном следствии ситуаций. Все это требует от следователя индивидуально-психологического подхода к обвиняемому, психологического контакта с ним.

Важной задачей следователя на данном этапе работы с обвиняемым является умение подмечать все своеобразное в поведении, в его высказываниях, в отношении к людям, правилам общежития, общественному долгу, правам и обязанностям и т. д. Только анализируя и сопоставляя все увиденное и услышанное с обстоятельствами происшедшего, материалами дела, с личностными особенностями, можно сделать правильный объективный вывод об обвиняемом. Поэтому во время производства предварительного следствия необходимо спокойствие, выдержка, внимательное отношение к обвиняемому. Сама по себе манера ведения следствия в целом (производство отдельных следственных действий, особенно допросов) является сильнейшим раздражителем конкретной личности. Неверно взятый тон, пренебрежительное отношение, явно тенденциозный подход способны вызвать неожиданный нервный срыв обвиняемого, неправильную реакцию на происходящее, ненужную замкнутость.

Особенно внимательного подхода требует обвиняемый, находящийся под стражей. Изоляция приводит к значительному сокращению информации, которую он получает, а это в значительной степени обостряет восприятие им информации при общении со следователем. Кроме того, лишение свободы приводит к изменению стереотипа жизни, потребностей, иногда вызывает чувство обреченности, резкое изменение психического тонуса, создает специфические психические состояния. Все это, разумеется, влияет на показания обвиняемого, на его поведение на предварительном следствии.

В плане психологической характеристики личности преступника большой интерес представляет и неоднократно обсуждаемый в юридической литературе вопрос о целях и объеме судебного исследования личности

обвиняемого (подсудимого)[1]. Нас, разумеется, преимущественно интересует вопрос об объеме психологического изучения свойств и особенностей личности обвиняемого в ходе судебного разбирательства.

Представляется, что изучение психологических качеств личности подсудимого должно занимать значительное место в судебном разбирательстве конкретного уголовного дела. Разумеется, ценным психологический анализ личности в суде, так же как и в предварительном расследовании, будет только тогда, когда будет осуществляться в тесной связи и на основе всех материалов дела, так как цели, мотивы действий, намерения и стремления связаны с личностью, ее интересами, склонностями и другими качествами. Именно такой психологический анализ может служить поводом к решению вопроса, например, о наличии отягчающих обстоятельств при совершении преступления или, наоборот, обстоятельств, смягчающих ответственность, об оправдании подсудимого и т. д. Это очень хорошо подчеркнул А. Ф. Кони. «Закон требует, — писал он, — чтобы снисхождение было основано на обстоятельствах дела... Но из всех обстоятельств дела, конечно самое главное — сам подсудимый. Поэтому если в его жизни, в его личности, даже в слабостях его характера, вытекающих из темперамента и его физической природы, вы найдете основания для снисхождения — вы можете к строгому голосу осуждения присоединить голос милосердия»[2]. Этим еще раз подтверждается мысль о необходимости на всем протяжении процесса изучать индивидуальные свойства лица, совершившего преступление, его психическое состояние в момент преступления, круг его личных отношений, из которых могли вырасти намерения и мотивы преступления.

Вопрос об объеме судебного исследования личности обвиняемого в уголовноправовом аспекте разработан совершенно недостаточно. На это справедливо указы-

---

[1] И. И. Карпец. О некоторых вопросах методологии в уголовном праве и криминологических исследованиях. — «Советское государство и право», 1964, № 4, стр. 94—95; А. Б. Сахаров. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., Госюриздат, 1961; В. Г. Смирнов. Функции советского права. Изд. ЛГУ, 1965.

[2] А. Ф. Кони. На жизненном пути. СПБ., 1913, стр. 281.

вает Ю. В. Манаев, подчеркивая, что ни один официальный источник не дает разъяснений того, какие именно обстоятельства нужно учитывать при характеристике личности обвиняемого.

Мы полагаем, что можно согласиться с теми исходными позициями, которые рекомендованы этим автором. Он, в частности, указывает, что суды должны тщательно выяснять и исследовать обстоятельства, касающиеся личности обвиняемого в плане социальном, психологическом и психофизическом, хотя все они не являются элементом состава преступления [1].

Психологическая характеристика подсудимого имеет в виду главным образом оценку его особенностей как личности, исследуемых в тесной связи с составом преступления и проявившихся при определенных обстоятельствах (признание или непризнание своей вины, чистосердечное раскаяние, наличие или отсутствие низменных побуждений, не входящих в состав преступления и т. д.). Конечно, и при судебном исследовании социальная характеристика подсудимого рассматривается судом наряду и в теснейшей связи с психологической. Важнейшие социальные связи подсудимого являются в то же время критерием для психологической оценки личности. Наоборот, выяснение и исследование воли, темперамента, характера и иных психологических качеств подсудимого в равной степени дают возможность правильно оценить подлинную социальную сущность человека. Отсюда «вытекает необходимость исследовать не только внешние — социальные и психологические — проявления личности обвиняемого, но и проникнуть в его внутренний мир, сопоставить с фактом преступления все, что может быть доступно для исследования из прошлой жизни его, поскольку, разумеется, это прошлое имеет связь с совершенным преступлением [2].

Главное — глубокий анализ причин преступления, оценка поведения обвиняемого с учетом индивидуальных психологических особенностей. Именно такой подход позволит всесторонне, полно, объективно расследовать и рассмотреть дело, законно и целесообразно применить

---

[1] Ю. В. Манаев. Исследование в суде личности обвиняемого. — «Правоведение», 1969, № 2, стр. 87.

[2] Там же, стр. 88—89.

наказание, устранить причины и условия, способствовавшие совершению преступлений. Всестороннее исследование психологических черт и особенностей подсудимого, его психического состояния в момент совершения преступления дает возможность правильно решить вопрос и о квалификации преступления. Определенный интерес в этом отношении представляет дело Анученко, рассмотренное одним из судебных органов г. Казани в феврале 1969 г.

Анученко обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 102 п. «д» и 225 п. «д» УК РСФСР. Ему вменялось в вину то, что он, находясь в составе конвоя по охране заключенных, после длительных циничных оскорблений в его адрес со стороны заключенного Г., выстрелил в последнего из автоматического пистолета. Анученко совершил шесть выстрелов, тремя из которых смертельно ранил потерпевшего в грудь, руку и брюшную полость, отчего последний скончался. Всесторонне рассмотрев материалы предварительного следствия, проверив и оценив доказательства, обстоятельно установив причины преступления, проведя психологическую экспертизу, суд пришел к выводу о том, «что деяния Анученко в отношении Г. были непосредственно обусловлены противоправным поведением потерпевшего, т. е. находились в прямой причинной связи, и поэтому принимает заключение эксперта-психолога в обоснование приговора в качестве доказательства того, что Анученко в момент совершения установленных приговором деяний, выразившихся в умышленном убийстве Г., действовал в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного тяжким оскорблением со стороны потерпевшего».

Суд, признав, что преступление подсудимый совершил в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного противоправным поведением потерпевшего, считает, что это обстоятельство является решающим при квалификации убийства, поскольку законом прямо предусмотрена уголовная ответственность за убийство, совершенное при таких обстоятельствах. Способ действий и другие данные объективного порядка при убийстве, совершенном в состоянии сильного душевного волнения, которые сопровождали действия подсудимого, не имеют определяющего значения для юриди-

ческой оценки и квалификации содеянного. В соответствии с этим действия Анученко были переквалифицированы по ст. 104 УК РСФСР.

При решении вопроса о назначении наказания суд, исходя из содеянного Анученко, в качестве смягчающих его ответственность обстоятельств учел чистосердечное раскаяние в содеянном, признание им вины, тяжелые условия его жизни в детстве, наличие у него душевнобольной матери и положительные данные о его личности.

Приведенный пример свидетельствует, во-первых, о полном, всестороннем исследовании судом всех обстоятельств дела, с учетом личности подсудимого, во-вторых, о том, что встречаются случаи, когда главная роль в совершении преступления принадлежит не формированию личности, а влиянию конкретной ситуации [1], в-третьих, что в данном деле была назначена и проведена судебно-психологическая экспертиза, заключение которой суд положил в обоснование приговора в качестве доказательства, и, наконец, он еще раз опровергает имевшееся в процессуальной литературе мнение о том, что суждение по психологическим вопросам «входит в компетенцию самого суда» [2].

Когда речь идет о психологических особенностях подсудимого, проблема должна рассматриваться в двух аспектах. Прежде всего, должна быть исследована психологическая характеристика подсудимого с точки зрения личностной структуры вообще, т. е. в широком смысле слова. Другой аспект — психологический анализ поведения подсудимого в суде, хотя оно во многом

---

[1] Рассмотренный пример наглядно подтверждает вывод В. Н. Кудрявцева, который отмечал, что могут быть случаи, когда главная роль в совершении преступления принадлежит не формированию личности, а влиянию конкретной ситуации. «Возьмем такой случай, как причинение телесного повреждения в состоянии сильного душевного волнения, вызванного насилием со стороны потерпевшего или другими неправомерными действиями его. Конечно и здесь, — пишет В. Н. Кудрявцев, — можно сказать, что нравственный облик лица был не без изъяна, однако несомненно, что главная роль принадлежала той ситуации, в которой оказался обвиняемый». В. Н. Кудрявцев. Категория причинности в советской криминологии. — «Советское государство и право», 1965, № 14, стр. 82.

[2] И. С. Случевский. Спорные вопросы судебно-психиатрической экспертизы. — «Социалистическая законность», 1955, № 5, стр. 41.

предопределяется теми психическими качествами, которыми он обладает вообще.

Специфические условия судебного разбирательства, знание материалов уголовного дела, общее представление о нем, предвидение возможности постановки тех или иных вопросов определяют линию поведения подсудимого в суде. Характеризуя психологические особенности подсудимого в суде, А. Р. Ратинов писал, что они «обусловлены близостью окончательного решения дела, гласностью допроса, наличием веских уличающих доказательств, знакомством обвиняемого со всеми материалами предварительного расследования, которые в его присутствии и с его участием проверяются на суде, большей подготовленностью к защите. Действие этих факторов весьма многообразно и подчас противоречиво» [1]. Однако при всех этих условиях подсудимый уже более основательно продумывает свою линию поведения, может более спокойно воспринимать происходящее.

Конечно, поведение подсудимого в ходе судебного разбирательства может неоднократно изменяться. Это зависит от хода судебного разбирательства, реакции присутствующих в зале судебного заседания, отношения подсудимого к другим участникам судебного разбирательства, способностей его к восприятию и переработке информации, поступающей к нему: «Резкие и неожиданные коллизии, возникающие в ходе судебного заседания, — пишет А. В. Дулов, — могут изменить первоначальную линию его поведения, чему способствует эмоциональное, активное участие его во всех действиях. Поэтому возбуждение активности подсудимого — одна из задач суда» [2].

Правильная линия поведения подсудимого в суде обеспечивается, кроме всего, высоким качеством предварительного следствия, соблюдением всех прав обвиняемого, гарантированных законом, способностью суда глубоко вникнуть в сложные (как правило) общественные отношения граждан, разобраться в их чувствах, страстях и убеждениях, распознать особенности характеров, привычек и наклонностей и вынести законное и справедливое решение.

---

[1] А. Р. Ратинов. Цит. соч., стр. 216.
[2] А. В. Дулов. Указ. раб., стр. 335.

Следующим исходным моментом, характеризующим психические особенности обвиняемого, является глубина осознания им опасности могущего последовать наказания, определенное внутреннее напряжение, вызванное этим обстоятельстом. Психологическая природа поведения привлекаемого к уголовной ответственности заключается в том, что человек, удрученный предъявленным ему обвинением, нахлынувшим на него несчастьем, как правило, переживает случившееся. Практика показывает, что, как бы ни был испорчен человек, какое бы тяжкое преступление он ни совершил, все равно он (за редчайшим исключением) стремится в глазах людей казаться лучше и страдает, если у них другое мнение. Боязнь наказания, желание избежать его и создают то внутреннее напряжение, которое по мере возможности в процессе рассмотрения дела должен снять суд.

Конечно, все это должно осуществляться судом на базе правильного соотношения между доказательственным и психологическим материалом, ибо, как правильно указывается в криминологической литературе, не свойства людей (в том числе психологические свойства и качества), а объективированное выражение личности вовне, причем непременно выявленное и зафиксированное в установленном законом порядке, может быть включено в сферу уголовного права и процесса, может рассматриваться в качестве данных по делу и, следовательно, оказывать влияние на его исход. В этом одна из существенных гарантий законности в осуществлении правосудия. Именно здесь проходит та черта, которая отделяет психологию от права [1].

Мы остановились лишь на некоторых вопросах психологической характеристики личности преступника. Проблема эта сложная, важная и нужная. Дальнейшее изучение ее будет способствовать разработке новых путей борьбы с преступностью, глубокому, всестороннему, полному и объективному расследованию и рассмотрению уголовных дел, выявлению и устранению причин, порождающих правонарушения, и условий, им способствующих.

---

[1] Н. М. Яковлев. Некоторые теоретические вопросы общей методики изучения личности преступника. — В сб. «Проблемы искоренения преступности». М., «Юридическая литература», 1965.

Глава третья

ЛИЧНОСТЬ УБИЙЦ

Убийство является тягчайшим преступлением против личности и одним из самых опасных в нашей стране. «Все во имя человека, все для блага человека!» — вот смысл повседневной деятельности Советского государства, Коммунистической партии, всего советского народа. Поэтому посягательство на жизнь человека в социалистическом обществе является особенно нетерпимым. Решительная борьба с таким преступлением является важнейшей задачей судебно-следственных органов. Выполнение ее, в первую очередь, зависит от изучения конкретных причин и условий, способствующих совершению убийств, чтобы, выявив их, вести профилактическую работу по предупреждению этих опаснейших преступлений против жизни. Осуществлению этой задачи и подчинено изучение личности виновных в убийстве.

Субъектом убийства (ст. ст. 102—106 УК РСФСР) может быть вменяемое лицо, достигшее четырнадцати лет. Однако характеристика субъекта преступления не может быть сведена лишь к установлению его юридических признаков (возраст, вменяемость). Очень важное значение по делам об убийстве приобретает и выяснение данных о личности виновного: о его поле, возрасте, семейном положении, роде его занятий, об отношении к работе, о поведении в семье и любые другие сведения, в том или ином отношении характеризующие виновного. Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» от 4 июня 1960 г. указал на необходимость выяв-

ления всех этих данных. Они могут иметь самое различное значение.

Прежде всего, они имеют уголовноправовое значение. Так, например, такие данные о личности виновного в убийстве, как мотив совершения преступления, данные о предшествующих преступлениях, совершенных виновным, влияют на квалификацию убийства. Другие сведения (совершение преступления вследствие стечения тяжелых личных или семейных обстоятельств, совершение преступления несовершеннолетним и т. д.) имеют важное значение для определения степени общественной опасности виновного, а следовательно, и для назначения наказания.

Далее, преступление всегда совершается конкретным лицом. В силу этого любое преступление индивидуально, оно несет на себе печать воли, взглядов, привычек и стремлений лица, его совершившего. Невозможно поэтому понять, почему совершено то или иное преступление, не исследовав глубоко личность преступника. Только путем установления того, кто преимущественно становится на путь совершения убийства, а также данных о возможном употреблении или злоупотреблении алкоголем, сведений о предшествующем привлечении к уголовной, административной или иной ответственности, или применении мер общественного воздействия, можно наметить конкретные меры по предупреждению преступлений против жизни. Таким образом, данные о личности виновных в совершении убийств имеют важное криминологическое значение.

Наконец, данные о личности убийц в ряде случаев могут иметь значение для успешного расследования преступления.

Воля человека, его поступки, намеченные им цели детерминированы, причинно обусловлены материальными условиями жизни человека, социальной средой. Однако «детерминизм не только не предполагает фатализма, а, напротив, именно и дает почву для разумного действования» [1]; конкретная обстановка, в которой оказывается лицо, не обрекает его фаталистически действовать в определенном направлении. Антиобщественное поведение есть результат воздействия не только окружаю-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 440.

щей среды, но и внутреннего мира личности, присущих ей определенных нравственных качеств, побуждений. В тесной связи с характеристикой личности преступника находится мотив преступления.

Исследование мотива, являющегося побудительной причиной преступного деяния, помогает объяснить «механизм» антиобщественного поведения, без чего практически невозможна работа по предупреждению преступлений. Мотив помогает установить, из чего и как складывались неблагоприятные условия формирования личности. Криминологический анализ таких обстоятельств, характеризующих личность убийц, как пол, особенности возраста, недостаточное образование и др., показывает, что именно в мотивах преступления конкретизируются факторы, вызывающие антиобщественное поведение личности. Более того, многие обстоятельства, характеризующие личность виновного, без сопоставления их с мотивами являются слишком общими и не могут служить объяснением причин тех или иных преступлений. Мотив преступления имеет и важное уголовноправовое значение. От установления мотива зависит как правильная квалификация убийства, так и назначение наказания лицу, его совершившему. Поэтому характеристику личности убийц мы начнем с характеристики мотивов, по которым совершаются убийства.

С какими же мотивами сталкивается практика при расследовании и судебном разбирательстве дел об убийствах?

Изучение материалов кассационной и надзорной практики Верховного Суда РСФСР за 1966 год позволяет сделать следующие выводы о мотивах убийств, совершаемых в РСФСР.

Корысть	7
Хулиганские побуждения	25
Месть в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга, а также стремление воспрепятствовать этой деятельности	7,1
Месть (на почве бытовых отношений)	37,7
Ревность	11,1
Стремление избежать уголовной ответственности (цель скрыть другое преступление)	6
Прочие мотивы (стремление избавиться от потерпевшего, личная неприязнь, садистские и половые побуждения)	6,1
Итого:	100%

Приведенные данные свидетельствуют о том, что наиболее распространенными в настоящее время являются убийства из мести на почве личных взаимоотношений, они составляют более $1/3$ убийств, совершаемых в стране.

Убийства из мести в совокупности с убийствами из ревности и других личных побуждений, т. е. убийства, совершенные по бытовым мотивам, составляют примерно половину всех убийств.

Что же из себя представляют указанные мотивы, чем они характерны и как проявляется личность в этих наиболее распространенных мотивах убийств?

Месть есть акт расплаты, причинение зла за зло, причиненное человеку в прошлом. Мотив — это всегда осознанное побуждение, поэтому в определении мотива мести первостепенное значение приобретает не объективный признак (является ли причиненное «зло» таковым с точки зрения морали и права), а субъективный. Если виновный считает, например, что объективно правомерное действие потерпевшего затрагивает его интересы, воспринимает это как обиду и зло, причиненные ему, и из этих побуждений совершает преступное посягательство на жизнь потерпевшего, его мотивом также признается месть. От того же, какими действиями потерпевшего, правомерными или неправомерными, вызвана месть, зависит степень ее общественной опасности и ее уголовноправовое значение.

Убийство, например, из мести за выполнение потерпевшим своего служебного или общественного долга образует состав квалифицированного умышленного убийства (п. «в» ст. 102 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик).

Иное уголовноправовое значение приобретает мотив мести, являющейся ответной реакцией на аморальные или неправомерные действия потерпевшего. Последнее обстоятельство (недостойное поведение самого потерпевшего), естественно, снижает степень общественной опасности как убийство, так и лица, его совершившего. Это позволяет убийство, совершенное по мотиву мести, носящей чисто личный характер, рассматривать как умышленное убийство без отягчающих обстоятельств и квалифицировать его по ст. 103 УК РСФСР.

Характерным в этом отношении является дело Цалюковой об убийстве ею своего мужа Цалюкова.

В течение двадцати лет совместной жизни потерпевший издевался над женой, жестоко избивал ее.

Однажды, когда сильно пьяный Цалюков уснул после очередных побоев жены, Цалюкова нанесла потерпевшему удар бритвой в область шеи, от чего тот скончался.

Допрошенная следователем сразу же после убийства, Цалюкова заявила: «Убила я его потому, что он всю жизнь издевался надо мной» [1].

Ревность представляет собой выражение частнособственнических чувств, претензию на исключительное обладание любимым человеком. Ревность — это мотив, связанный чаще всего с отношениями между мужчиной и женщиной, носящими сугубо личный, нередко интимный характер.

Советское уголовное право справедливо рассматривает ревность (так же как и месть) в качестве низменного побуждения. Тем не менее по действующему уголовному законодательству, в отличие от старого (п. «а» ст. 136 УК РСФСР 1926 года), убийство из ревности не признается убийством при отягчающих обстоятельствах и должно быть квалифицировано по ст. 103 УК РСФСР.

Позиция новых уголовных кодексов в оценке социальной опасности ревности как мотива убийства вполне справедлива. Ревность возникает чаще всего на почве взаимоотношений между близкими людьми, она всегда направлена на конкретных лиц. Поэтому лично-интимный оттенок ревности, несмотря на ее низменный характер, не может не снижать степень общественной опасности убийства, по сравнению, например, с убийством из корысти или из хулиганских побуждений, признаваемых законодателем квалифицированными.

Ревность в убийстве тесно переплетается с местью. Виновные в убийстве из ревности чаще всего мстят потерпевшим за действительную или мнимую измену. Однако убийство из ревности и при этом сохраняет свой самостоятельный характер, имеет в отличие от убийства из мести свою специфику, заключающуюся в поводе к преступлению и характере отношений между виновным и

[1] Архив Елабужского районного народного суда Татарской АССР за 1963 год.

потерпевшим (действительной или мнимой неверности ревнуемого лица).

Так, Сонов, состоя в зарегистрированном браке с Соновой, ревновал ее к другим мужчинам, на почве чего между ними происходили ссоры. Ревность Сонова к своей жене усилилась после того, как у них родилась восьмимесячная дочь. Он стал подозревать, что жена могла жить половой жизнью до замужества и что ребенок не от него.

Один раз Сонов, встречая жену с работы, увидел ее вместе с рабочим того же цеха, в котором работала его жена. Это вызвало новые подозрения Сонова, и, придя домой, он стал упрекать жену в неверности. В ходе ссоры Сонова заявила мужу, что «всегда изменяла и будет изменять ему». В ответ на это Сонов схватил со стены охотничье ружье и застрелил потерпевшую [1].

Убийство из ревности в случае, если оно совершено в состоянии сильного душевного волнения, вызванного противозаконными действиями потерпевшего, образует состав убийства при смягчающих обстоятельствах и квалифицируется по ст. 104 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

Значительная часть убийств (примерно $1/4$) совершается из хулиганских побуждений. Особая опасность лиц, виновных в совершении убийств из хулиганских побуждений, заключается в том, что эти убийства характеризуются резкой направленностью против общественного порядка, общественных норм поведения и крайней малозначительностью повода, а то и вовсе его отсутствием. Совершением убийства виновный стремится показать свое неуважение к обществу, продемонстрировать свою (чаще всего пьяную) «силу», показать, что ему все дозволено. Личные стремления и интересы лица, совершающего хулиганское убийство, приобретают форму разнузданного эгоизма, крайнего индивидуализма и полного пренебрежения к другим. Убийца-хулиган открыто противопоставляет себя всему и всем. «Я вам покажу, вы узнаете, каков я!» — мысленно произносит он, решаясь на убийство и выражая тем самым свое «кредо» хулигана-убийцы, олицетворяющего анархическое представление о «свободе» своего поведения, про-

---

[1] Архив Приволжского районного народного суда г. Казани за 1965 г.

тивопоставляющего себя нашим представлениям о нормах взаимоотношений между людьми и законности.

Так, Андронов, получив зарплату, напился пьяным, взял охотничье ружье и стал бродить по улицам села, производя выстрелы. Первый выстрел он произвел около своего дома, вторым пристрелил собаку, затем дважды выстрелил около дома в своего односельчанина Ж., перепугав членов его семьи. Пройдя еще немного, Андронов увидел впереди незнакомую ему К., выстрелил и в нее. Выстрел оказался смертельным.

Верховный суд Татарской АССР правильно квалифицировал совершенное убийство по п. «б» ст. 102 УК РСФСР. Виновному было безразлично, кто мог оказаться в положении потерпевшего. Ему нужен был лишь объект для внешнего выражения присущего ему стремления продемонстрировать свое пренебрежение обществу.

Убийства, совершаемые по иным мотивам — корысти, стремления скрыть следы преступления, стремления удовлетворить половую страсть и т. д.,— встречаются значительно реже.

Таковы наиболее распространенные мотивы убийства [1].

Таблица 7

Пол осужденных за умышленные убийства	Количество преступников (в %) к общему числу убийц по годам		
	1967	1968	1-я половина 1969
Мужчины	90	89	95
Женщины	10	11	5[2]

[1] Подробнее вопрос о мотивах убийств см. в работах Б. С. Волкова. Мотив и квалификация преступлений. Казань, Изд-во Казанского ун-та, 1968; А. В. Наумова. Мотивы убийств. Волгоград, Изд. Высшей следственной школы МВД СССР, 1969.

[2] Эти и другие (где это не оговорено) данные о личности виновных в совершении убийств получены нами из обобщенного изучения дел об умышленных убийствах, рассмотренных народными судами и областным судом Волгоградской области в 1967, 1968 гг. и в первой половине 1969 г.

По Татарской АССР (по результатам нашего исследования дел об умышленных убийствах, рассмотренных в 1964 г. Верховным Судом ТАССР) эти данные выглядят следующим образом: мужчины — 94,4%, женщины — 5,6%.

Рассмотрим далее такие данные, характеризующие личность виновных в совершении убийств, как их пол, возраст, образование, род занятий и семейное положение, и сопоставим эти показатели с характеристикой мотивов данных преступлений.

Как видно из табл. 7, примерно в $^{9}/_{10}$ случаях виновными в убийствах являются мужчины. Чаще они (мужчины) становятся и жертвами этого преступления — около 54% в Волгоградской области и около 60% в Татарской АССР, 64% — в Ростовской области [1], 75% по материалам ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР [2]. Объясняется это, конечно, не столько биологическими различиями мужчины и женщины, а все еще имеющейся разницей в их социальном положении. Мужчины, менее связанные семьей, воспитанием детей, домашним хозяйством, больше употребляют спиртных напитков, чаще находятся в состоянии опьянения, на почве этого нередко вступают в ссоры и драки и в результате могут совершить убийство либо стать его жертвой. Это наглядно подтверждается данными о половой принадлежности виновных в совершении убийств в зависимости от их мотивов (данные исследования по Татарской АССР, 1964 год).

Таблица 8

Пол осужденных за умышленные убийства	Убийства из корыстных побуждений	Убийства из хулиганских побуждений	Убийства по бытовым мотивам (месть, ревность, личная неприязнь и др.)
Мужчины	100%	100%	85%
Женщины	—	—	15%

Как видно из таблицы 8, женщины не совершают (или почти не совершают) убийства из корыстных и хулиганских побуждений, что вполне согласуется с содержанием указанных мотивов. Корысть в настоящее время

[1] См. Э. Ф. Побегайло. Умышленные убийства и борьба с ними. Изд-во Воронежского ун-та, 1965, стр. 14.

[2] См. Советская криминология. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 248.

редко означает стремление к наживе, к накопительству: чаще всего корыстные побуждения при совершении преступлений, в том числе и убийств, предполагают стремление виновного приобрести средства на выпивку. Убийства же из хулиганских побуждений преимущественно совершаются в состоянии опьянения. Для женщины же, в отличие от мужчины, как мы уже отметили, в силу различия их положения в быту, меньше всего присуще стремление к употреблению спиртных напитков, а вместе с тем и совершение указанных преступлений.

В тех немногих случаях, когда женщина является субъектом убийства, это либо детоубийство, либо убийство по бытовым мотивам, — мести, ревности, личной неприязни, стремления избавиться от потерпевшего. Последние мотивы чаще всего возникают на почве семейно-бытовых взаимоотношений супругов, причем умысел на убийство у виновного нередко возникает вследствие недостойного поведения самого потерпевшего — его пьянства, издевательства над женой и детьми, нанесения им побоев и т. д.

Безусловно, одностороннее, с учетом лишь социальных факторов, объяснение женской преступности будет не совсем правильным. Женский характер — это продукт совместного действия как среды и воспитания, так и биологических факторов.

Женщина, которая призвана природой давать жизнь, женщина-мать наделена меньшей, по сравнению с мужчиной, агрессивностью и, наоборот, большей сдержанностью, терпимостью, мягкостью в отношении к окружающим и, следовательно, меньше способна на жестокость, в том числе и на преступное лишение жизни.

На этот счет могут возразить, что есть примеры убийств, совершенных женщинами с особой жестокостью. Действительно, следственная и судебная практика сталкивается иногда с подобными случаями, но эти единичные исключения только подтверждают общее правило — социальная обусловленность полового различия не исключает действия биологической природы этого различия.

Имеет ли этот вывод практическое значение для профилактики преступлений вообще и убийств, в частности? Нам кажется, имеет и при этом не малое. Известно, что формирование подростка-мальчика и подростка-девочки

существенно различается. Мальчика в большей степени, чем девочку, формирует ближайшее бытовое окружение (двор, улица), «культ силы», признаваемый и чтимый в мальчишеском царстве, военные игры с игрушечным оружием и т. д. В силу этого, принимая во внимание специфические особенности нравственного формирования мальчиков, необходимо больше внимания уделять воспитанию у мальчиков таких качеств, как доброта, мягкость, умение переживать за чужую физическую и нравственную боль и т. д. Не направляя в это русло повышенных педагогических усилий семьи, дошкольных учреждений и школы, мы тем самым не полностью используем возможность нейтрализации влияния природных факторов (на мальчика-подростка) системой воспитания и вообще социального воздействия в его широком смысле.

Таблица 9

Годы	Количество преступников (в % к общему числу убийц) по возрастам				
	до 22 лет (включительно)	23—30 лет	31—40 лет	41 и старше	итого
1967	18	24	36	22	100
1968	18	31,3	35	15,7	100

Около половины всех убийств совершаются лицами в возрасте до 30 лет (табл. 9). Близкие к этим имеются данные и по Татарской АССР [1].

Особенности возраста убийц нагляднее всего раскрываются в связи с мотивами совершения преступлений (данные исследования по Татарской АССР, 1964 г., см. табл. 10).

Как видно из приведенных данных, основной удельный вес корыстных убийств ($^3/_4$) падает на лиц в возрасте 23—30 лет. Сами по себе эти данные ничего не говорят, но если их сопоставить с данными, относящимися к

[1] По данным Верховного Суда Татарской АССР возраст осужденных за убийства в 1965 году характеризуется следующими показателями: до 25 лет — 56,3%, от 26 до 30 лет — 16,7%, от 31 до 40 лет — 20%, от 41 и старше — 7%.

личности осужденных за убийства из хулиганских побуждений, указанный контингент составляет всего лишь $^1/_4$ часть.

Таблица 10

Возраст убийств	Убийства из корыстных побуждений	Убийства из хулиганских побуждений	Убийства по бытовым мотивам (месть, ревность, личная неприязнь и др.)
До 22 лет (включительно)	16,6	37,5	5,4
23—30	75	25	26
31—40	8,4	25	37
41 год и старше	—	12,5	31,6
Итого	100%	100%	100%

Лица, осужденные за совершение корыстных убийств в возрасте до 22-х лет, составляют всего лишь 16,6% по сравнению с лицами этой же возрастной категории, осужденными за убийство из хулиганских побуждений — 37,5%. Таким образом, молодежь (в возрасте до 22-х лет) совершает менее $^1/_5$ корыстных убийств в отличие от убийств из хулиганских побуждений, которые составляют более $^1/_3$. Эти данные полностью отвечают специфике корыстного мотива. Жажда наживы, потребность накопительства, лежащие в основе корысти, меньше всего соответствуют психологии молодого человека. Корыстный мотив, как правило, свидетельствует уже о сложившейся антиобщественной установке личности. Анализ же судебной практики показывает, что для несовершеннолетних и вообще молодых правонарушителей, только что вступивших в самостоятельную жизнь, мотивами, приводящими к преступлению, являются чаще всего такие побуждения, как озорство, мнимая «взрослость и смелость», ложная романтика и другие подобные им.

Отличительной чертой лиц, совершающих убийства, является их низкий образовательный уровень (см. табл. 11).

Таблица 11

Образование лиц, совершивших убийство	Количество преступников (в % к общему числу убийц) по годам		
	1967	1968	1969 (первое полугодие)
Малограмотные и имеющие начальное образование	48	38,5	50
5—7 кл.	18	20,5	10
8—9 кл.	25	24	28
10 кл. и среднетехническое	9	17	12
Высшее	—	—	—
Итого	100	100	100

Из приведенной таблицы видно, что примерно 60% убийц не имели обязательного восьмилетнего образования [1].

В связи с мотивами совершенных убийств данные об образовании убийц выглядят следующим образом (данные исследования по Татарской АССР, 1964 г., см. табл. 12).

Таблица 12

Образование лиц, совершивших убийства	Убийства из корыстных побуждений	Убийства из хулиганских побуждений	Убийства по бытовым мотивам (мести, личная неприязнь и др.)
1—4 кл.	25	16	47,6
5 кл.	—	12	16
6 кл.	33,4	24	5
7 кл.	16,6	28	16
8 кл.	—	8	11,4
9 кл.	—	—	—
10 кл. и среднетехническое	25	12	5
Итого	100%	100%	100%

[1] По Ростовской области — 84,2%. См. Э. Ф. Побегайло. Указ. соч., стр. 42. По данным изучения ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР следственных анкет по делам об умышленных убийствах, более половины из числа обвиняемых имели начальное образование или вообще были малограмотны. См. Г. И. Кочаров. Предупреждение умышленных убийств. — «Социалистическая законность», 1961, № 6, стр. 20.

Данные об образовании лиц, совершивших убийства, наилучшим образом могут быть прокомментированы при сопоставлении с данными о роде занятий и семейном положении осужденных за умышленные убийства (см. таблицу 13, 14).

Таблица 13

Род занятий лиц, совершивших убийство	Количество убийц (в % к общему числу изученных убийств) по годам		
	1967	1968	1969 (1-я половина)
Не работающие	18	33	21
Колхозники	14	6,4	11
Рабочие	60	49	54
Служащие	6	6,4	11
Учащиеся	2	5,2	3
Итого . .	100	100	100

Таблица 14

Семейное положение убийц	Убийства из корыстных побуждений	Убийства из хулиганских побуждений	Убийства по бытовым мотивам (месть, ревность, личная неприязнь и другие)
Холостые (незамужние)	25	55	37
Женатые (замужние) . .	75	45	63
Итого . .	100	100	100

В связи с мотивами совершенных убийств эти данные (см. табл. 15) выглядят так (данные исследования по Татарской АССР, 1964 г.).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что среди осужденных за убийство из хулиганских побуждений

Таблица 15

Род занятий убийц в связи с мотивами	Убийства из корыстных побуждений	Убийства из хулиганских побуждений	Убийства по бытовым мотивам (месть, ревность, личная неприязнь и др.)
Не работающие	33,3	9	31,6
Колхозники	16,7[1]	18	26
Рабочие	33,3	64	31,6
Служащие	16,7	4,5	10,8
Учащиеся	—	4,5	—
Итого .	100	100	100

преобладают лица малограмотные и имеющие начальное образование, в то время как среди совершивших преступления из корыстных побуждений эти лица составляют значительно меньший процент (соответственно 25 и 16%).

Одну треть виновных в убийствах из корыстных побуждений составляют лица, нигде не работающие, без определенных занятий. Это согласуется со спецификой данных преступлений. Виновные в совершении корыстных убийств предпочитают добывать средства к жизни не общественно полезным трудом, а совершением преступлений. Корыстный мотив возникает у них на почве паразитического существования.

При сравнении образовательного уровня лиц, совершивших убийства из хулиганских мотивов и осужденных за убийство по другим мотивам, значительно больший процент составляют убийцы из хулиганских побуждений, имеющие образование 6—7 классов (52% в отличие от осужденных за убийства по другим мотивам — 22%).

[1] Характерно, что в первое десятилетие Советской власти убийства из корыстных побуждений являлись в основном преступлением деревни. Так, по данным Всеукраинского кабинета по изучению преступности и преступника, около 80% всех убийств из корыстных побуждений совершалось в селах. См. Изучение преступности и пенитенциарная практика, вып. II. Изд. Управления исправительно-трудовыми учреждениями УССР, 1928, стр. 35.

После получения таких данных последние две группы осужденных (лиц в возрасте до 22 лет и имеющих образование в объеме 6—7 классов) были объединены для того, чтобы выявить их род занятий. Интересно, что эти две группы почти совпали по своему составу. Все осужденные, попавшие в эту объединенную группу (за исключением двух) [1], работали на производстве: слесарем, каменщиком, трактористом и т. д. Все, за исключением одного, были не женаты (этот один состоял в незарегистрированном браке).

Таким образом, полученные данные позволяют сделать определенный вывод о личности преступников, совершающих убийства из хулиганских побуждений. Половину из них составляет молодежь в возрасте до 22 лет, имеющая образование в объеме 6—7 классов, работающая на производстве и самостоятельно распоряжающаяся заработной платой [2]. Это дает повод для многих раздумий. Во-первых, каждый из данной категории лиц являл собой пример нарушения закона о всеобщем обязательном восьмилетнем образовании; во-вторых, почти каждый находился в трудовом производственном коллективе, но, как показывает их судьба, эти коллективы по сути дела не оказали на них почти никакого положительного влияния. Все это как нельзя лучше подтверждает то, что труд, пребывание в рабочем коллективе сами по себе еще не являются панацеей от всех бед. Дело в том, на каком уровне стоит организованность произ-

---

[1] Один оказался учащимся профессионально-технического училища, а другой нигде не работал.

[2] Характерной в этом отношении является личность восемнадцатилетнего Гуреева, совершившего убийство из хулиганских побуждений и с особой жестокостью. Гуреев бросил школу, когда еще учился в 6 классе. Учиться он не любил; по его собственным словам, «ни один предмет ему не нравился». С 16 лет начал выпивать, с 18-ти, по собственному признанию и показаниям знавших его лиц, пил постоянно. Книги читал редко и то про «военное и шпионов». Свободное время делил между голубятней и телевизором. В театре не был ни разу, в кино ходил редко. В день убийства смотрел фильм «Боксер и смерть» (картину, где на протяжении полутора часов показывают избиение человека). Спортом не увлекался и стадион посещал редко (смотрел футбол). Работал слесарем на одном из заводов г. Казани. На допросах Гуреев признает, что в момент убийства он «озверел». Во время предварительного заключения чувствует себя нормально, спит спокойно, так же спокойно рассказывает и о совершенном им зверском убийстве.

водственного коллектива, дисциплина, как налажен культурный досуг трудящихся, насколько сильны на данном предприятии лучшие традиции рабочего класса. Практика показывает, что там, где нет таких условий, возможны различного рода антиобщественные поступки, в том числе преступления.

Вообще практически возможная мера воспитательно-предупредительного воздействия коллектива в отношении работающих правонарушителей зависит от уровня развития, степени зрелости и роста самодеятельности самих коллективов и общественных организаций. Важное значение в этом отношении, наряду с ростом материальной обеспеченности, имеет рост культурного уровня и сознательности, дальнейшая коммунистическая переделка быта, психология людей.

Прокуратура Центрального района г. Волгограда в 1966 году провела изучение практики борьбы с преступлениями и другими антиобщественными проступками на девяти крупных предприятиях за 1967 г. и первые три месяца 1968 года. Однако проверка показала, что, несмотря на проведенную положительную работу в этом направлении, распространенность преступлений и особенно других правонарушений (прогулов, мелкого хулиганства, связанных, как правило, с выпивками) не может не вызвать тревогу. Достаточно сказать, что значительная часть работников этих предприятий допускала нарушения общественного порядка, прогулы и другие правонарушения.

Видимо, наряду с усилением личной моральной и гражданской ответственности каждого трудящегося, необходимо всемерно развивать моральную и гражданскую ответственность коллектива за воспитание всех своих членов. Игнорирование своих воспитательных функций, самоустранение от моральной и гражданской ответственности за поведение, образование, труд и досуг каждого из своих членов являются выражением слабости данного коллектива, недостаточного уровня его сознания и организованности, его культурного уровня и гражданского самосознания.

Следовательно, для резкого сокращения и последующей ликвидации преступности (в том числе и убийств), особенно среди работающей молодежи, мы обязаны принять все зависящие от нас меры к возможно скорейшему

устранению имеющихся в отдельных производственных коллективах недостатков, отрицательно влияющих на формирование молодого поколения.

Речь идет, в частности о том, чтобы исключить дурные примеры и разлагающее влияние на молодежь со стороны аморально или преступно ведущих себя взрослых или сверстников по месту работы, учебы и жительства. В этом плане пора не на словах, а на деле объявить войну пьянству, особенно в дни получки, прогулам, сквернословию, грубости, улучшить организацию труда. Необходимо обострять и воспитывать общественную реакцию нетерпимости к проявлению любых антиобщественных проступков и правонарушений.

Наконец, не менее важно совершенствовать деятельность администрации предприятий и организаций, в частности, по трудоустройству, организации труда, профессионально-техническому обучению, охране трудовых прав подростков, а также улучшить культурно-воспитательную работу среди них, особенно в общежитиях.

Резко бросается в глаза разница и в семейном положении лиц, виновных в убийствах из хулиганских побуждений, и лиц, совершивших убийства по другим мотивам. Так, 55% виновных в убийствах (табл. 15) из хулиганских побуждений являлись холостыми (незамужними) в отличие от корыстных убийц — 25%, убийц по бытовым мотивам — 37%. Такое явление можно частично объяснить недостаточной занятостью досуга молодежи. Проблема преступности, особенно преступности молодежи, находится в прямой связи с проблемой свободного времени. Сказанное, разумеется, должно быть отнесено не только к несовершеннолетним и молодежи. В известной степени убийства из хулиганских побуждений являются вообще результатом бессмысленного времяпрепровождения, вследствие чего у неустойчивой к социальным нормам личности легче развиваются анархистско-индивидуалистские инстинкты [1]. В силу этого на

---

[1] По материалам выборочного исследования, проведенного на территории бывшего Центрально-Черноземного экономического района, 95% обследованных преступников не принимали в прошлом никакого участия в общественной работе, 55% — не читали художественной литературы, 41% — газет и журналов, 79,5 — не посещали театров, 15,6% — не посещали даже кино, 24% — не слушали радио,

первое место среди предупредительных мер против совершения убийств должно быть выдвинуто неуклонное и точное претворение в жизнь положений Программы партии о культурном строительстве в нашей стране.

«В период перехода к коммунизму возрастают возможности воспитания нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство»[1]. Занятие наукой, техникой, литературой, искусством, спортом и т. д. должно стать потребностью всех людей, независимо от их профессии, возраста и пола.

«Без высокого уровня культуры, образования, общественной сознательности, внутренней зрелости людей коммунизм невозможен, как невозможен он и без соответствующей материально-технической базы»[2].

Необходимо, чтобы каждый человек свое свободное время, свой отдых тратил на что-то интересное и разумное: общественную деятельность, культурное общение, умственное и физическое развитие. Главную роль в этом призваны сыграть общественные организации предприятий и учреждений. Первичные партийные, профсоюзные, комсомольские, спортивные организации, организации ДОСААФ должны таким образом проводить свою работу, чтобы ни один человек не оставался вне поля зрения.

Социально-демографические данные, относящиеся к личности убийц, имеют особенности и применительно к убийствам, совершенным по бытовым мотивам. Характерно, что убийства по бытовым мотивам (из ревности, мести, личной неприязни и т. д.) совершаются людьми старшего возраста. Так, около 70% осужденных за убийства по бытовым мотивам являются лицами старше 30 лет.

Изучение статистических данных показывает, что 2/3

лишь 1,2% увлекались спортом и 4,9% — техникой. См. С. С. Остроумов, В. Е. Чугунов. Изучение личности преступника по материалам криминологических исследований. — «Советское государство и право», 1965, № 9, стр. 98.

[1] Программа КПСС. Материалы XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., Госполитиздат, 1961, стр. 411.

[2] Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза — «Правда», 1971, 31 марта.

осужденных за умышленные убийства совершили это преступление в состоянии опьянения [1].

Между алкоголизмом и преступностью существует тесная связь. Известно, что, являясь сильным наркотическим средством, алкоголь разрушающе действует на организм человека, отражаясь прежде всего на нормальной работе нервной системы. У пьяного усиливается возбудимость и ослабляются тормозные процессы. В состоянии опьянения человек часто становится развязным, грубым, теряет самоконтроль.

Особенно наглядно детерминистический характер различных обстоятельств и условий, способствующих совершению преступлений, проявляется в сопоставлении с мотивами этих преступлений, так как становится ясно, каким образом указанные обстоятельства влияют на формирование преступного умысла виновного.

Так, например, хулиганские мотивы чаще всего возникают под влиянием алкоголя, когда ослабляются, а то и вовсе парализуются тормозные процессы и, наоборот, усиливается возбудимость, появляется повышенная чувствительность к обидам, возникает агрессивность. В связи с этим при изучении дел об убийствах из хулиганских побуждений бросается в глаза значительно больший процент убийств, совершенных в состоянии опьянения. Приведем данные из обобщения дел об убийствах при отягчающих обстоятельствах, рассмотренных Верховным Судом ТАССР в 1964 году. (см. табл. 16).

Как видно, убийства из хулиганских побуждений совершаются в состоянии опьянения более чем в два раза чаще, чем убийства из корыстных побуждений. Большая часть убийств по бытовым мотивам также совершаются в состоянии опьянения. Значительно меньше совершается в состоянии опьянения корыстных убийств, что может быть объяснено расчетливым характером и преднамеренностью этих преступлений.

Все это настоятельно требует усиления антиалкогольной пропаганды. Печать, радио, телевидение, кино долж-

[1] См. сб. «Алкоголизм — путь к преступлению». Под. ред. А. Герцензона. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 7. По результатам нашего обобщения дел об умышленных убийствах в Волгоградской области за 1967, 1968, 1969 гг. эта цифра еще больше — 83% лиц, осужденных за умышленные убийства, совершили это преступление в нетрезвом состоянии.

Таблица 16

Мотивы	Убийства, совершенные в состоянии опьянения (в %)
Корысть	41
Бытовые побуждения (месть, ревность, личная неприязнь и др.)	84
Хулиганские побуждения	87,5[1]

ны систематически (а не от случая к случаю) разоблачать пагубные последствия алкоголизма для общества и государства. Многое в этом отношении должны сделать и общественные организации, создавая нетерпимую обстановку к фактам пьянства по месту работы или жительства, к тем, кто злоупотребляет спиртными напитками.

Борьба с пьянством предполагает выполнение целого ряда специальных мероприятий, предусмотренных в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15 декабря 1953 г. «Об усилении борьбы с пьянством и

---

[1] По материалам исследований, проведенных Всесоюзным институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, влияние опьянения на мотивы совершения убийств характеризуется следующими данными:

Мотивы	Убийства, совершенные в состоянии опьянения (в %)
На почве брачно-семейных отношений	66,7
Ревность	62,9
Корысть	39,5
Месть	64,4
Хулиганские побуждения	96,6
Сокрытие других преступлений	73,3
Обоюдные драки и ссоры	85,3
Прочие мотивы	29,0

(См. «Алкоголизм — путь к преступлению», стр. 8).

наведении порядка в торговле спиртными напитками» и ряде других решений [1]. В первую очередь сюда следует отнести широкое развертывание массово-политической и культурно-воспитательной работы среди населения, лечение алкоголиков (в том числе и принудительное лечение тех, кто не хочет лечиться добровольно) [2]; расширение выпуска безалкогольных напитков; ограничение торговли алкогольными напитками.

В деле борьбы с пьянством должны успешно использоваться и уголовноправовые средства. Опыт показывает, что ослабление уголовноправовой борьбы (а также воспитательной работы) с самогоноварением (ст. 158 УК РСФСР) ведет к значительному усилению пьянства, к совершению преступлений, в том числе и убийств.

К сожалению, постановления нашего законодательства о борьбе с пьяницами выполняются все еще неудовлетворительно.

Известно, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года «Об усилении ответственности за хулиганство» признал состояние опьянения обстоятельством, отягчающим ответственность, т. е. состояние опьянения теперь приобрело уголовно-правовое значение. В соответствии с названным Указом, законом от 11 июля 1969 года «О внесении дополнений и изменений в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» ст. 34 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик была дополнена указанием на такое отягчающее обстоятельство, как состояние опьянения. Причем законодатель сделал оговорку о том, что «суд вправе, в зависимости от характера преступления, не признать это обстоятельство отягчающим ответственность».

В соответствии с этим перед судебной практикой, в том числе и при рассмотрении дел об убийствах, встал вопрос, в каких же конкретных случаях состояние опьянения приобретает уголовноправовое значение, а когда оно не является отягчающим обстоятельством?

В литературе было высказано мнение, что состояние

---

[1] «Правда», 1966, 27 июля.

[2] Важным в этом отношении является проведение в жизнь Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 апреля 1967 года «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании злостных пьяниц (алкоголиков)». — «Советская юстиция», 1967, № 10.

опьянения следует признавать отягчающим: «когда преступление было совершено при исполнении служебной, профессиональной или иной деятельности, связанной с созданием опасности для жизни и здоровья граждан или социалистической либо личной собственности граждан»[1].

Представляется, что такое понимание содержания п. 10, ст. 34 Основ означает неосновательное сужение ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения. Так, например, большинство убийств, особенно умышленных, совершаются как раз не при исполнении указанной деятельности: убийства из хулиганских побуждений, убийства в ссоре и драке, убийства из мести и ревности, из корысти и т. д.

Думается, что уголовноправовое значение состояния опьянения как обстоятельства, отягчающего ответственность, тесно связано с его криминогенным значением. Состояние опьянения повышает общественную опасность преступления и лица, его совершившего, во всех тех случаях, когда оно явилось обстоятельством, способствующим в конкретном случае совершению преступления, например, подогрело решимость виновного совершить преступление, т. е. содействовало созреванию умысла и т. д. Как показывает изучение следственной и судебной практики по делам об убийствах, именно при совершении этих преступлений, состояние опьянения и является своеобразным катализатором, прямо влияющим на совершение виновным преступного лишения жизни другого человека. Поэтому, как правило, во всех таких случаях суды при рассмотрении дел об убийствах должны признавать ссстояние опьянения виновного в момент совершения им убийства отягчающим ответственность обстоятельством.

Значительный интерес представляют и данные о прежних судимостях убийц.

Специальный рецидив среди осужденных за умышленные убийства почти отсутствует.

То обстоятельство, что по делам об убийстве квалифицирующее значение имеет лишь специальный рецидив, вовсе не устраняет необходимость устанавливать предшествующую преступную деятельность лица, виновного в убийстве, не связанную с совершением убийства. Уго-

---

[1] А. Г. Габиани Уголовная ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения. Тбилиси, 1968, стр. 127.

ловноправовое значение может приобрести судимость за любое преступление или совершение им в прошлом любого преступления (разумеется, если судимость не снята или не погашена, или не истекли давностные сроки привлечения к уголовной ответственности). Во-первых, предшествующее совершение любого преступления будет признано отягчающим обстоятельством при назначении наказания за убийство (п. 1 ст. 39 УК РСФСР). Во-вторых, уголовноправовое значение приобретает установление предшествующего совершения виновным в убийстве иных, помимо убийства, преступлений в связи с возможным признанием его особо опасным рецидивистом (ст. 24[1] УК РСФСР). В-третьих, в связи с решением судом вопроса о виде исправительно-трудового учреждения, где лицо, виновное в убийстве, должно отбывать наказание, уголовноправовое значение имеет не просто установление предшествующей судимости лица за то или иное преступление, но и установление вида наказания, отбытого виновным. Так, если виновный в убийстве (которого суд приговорил к лишению свободы) отбыл наказание в виде исправительных работ (разумеется, при условии, что судимость не снята и не погашена), он будет отбывать это наказание в колонии усиленного режима. В случае же, если виновный в убийстве ранее уже отбыл наказание в виде лишения свободы (судимость также не снята и не погашена), суд определит ему для отбывания наказания за убийство исправительно-трудовую колонию строгого режима (ст. 24 УК РСФСР).

Поэтому при расследовании или судебном рассмотрении дел об убийствах важно установить все преступления, совершенные лицом, обвиняемым в убийстве.

Среди преступлений рассматриваемого контингента осужденных нельзя не отметить значительного процента общего рецидива. Примерно каждый пятый убийца в прошлом был судим за какое-либо преступление (18% — по рассмотренным областными и народными судами Волгоградской области дел об убийстве в 1967 г. и 21% — в 1968 г.). Из них около половины были судимы за совершение двух и более преступлений; $1/4$ осужденных судились ранее за преступления, связанные с насилием (разбой, грабеж с насилием, дерзкое хулиганство и т. д.). Не может не настораживать тот факт, что у 40%

осужденных за умышленные убийства (1968 г.) с момента освобождения из мест лишения свободы (условно-досрочного, по истечении срока), а также с момента условного осуждения за последнее преступление прошло не более одного года. Например, Воронов, осужденный в 1968 году по ст. ст. 15—103 УК РСФСР, ранее был судим за следующие преступления: в 1946 году — по ст. 153 ч. 2 УК РСФСР 1926 года к 4 годам лишения свободы, в 1950 году — по ст. 73 ч. 1 и 74 ч. 2 УК РСФСР 1926 года к 4 годам лишения свободы, в 1957 году — по ст. ст. 73 ч. 1 и 74 ч. 2 к одному году лишения свободы и в 1967 году по ст. 206 ч. 1 к одному году лишения свободы условно.

В связи с этим стоит подумать о совершенствовании уголовной политики, проводимой народными и областными судами. Приведенные данные свидетельствуют, что суды далеко не всегда правильно применяют принцип индивидуализации наказания, что выбранная ими мера ответственности преступника может и не соответствовать тяжести совершенного им преступления и его (преступника) общественной опасности. Почему-то в практике нередко принцип индивидуализации наказания понимается только как учет смягчающих обстоятельств. В действительности же осуществление этого принципа связано с достижением целей наказания, четко определенных законодательством, — исправление и перевоспитание осужденного, частное и общее предупреждение (ст. 20 Основ уголовного законодательства).

При любых обстоятельствах применение условного осуждения к лицу, которое совершило хулиганство и ранее было пять раз судимо за различные преступления, в том числе и за злостное хулиганство (дело Воронова), вряд ли может способствовать тому, что осужденный встанет на путь исправления (так в действительности и случилось, не прошло и года, как он совершил покушение на убийство).

Все это равным образом не свидетельствует и о должной эффективности исправительно-трудовой практики.

Убийства, являющиеся проявлением рецидивной преступности, необходимо и возможно предупредить. Для этого следует установить тщательный контроль за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы.

В отношении особо опасных рецидивистов и лиц, отбывавших наказание за тяжкие преступления, следует неукоснительно соблюдать требования ст. 49 Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

В отношении остальных лиц, освобожденных из мест лишения свободы, на которых не распространяются требования ст. 49 Основ и Положение об административном надзоре органов милиции, но которые в период отбывания наказания показали упорное нежелание встать на путь исправления, следует установить контроль общественных организаций по их новому месту работы.

Преодоление указанных недостатков в деятельности судов, исправительно-трудовых учреждений, милиции будет одновременно способствовать и сокращению убийств, их предупреждению.

Обобщенное изучение судебной практики свидетельствует, что определенная часть (примерно $^{1}/_{10}$) всех убийств совершается группой. Так, по данным Волгоградского областного суда, убийства, совершенные в группе, составили: в 1966 году — 10%; в 1967 году—8%; в 1968 году — 11%; в 1969 году (1-е полугодие) — 12% всех совершенных в области убийств.

Известно, что преступление, совершенное в соучастии, особенно по предварительному сговору группой лиц, значительно усиливает общественную опасность преступления. Законодатель, устанавливая повышенную ответственность, например, за хищение (кражу, грабеж, разбой и др.), обман покупателей, совершенные по предварительному сговору группой лиц, и за другие составы преступления имеет в виду то обстоятельство, что осуществление их в соучастии значительно облегчает возможность совершения преступления, создает меньший риск разоблачения преступника, т. е. способствует тому, что преступник может уйти от правосудия, от ответственности. И чем сложнее и опаснее преступное посягательство, тем соответственно повышается и степень общественной опасности этой совместной формы преступной деятельности.

Тем более все это должно быть отнесено к убийству, как самому опасному преступлению против личности. Совершение убийства по предварительному сговору груп-

пой лиц целесообразно было бы отнести к наиболее опасному виду убийства — убийству при отягчающих обстоятельствах [1]. Это будет соответствовать правильной юридической оценке этого опасного вида преступления против жизни, а также способствовать осуществлению задачи общего предупреждения — несовершению этого преступления другими, помимо осужденного, лицами.

Дополнительную, но вместе с тем важную характеристику личности виновного нередко могут дать и такие данные, как место, время и орудие убийства (см. табл. 17, 18, 19).

Таблица 17

Место совершения убийств	Процент убийств
Частный дом (усадьба)	31
Отдельная коммунальная квартира	15
Комната в коммунальной квартире	—
Общежитие	6
Рабочее место	16
Улица, скверы, парки и другие общественные места	21
Лес, поле	11
Итого	100

Таблица 18

Время совершения убийств	Процент убийств
Рабочие дни	66
Праздничные, предпраздничные, воскресные и субботние дни	34
Итого	100

[1] С такими предложениями обоснованно выступили С. С. Степичев, Г. Н. Мудьюгин и М. Ф. Комаров. См. их статью «Ответственность за умышленное убийство в свете криминологических исследований». — «Советское государство и право», 1968, № 3, стр. 81—86.

Таблица 19

Орудие убийства	Процент убийств
Колюще-режущее оружие	33
Огнестрельное оружие (преимущественно охотничье)	28
Случайные предметы	39
Итого	100

Почти половина совершаемых убийств происходит в отдельных домах и отдельных квартирах. Это, как правило, убийства, совершаемые на бытовой почве. Такие убийства труднее всего предупредить.

Наоборот, именно в плане возможной предупредительной работы больший интерес представляют убийства, совершаемые в общежитиях, на рабочих местах и в общественных местах (улица, сквер и т. д.), которые в общей сложности составляют примерно $^1/_3$ — $^1/_2$ совершенных убийств. Эти убийства есть отчасти следствие недостаточно четко организованной наружной службы милиции (убийство в общественных местах), отсутствия необходимой трудовой дисциплины, пьянства, попустительства членов коллектива к недостойному поведению отдельных работников, запущенность политико-воспитательной работы (убийства на рабочих местах и в общежитиях).

Устранение указанных недостатков явилось бы и профилактикой рассматриваемых преступлений.

Примерно $^1/_3$ убийств происходит в праздники, предпраздничные, выходные и субботние дни. Эти убийства также, как правило, совершаются на почве пьянки. Именно в эти дни необходимо более четко организовать наружную службу милиции, народных дружин, различных комсомольских и молодежных оперативных отрядов по борьбе с преступностью.

Колюще-режущее оружие — это, как правило, самодельное холодное оружие, изготовленное виновными по месту работы. Чтобы предупредить эти убийства, необходимо, во-первых, установить на производстве тщатель-

ный контроль за расходованием материалов и эксплуатацией станочного и другого оборудования, во-вторых, привлекать к суду общественности тех, при чьем попустительстве возможно изготовление самодельного оружия на производстве, и в-третьих, последовательно осуществлять борьбу с незаконным ношением холодного (а также огнестрельного) оружия.

Более четверти убийств совершается из огнестрельного оружия, преимущественно из охотничьего, а также спортивного. В юридической печати неоднократно делались предложения об установлении надлежащего контроля за приобретением и хранением спортивного и охотничьего оружия. Осуществление этих предложений на практике также способствовало бы уменьшению убийств.

В настоящее время ни у кого из советских юристов не вызывает сомнения социальный характер основных причин преступности. Тем не менее, поскольку биологические свойства человека являются частью структуры личности, проблема соотношения биологического и социального, их влияния друг на друга и на выбор лицом преступного поведения остается актуальной.

В советской криминологической литературе господствующей по этому вопросу точкой зрения является отрицание какой-либо совместимости этих аспектов (социологического и биологического) при решении вопроса о причинах антиобщественного поведения. Вопрос ставится в такой плоскости: или преступное поведение порождается одними социальными факторами — и тогда становится возможным выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений, либо преступное поведение вызвано биологическими факторами — и тогда преступность превращается в «вечную» категорию [1].

Представляется, что такой подход к решению этой важной проблемы, оперирующей в методологическом отношении только неопосредованными противоположностями, упрощает действительное положение вещей.

Известно, что преступления совершаются и лицами, хотя и вменяемыми, однако страдающими психическими отклонениями: психопатией в той или иной форме, хро-

[1] См., например, Криминология (изд. 2-е). М., «Юридическая литература», 1968, стр. 135—140 и др.

ническим алкоголизмом, остаточными явлениями вследствие перенесенной ранее травмы головного мозга и т. д. Особенно это заметно при изучении убийств. Правда, принято считать, что доля преступлений, совершаемых психопатами, в общей массе преступности ничтожна. Однако данные, которые приводятся в подтверждение указанного вывода, вряд ли можно считать сколько-нибудь представительными. Существующий порядок направления обвиняемых на судебно-психиатрическую экспертизу позволяет лишь в малой части выявить у лица, совершившего преступление, наличие не исключающего вменяемость психического заболевания. В результате обобщения дел об умышленных убийствах при отягчающих обстоятельствах, рассмотренных Волгоградским областным судом в 1966/67 гг., было установлено, что лица, виновные в убийстве, у которых было то или иное психическое отклонение, составили более 10% от общего числа осужденных за эти преступления [1]. В действительности же этот контингент может оказаться еще больше, так как лица, виновные в покушении на убийство при отягчающих обстоятельствах, на судебно-психиатрическую экспертизу, как правило, не направляются. Вне поля исследования оказываются и лица, совершившие убийства, предусмотренные ст. ст. 103, 104, 105 и 106 УК РСФСР (по той же причине). Но даже и при существующей практической возможности получения полных данных необходимо признать, что речь идет не о каких-то отдельных преступлениях, совершаемых отдельными лицами, а об определенной (пусть не такой большой, но более или менее постоянной) части общей преступности.

Второй довод, выдвигаемый против признания за психопатическими свойствами личности их криминогенности, заключается в том, что вменяемый психопат способен руководить своими действиями, а следовательно, и воздержаться от преступления. Поэтому биологический элемент в его поведении подчинен социальному.

---

[1] Речь идет о вменяемых психопатах. Что касается лиц невменяемых, то последние также совершают значительное количество посягательств против жизни. Так, по данным Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 8,7% зарегистрированных в 1964 г. убийств совершили невменяемые. См. Вопросы борьбы с преступностью. М., «Юридическая литература», 1969, стр. 89.

Но ведь сама по себе вменяемость не может служить объяснением причины совершения преступления. И вообще это положение служит объяснением совсем другого явления — ответственности психопата за свои поступки, в том числе и за совершенные им преступления. В данной же полемике оно аргументом признано быть не может (вопрос о причинности подменяется вопросом об ответственности). Бесспорным является и подчиненность биологического момента (в поведении психопата) социальному. Однако подчиненность первого второму не означает, что вследствие этого вообще можно действие первого сбрасывать со счета при анализе преступного поведения психопата. То обстоятельство, что психопатические черты психопатов-преступников не непосредственно проявляются в совершении преступления, а преломляются через его сознание, не должно явиться причиной игнорирования значения этих факторов для избрания лицом антиобщественного поведения. Социальная природа сознания, как и духовное вообще, не является абсолютной противоположностью природному, биологическому [1].

Не бесполезно будет вспомнить и высказывание Ф. Энгельса, сделанное им в «Анти-Дюринге»: «Но ведь уже самый факт происхождения человека из животного царства обусловливает собой то, что человек никогда не освободится полностью от свойств, присущих животному, и, следовательно, речь может идти только о том, имеются ли эти свойства в большей или меньшей степени, речь может идти только о различной степени животности или человечности» [2].

Следовательно, биологические законы не могут не участвовать в регулировании (в определенной мере) деятельности человека уже потому, что человек — это жи-

---

[1] В «Экономико-философских рукописях 1844 года» К. Маркс отмечал, что «лишь благодаря предметно развернутому богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается богатство субъективной *человеческой* чувствительности..., такие чувства, которые утверждают себя как *человеческие* сущностные силы. Ибо не только пять внешних чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т. д.) — одним словом *человеческие* чувства, человечность чувств,— возникают лишь благодаря *очеловеченной* природе». (К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений, М., Госполитиздат, 1956, стр. 593—594).

[2] К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 102.

вой организм. Полная свобода от этого влияния возможна лишь с его смертью.

Особенно эта связь наблюдается при изучении преступников-психопатов и совершаемых ими преступлений, в частности убийств.

Например, Корявина, осужденная за убийство, предусмотренное п. «г» ст. 102 УК РСФСР, перед совершением преступления находилась на амбулаторном лечении в психоневрологическом диспансере. Из истории болезни известно, что заболевание (реактивный психоз) протекало остро. Больная кричала по ночам, что ее хотят убить, смеялась, плакала. Днем также была тревожна, чего-то боялась, пряталась. Вскоре после выхода из диспансера, на почве ссоры с Р., особо жестоким способом совершила (совместно с мужем) убийство последнего. Виновная при этом 12 раз (!) укусила потерпевшего в область спины и груди [1].

Трудно не усмотреть здесь связь между только что перенесенной виновной вспышкой психического заболевания и совершенным ею преступлением.

Главной причиной преступления и здесь являются социальные причины, однако задача криминолога заключается не только в определении причины преступления. Все то, что так или иначе способствует проявлению главной причины, является ее своеобразным катализатором, должно быть отнесено к криминогенным факторам. В частности, психопатические черты личности также должны занять определенное место среди условий и обстоятельств, способствующих совершению преступления. Если же эти факторы будут игнорироваться при профилактике преступлений против жизни, определенное количество убийств будет и впредь совершаться преступниками-психопатами (дело Корявиной). Напротив, тщательный учет лиц, страдающих психопатией, хроническим алкоголизмом, лиц, имеющих остаточные явления после травмы головного мозга, и правильно организованное врачебное наблюдение за ними в значительной мере могло бы способствовать предупреждению совершения этими лицами преступлений.

Не нужно поэтому с такой решительностью изгонять

---

[1] Архив Волгоградского областного суда за 1967 год

судебную психиатрию из криминологических исследований, как иногда делается [1].

Подобный подход нисколько не умаляет значения социальных причин преступности, а напротив, позволяет правильно определить действительную их роль. Поэтому признание в указанных случаях за биологическими факторами свойства криминогенности вовсе не означает возврата к теории факторов, порочность которой заключалась в том, что она не просто признавала существование биологических факторов, наряду с социальными, а уравнивала их. Будучи детищем своего класса, буржуазная криминология не могла выделить основные причины преступности в капиталистическом обществе — наличие классовых непримиримых противоречий, ему присущих.

Таким образом, всестороннее изучение личности виновных в убийствах способствует правильному расследованию и судебному рассмотрению дел об убийствах и позволяет более успешно решать задачи предупреждения этих преступлений.

---

[1] См., например, «Вопросы борьбы с преступностью», 1967, № 6, стр. 20—21.

Глава четвертая

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО ДОЛЖНОСТНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Изучение динамики числа осужденных за должностные преступления показывает неизменное сокращение количества лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за должностные преступления.

В 1959 году, по сравнению с 1948 годом, в ТАССР число лиц, осужденных за должностные преступления, сократилось на 32 процента, в 1968 году, по сравнению с 1959 годом, еще на 46 процентов.

Невелик и удельный вес осужденных за должностные преступления в структуре преступности.

Анализ движения преступности и должностных преступлений за ряд лет показал, что осужденные за должностные преступления составляют в среднем всего 2 процента, что примерно соответствует удельному весу осужденных за должностные преступления по стране в целом (2,3%) [1].

Значительное сокращение числа лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, и небольшой удельный вес должностных преступлений в структуре преступности не означает, что борьба с этими преступлениями может быть ослаблена. На декабрьском Пленуме ЦК КПСС (1969) было указано на ряд существенных недостатков в деятельности работников государственного аппарата

[1] См. Криминология, М., «Юридическая литература», 1968, стр. 119. В 1934 году должностные преступления вместе с присвоениями и растратами должностных лиц в структуре преступности страны составляли 28,9%, то есть почти $1/3$ часть всех преступлений. (см. «Советское уголовное право», Общая часть. Изд-во МГУ, 1969, стр. 86).

управления: потеря чувства ответственности, недобросовестность, нарушение дисциплины, бесхозяйственность и расточительность, косность и бюрократизм [1].

Вопросам совершенствования деятельности всей системы органов государственного управления было посвящено специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по совершенствованию и удешевлению аппарата управления» [2]. Пленум ЦК КПСС в постановлении от 3 июля 1970 года также обратил внимание партийных организаций, всех кадров партии и государства на необходимость повышения дисциплины, личной ответственности за порученное дело, неукоснительного соблюдения и исполнения советских законов со стороны всех кадров государства [3].

Вопросам дальнейшего повышения уровня работы советского государственного аппарата, укрепления социалистической законности было уделено большое внимание в решениях XXIV съезда КПСС. «Уважение к закону, — указывал Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС, — должно стать личным убеждением каждого человека. Это тем более относится к деятельности должностных лиц. Любые попытки отступления от закона или обхода его, чем бы они не мотивировались, терпимы быть не могут» [4].

Исследование проблемы должностных преступлений, изучение причин, условий, способствующих нарушениям по службе, и, в частности, обстоятельств, характеризующих лиц, совершающих злоупотребление по службе и проявляющих халатное отношение к ней, необходимо для искоренения указанных нарушений закона и повышения эффективности уголовноправовых мер борьбы с такими преступлениями по должности, как должностные злоупотребления, взяточничество и др. [5]

---

[1] См. «К новым свершениям». — «Правда», 1970, 13 янв.

[2] См. «Правда», 1969, 24 окт.

[3] См. «Очередные задачи партии в области сельского хозяйства». — «Коммунист», 1970, № 10, стр. 8—9.

[4] Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. — «Правда», 1971, 31 марта.

[5] См. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1970 г. «О задачах судебных органов в связи с решениями декабрьского (1969 г.) Пленума ЦК КПСС. («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1970, № 3, стр. 12).

Анализ структуры преступлений, совершенных должностными лицами за ряд лет, показывает, что наиболее распространенной является должностная халатность, составляющая в среднем 44 процента всех совершаемых преступлений, а также злоупотребление властью и служебным положением — 39% осужденных, тогда как на все остальные должностные преступления (превышение власти, взяточничество и должностной подлог) приходится 17 процентов.

Всего было изучено 200 анкет, заполненных на лиц, осужденных за должностные преступления, в большей части народными судами г. Казани, а также районными народными судами ТАССР, других автономных республик Поволжья и областей РСФСР.

При изучении личности этих преступников было обращено внимание прежде всего на общие социально-демографические признаки, характеризующие эту категорию субъектов. Это — возраст и пол осужденных. В исследованиях многих советских криминалистов отмечается известная взаимосвязь между полом, возрастом и отдельными видами преступлений. Поэтому они не могут игнорироваться при изучении личности преступника и причин преступного поведения [1]. Так, «женщины не совершают (или почти не совершают),— как отмечает А. В. Наумов,— убийства из корыстных и хулиганских побуждений» [2].

Удельный вес осужденных женщин за умышленные преступления против жизни, общественного порядка, как правило, составляет 5—10% от общего количества совершаемых убийств [3]. Между тем, среди лиц, осужденных за должностные преступления, женщины, по нашим данным, составляют примерно 40 процентов. Почти аналогичный процент (44%) участия женщин в совершении должностных злоупотреблений по службе был установлен А. Я. Светловым [4].

---

[1] См. В. Н. Кудрявцев. Причинность в криминологии, М., «Юридическая литература», 1968, стр. 50—69.

[2] А. В. Наумов. Мотивы убийств. Волгоград, 1969, стр. 125.

[3] См. Э. Ф. Побегайло. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, Изд-во Воронежского университета, 1965, стр. 39. См. также «Криминология». М., «Юридическая литература», 1968, стр. 442.

[4] См. А. Я. Светлов. Борьба с должностными злоупотреблениями. Киев, «Наукова думка», 1970, стр. 152.

Отсутствие существенных различий между мужской и женской преступностью по должностным преступлениям, по сравнению с другими общеуголовными преступлениями, А. Я. Светлов объясняет тем, что «в нашем народном хозяйстве, а также в органах просвещения, здравоохранения, управления и т. д. женщины занимают около половины (и более, например, в здравоохранении) должностных постов» [1].

Данное объяснение вряд ли является убедительным. Статистика показывает, что в общей численности населения женщины составляют 53,9%[2]. Однако большинство преступлений, как было показано выше, совершаются мужчинами. Это еще раз свидетельствует о том, что при определении причин женской преступности само соотношение мужчин и женщин не имеет решающего значения в удельном весе женской преступности. Возрастание удельного веса женской преступности наблюдается только применительно к отдельным видам преступлений. Так, статистика свидетельствует, что женская преступность приближается к мужской при совершении преступлений по должности, службе, работе (присвоение, растрата, злоупотребление, халатность, обман покупателей и др.), либо таких хозяйственных преступлений, как спекуляция, занятие запрещенным промыслом и др. Следовательно, мужчины и женщины, находясь в одинаковых социальных условиях, занимая одни и те же должности в предприятиях, учреждениях и организациях, совершают одни и те же преступления, при этом биологические (половые) различия, как показывают исследования должностной преступности, не имеют сколько-нибудь решающего значения [3]. И наоборот, в тех сферах общественной жизни и быта, где наблюдается еще существен-

[1] А. Я. Светлов. Борьба с должностными злоупотреблениями. Киев, «Наукова думка», 1970, стр. 152.

[2] См. Сообщение ЦСУ СССР. О предварительных итогах Всесоюзной переписи населения 1970 г. «Правда», 1970, 19 апреля. Среди рабочих и служащих нашей страны женщины также составляют половину, а среди специалистов всех отраслей народного хозяйства— 58%. (см. М. Назаров. Ленинские принципы работы с кадрами.— «Коммунист», 1970, № 1, стр. 71).

[3] Еще проф. М. Н. Гернет отмечал, что меньший процент осужденных женщин объясняется исключительно условиями жизни женщины. В России наименьшее количество обвиняемых женщин приходилось на губернии Уфимскую, Казанскую, Оренбургскую, т. е. на те губернии, где значителен процент мусульманского населения и

ное различие между полами, мы можем констатировать и различие в отдельных видах преступлений. Например, большая привязанность женщин к семье, к детям, специфические интересы и особая нравственная требовательность, которая предъявляется к женщине, неупотребление спиртных напитков и др. в условиях социалистического общества, как правило, исключают среди женщин такие тяжкие преступления, как убийства, разбои, хулиганства [1]. И, естественно, там, где преступность женщин не связана с указанными обстоятельствами, она в количественном отношении приближается к мужской. Например, обследование осужденных в 1967 году судами ТАССР за хищения по должности в системе потребкооперации, госторговли, УРСов и общественного питания показало, что процент осуженных женщин также приближается к проценту мужской преступности и составляет 40%.

Лица, совершающие должностные преступления, отличаются от других общеуголовных преступников и по своему возрасту. Для последних преступлений характерен наиболее молодой возраст преступников. Например, в возрасте до 30 лет совершают кражи 79%, разбойные нападения — 85% [2], хулиганство — 57% [3], убийство — (18—40 лет) — 78,2 [4], тогда как должностные преступления, по данным нашего исследования, совершаются лицами в более зрелом возрасте, в основном в возрасте от 31 до 50 лет (70%) [5] (см. таблицу 20).

где женщина ведет особенно замкнутый образ жизни. См. М. Н. Гернет. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества, Раздел III — «Факторы преступности». М., «Мир».

[1] Подражание худшим формам поведения мужчин в странах капитала (например, курение, алкоголизм) ведет к тому, что преступность мужчин и женщин все меньше различается между собой. В настоящее время соотношение между правонарушениями юношей и правонарушениями девушек в США составляет 4:1, в Англии 8:1. Однако за последние годы, как отмечает Ф. С. Махов, наметилась тенденция к более резкому увеличению числа правонарушений, совершенных девушками. См. Ф. С. Махов. Преступность несовершеннолетних в США, Англии. М., «Юридическая литература», 1964, стр. 27.

[2] См. «Криминология», М., «Юридическая литература», 1968, стр. 429.

[3] См. там же, стр. 442.

[4] См. А. А. Герцензон. Введение в советскую криминологию. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 177.

[5] Почти аналогичные данные были получены А. Я. Светловым. См. указанную работу, стр. 153.

Таблица 20

Возраст преступников по должности	Число лиц в процентном отношении к общему числу совершивших должностные преступления	
	по данным нашего исследования	по данным исследований Светлова
16—18	0,4	1
18—25	8,4	7,6
26 - 30	13,8	2,5
31—40	36,7	13,6
41—50	33,5	30,4
51—60	7,2	33,3
Старше 60	—	11,6

Больше случаев расхищения социалистической собственности в особо крупных размерах наблюдается среди лиц в возрасте свыше 40—50 лет. «У таких лиц,— отмечает В. Н. Кудрявцев,— сложились устойчивые антиобщественные взгляды. Очевидно, что и здесь решающую роль играет не сам по себе возраст, как биологический показатель, а социальные особенности личности» [1]. При этом социальные особенности личности должностного преступника вырабатываются и формируются, главным образом, под непосредственным влиянием производственного коллектива и в меньшей степени под влиянием ближайшего бытового окружения. Здесь трудно уже провести какую-то непосредственную связь между недостатками семейного и школьного воспитания и совершенным преступлением, поскольку жизнь давно уже внесла свои коррективы в представления и понятия личности, которые были сформированы в юношеском возрасте, произошла полная переоценка ценностей, сложились устойчивые убеждения и постоянные устремления личности. Средний возраст лиц, совершивших должностное преступление,— 38 лет — говорит сам за себя. Независимость совершенного преступления и семейного и школьного воспитания под-

[1] В. Н. Кудрявцев. Причинность в криминологии. М., «Юридическая литература», 1968, стр. 65.

тверждалась также и данными опроса осужденных, подавляющему большинству из которых прививалось в семье уважение к социалистической собственности (примерно 90% осужденных), а среди родственников этих осужденных отсутствовали судимые (примерно также у 90% осужденных). Очевидно, решающую роль в генезисе преступного поведения здесь сыграли недостатки в политико-воспитательной, культурной и организационной работе на производстве, в учреждении и организации. В подавляющем большинстве случаев, как показывают данные обобщения, причинами совершения должностных преступлений являлись отсутствие должной дисциплины в организации: преступления совершались именно там, где не было надлежащего контроля за деятельностью должностных лиц и учета их работы, где нормой жизни были обман и приписки, а несоблюдение финансовой дисциплины рассматривалось как жизненная необходимость.

Прослеживается также связь преступлений по должности с получившей кое-где распространение в последнее время в народном хозяйстве системой толкачества, органически связанной с подкупами должностных лиц, взяточничеством [1].

Возрастные особенности преступников накладывают свой отпечаток и на содержание мотивов и целей совершаемых преступлений. Как отмечает Б. С. Волков, должностные преступления обычно связаны с тремя группами мотивов: корысть, личные побуждения, интересы ложно понимаемой необходимости, которые, по данным судебных органов ТАССР, составляют соответственно 63,6%,

---

[1] «Ничто, — пишет Ю. Мокеев, — так не развращает людей, ничто не создает такую благодатную почву для жульничества, махинаций, растранжирования государственных средств, как эти пресловутые «деловые» попойки». См. Подношение в градусах. «Правда», 1969, 3 дек., № 337.

Такую практику следует рассматривать как перенесение на почву социалистического хозяйствования элементов буржуазного бизнеса, «где, — по словам Альберта Карра, — даже весьма порядочный человек, занимаясь бизнесом, вынужден прибегать к различным махинациям, подкупу, взяткам, промышленному шпионажу, обману потребителей и тому подобным действиям, которые представляют собой «обычную деловую практику». См. Д. Гвишиани. О современных буржуазных теориях управления. — «Коммунист», 1970, № 12, стр. 122.

34,1% и 2,3%[1]. По данным нашего исследования, большая часть должностных преступлений также совершалась из корыстных побуждений (65%). В отличие от других общеуголовных корыстных преступлений, например, краж, грабежей и др., которые часто совершаются в целях приобретения спиртных напитков, корыстные должностные злоупотребления в указанных целях совершаются редко.

Мотивами большинства других должностных злоупотреблений и превышения власти были: сохранение приятельских отношений, неуважение к личности человека, ложное товарищество, страх разоблачения, ложно понятые интересы учреждения, стремление жить на «широкую ногу» и др. Соответственно целью большинства изученных преступлений было желание получить материальную выгоду (56,4%), скрыть недостачу (17,6%), унизить личное достоинство потерпевшего, приобрести водку, стремление навести порядок и др.

Интересны также мотивы дачи взятки, которые характеризуют и субъектов получения взятки, определяя круг должностных лиц, берущих взятки, и особенности совершенных ими злоупотреблений. Так, 32% осужденных совершили преступление с целью получить квартиру и прописку; 20% — уклониться от уголовной, административной или дисциплинарной ответственности; 11% — чтобы занять определенную должность; 20,3% случаев были связаны с нарушением правил торговли. Кроме того, взятки давались за незаконное поступление в вуз, за оказание услуг бытового характера и в ложно понятых интересах государства (1,5%).

По изученным нами определениям судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР за 1969 год взятки давались также за незаконный отпуск лесоматериалов, за предоставление возможности купить вне очереди автомашину, за выделение помещений, за освобождение от уголовной ответственностости, за незаконное получение паспортов и др.

Обращает на себя внимание достаточно высокий общеобразовательный и культурный уровень лиц, привлеченных к ответственности за должностные преступле-

---

[1] См. Б. С. Волков. Мотив и квалификация преступлений. Изд-во КГУ, 1968, стр. 124.

ния, по сравнению с другими категориями преступников. В таблице 21 дано сопоставление образовательного уровня лиц, совершивших должностные преступления, а также убийства, разбои, кражи. Из сравнения видно,

Таблица 21

Образование преступников	Количество преступников (в %), совершевших			
	должностные преступления	убийство[1]	разбой[2]	кражу[3]
Малограмотные	3.5	20,4	27	20
4—6 кл.	12,4	44,3	47	55
7—9 кл.	41,6	2,5	23	21
Среднее, высшее и незаконченное высшее . . .	7,5	1,6	—	0,1

что основная масса совершивших должностные преступления лиц имеет среднее и незаконченное среднее (7—9 кл.) образование (76,6%), тогда как среди осужденных за убийство, разбой и кражу соответственно имели указанное образование 7,7%, 26%, 24,9%. При этом, если 35% преступников, совершивших должностные преступления, имели среднее образование [4], то среди совершивших убийство, разбой и кражу таких лиц было соответственно 5,2%, 3% и 3,9%.

Однако если образовательный уровень должностных преступников достаточно высок, то по сравнению с общим уровнем образования в стране он представляется весьма низким; поскольку речь идет о лицах, занимающих в государственных предприятиях, учреждениях и организациях должности, связанные с выполнением организацион-

---

[1] См. Э. Ф. Побегайло. Умышленные убийства и борьба с ними. Изд-во Воронежского университета, 1965, стр. 41.

[2] См. «Криминология». М., «Юридическая литература», 1963, стр. 429.

[3] См. там же, стр. 429.

[4] Среди осужденных только за злоупотребления по службе процент лиц, имеющих общее и специальное среднее образование, по данным А. Я. Светлова, составляет 43,1% (см. указанную работу, стр. 154). Это свидетельствует о том, что образовательный уровень этой категории лиц более высок, чем уровень осужденных за халатность.

но-распорядительных и административно-хозяйственных функций.

Так 57,5% лиц, совершивших должностные преступления, не имели законченного среднего образования, из которых 15,5% имели образование 4—6 классов и среди которых были даже малограмотные (1—3 кл.). Такое положение, на наш взгляд, отчасти можно объяснить и недостаточной оплатой труда отдельных категорий работников. Так, некоторые административно-хозяйственные должности подчас оплачиваются крайне низко, что затрудняет привлечение лиц, имеющих достаточную подготовку для занятия этой должности. Вследствие этого на административно-хозяйственные должности нередко принимаются лица, не обладающие специальной подготовкой, не имеющие надлежащего общего культурного и морального уровня, которые в силу низкой оплачиваемости должности не дорожат ею, а в отдельных случаях преследуют цель извлечь из нее побочный дополнительный доход путем злоупотребления служебным положением. Среди изученных нами должностных лиц, совершивших преступления, примерно 44,7% имели заработную плату 70 рублей, 41,8% — до 120 рублей и только 13,5% получали заработную плату свыше 120 рублей. Как видно, указанная категория должностных лиц имела заработную плату ниже среднемесячной заработной платы рабочих и служащих, которая в 1970 году составила 122 рубля, а с учетом выплат льгот из общественных фондов — 164 рубля [1]. Большинство осужденных были семейными (88%) и около 80% из них имели детей. У 53 процентов осужденных доход на каждого члена семьи составил 60 рублей, а остальные осужденные на каждого иждивенца имели доход свыше 60 рублей в месяц. Подавляющее большинство лиц жили в коммунальных квартирах, некоторые имели собственные дома, и лишь буквально единицы проживали на квартире или в общежитии.

Обращают на себя внимание данные, характеризующие социальное происхождение осужденных: 52% были выходцами из крестьян, 39% — из рабочих, 8% — из служащих и 2% — из интеллигенции. При этом из общего

[1] См. Великое коммунистическое созидание (передовая статья).— «Коммунист», 1970, № 18, стр. 9.

числа осужденных за должностные преступления 27% были уроженцами других областей Союза.

Большая часть осужденных имела стаж работы свыше 10 лет (69%), однако значительная часть из них на последнем месте до совершения преступления работала не более двух лет (41%) или не более пяти лет (31%). Частая смена места работы, очевидно, была связана с допущенными нарушениями на прежнем месте работы, однако 77% осужденных ни к административной, ни к дисциплинарной ответственности ранее не привлекались, что свидетельствует об отсутствии должной требовательности и контроля за их деятельностью. Среди осужденных мы почти не встретили лиц, имеющих правительственные и другие награды, но достаточное число (60%) из них регулярно употребляли спиртные напитки и в общественной жизни участия не принимали (74%).

В профессиональном отношении эти лица подготовлены были, как правило, слабо: 60% не имели специальной подготовки для занятия данной должности, не было у них и должного политического уровня развития. Около 70% были беспартийными и 14% — даже ранее судимы за совершение других преступлений.

Все эти данные, характеризующие определенную категорию лиц, совершивших должностные преступления, свидетельствуют о существенных недостатках в работе с кадрами. Было бы весьма полезным установить для занятия должностей, связанных с организационно-распорядительной и административно-хозяйственной деятельностью, образовательный ценз или предъявлять требование иметь специальную подготовку, обеспечив для данной категории работников необходимый материальный стимул. В печати, например, предлагалось также ввести правило, согласно которому при назначении на любую руководящую или административную должность проверять не только специальные знания, но и знание тех норм и правил, с которыми работнику придется сталкиваться по долгу службы [1].

Как показало криминологическое исследование, должностные преступления чаще всего совершались в системе советской торговли, на которую приходится

[1] См. Я. Соколовский. Законы знать обязан. — «Правда», 1970, 12 мая.

44% всех осужденных за эти преступления (см. таблицу 22). Самой высокой в данной системе хозяйства является и интенсивность (уровень) должностной преступности, поскольку в системе торговли, общественного питания и материально-технического снабжения численность работающих составляет всего 7,9% от общего числа рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве страны [1].

Таблица 22

Отрасли народного хозяйства	Количество осужденных (в %)
Торговля	44
Промышленность и строительство	15,5
Сельское и лесное хозяйство	11,2
Органы госуправления	11,1
Общественное питание	6
Транспорт	2,1
Бытовое обслуживание	4,8
Здравоохранение и просвещение	5,3

При этом, по данным статистики Верховного Суда ТАССР за ряд лет, наибольшее число совершаемых должностных преступлений приходится на систему потребительской кооперации (см. таблицу 23).

Таблица 23

Годы	Количество осужденных (в %) в				
	промышленности	колхозах	совхозах	государственной торговле	потребительской кооперации
1964	17,4	13	5,6	20,4	24,6
1965	16	8	—	16,9	36,7
1966	10,5	14,1	4,6	19,6	28,7

[1] По данным ЦСУ СССР, в 1966 г. в народном хозяйстве страны работало 79700 тыс. человек. Из них в промышленности — 28100 тыс., в строительстве — 5760 тыс., сельском хозяйстве — 9365 тыс., лесном хозяйстве — 405 тыс., здравоохранении — 4430 тыс., просвещении — 6900 тыс., органах государственного управления — 1535 тыс., торговле, общественном питании и материально-техническом снабжении — 6270 тыс. человек, (см. сб. «СССР в цифрах в 1966 году». М., «Статистика», 1967, стр. 141—143).

Высок процент осужденных в системе торговли и общественного питания и за такие тяжкие должностные преступления, как взяточничество. Выборочно по г. Казани он составил в указанной системе 36,7 процента. Распространение в системе торговли должностных преступлений в значительной степени связано с существенными недостатками в подборе работников на контрольные и материально-ответственные должности. При этом лица, виновные в ненадлежащем подборе кадров, как показывают материалы судебной практики, в большинстве случаев остаются безнаказанными. Большое общепредупредительное значение в этой связи имело бы принятие закона, предусматривающего уголовную ответственность должностных лиц за прием на материально ответственные и другие важные должности, связанные с материальными ценностями или контрольными функциями, лиц, заведомо не отвечающих предъявляемым к ним требованиям, если это повлекло за собой причинение крупного материального ущерба государственному или общественному имуществу.

Изучение данного вопроса показывает, что на указанные должности подчас назначаются лица, не заслуживающие доверия, нечестные, скомпрометировавшие себя. Почти типичным в этом отношении является случай, описанный в газете «Правда», когда за систематические пьянки был снят с работы заведующий базой Кравченко, а управляющий через месяц назначил его директором базы. Судимый за мошенничество директор ресторана сразу же получил место экспедитора, а дважды судимый за растраты и спекуляцию Дронченко был назначен главным товароведом областной базы [1]. Аналогичные недостатки в подборе кадров являются причиной совершения должностных преступлений и в других областях народного хозяйства и в сфере органов государственного управления [2].

Одним из существенных способов в борьбе с незаконным протаскиванием «своих людей», не отвечающих не-

---

[1] Г. Головин. В рубашке родился. — «Правда», 1970, 16 августа.

[2] См., например, «Правду», 1970, 24 мая. — В. Кожемяко. За что сняли директора?; «Правду», 1969, 5 сентября. — Г. И. Иванов. Когда ослаблена бдительность; «Правду», 1970, 17 мая. — А. Богма, Т. Матвеев. Издержки доверчивости и др.

обходимым требованиям для занятия должности, является опрос работников предприятия, учреждения или организации о соответствии лиц занимаемой должности, выяснение их недостатков и достоинств. Большой интерес представляет в этом отношении социологическое исследование, проведенное на Одесском заводе сельхозмашиностроения им. Октябрьской революции, где перед коллективом рабочих были поставлены прямые вопросы в отношении отдельных должностных лиц (речь шла, в частности, о главном инженере, начальнике производства, главном экономисте и др.): «Соответствует ли занимаемой должности?», «Использует ли служебное положение в личных целях?», «Вежлив, тактичен ли в обращении?», «Верно ли решает вопросы?» [1].

По занимаемой должности состав осужденных чрезвычайно разнообразен и характеризуется следующими данными: на первом месте заведующие складами, которые составили 20% от общего числа изученных нами лиц, заведующие магазинами и отделами — 12,7%, старшие бухгалтера и бухгалтера — 11,1%, старшие продавцы и продавцы — 9,6%, затем экспедиторы, председатели колхозов, завхозы, мастера, начальники цехов, кассиры и др. [2]

Столь широкий круг лиц, занимающих самые различные (в смысле осуществления возложенных на них функций) должности и несущих в равной степени ответственность за злоупотребления по службе и работе за должностные преступления, растворяет в общей массе тех, кто действительно осуществляет организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции, и ставит их в один ряд с такими категориями работников, как материально ответственные лица, функциональные работники и лица вспомогательного персонала. Все это, разумеется, не может не влиять на борьбу с должностной преступностью и, в конечном счете, ведет к смягчению ответственности за эти преступления и

[1] См. А. Стрижев. Директор завода. — «Правда», 1970, 18 июля.

[2] По данным А. Я. Светлова, самую большую группу среди осужденных за должностные злоупотребления составили продавцы (20%), заведующие магазинами (18%), инженерно-технические руководящие работники (10,5%), работники учета (8,9%) и т. д. (См. указ. работу, стр. 156).

ослаблению борьбы с ними. Статистические показатели должностной преступности создают неправильную картину борьбы с должностными преступлениями, так как значительная часть осужденных за должностные преступления, на наш взгляд, не может быть отнесена к числу должностных лиц, а совершенное ими — к должностным преступлениям. Указанные работники в общей массе осужденных, по нашим данным, составили свыше 20 процентов [1].

Такое положение возникло в связи с широким пониманием должностного лица как субъекта должностного преступления в науке уголовного права и судебной практике, а также с недостатками действующей системы уголовного законодательства, исключающего из сферы уголовноправового регулирования ряд общественно опасных деяний по службе и работе, что и влечет за собой расширительное толкование понятия должностного лица [2].

Широкое определение понятия должностного лица, как известно, сложилось исторически.

Уголовный кодекс 1922 года в примечании к ст. 105 впервые содержал развернутое определение понятия должностного лица. Согласно указанному примечанию к ст. 105 УК, должностными признавались лица, занимающие постоянные или временные должности в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или объединении, имеющем по закону определенные права, обязанности, полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительных и других общественных задач [3].

Согласно этому определению, к должностным лицам относили весьма широкий круг лиц, отождествляя долж-

---

[1] По данным А. Я. Светлова, процент таких лиц составляет даже 37,5. См. указанную работу, стр. 157.

[2] О том, что «на практике круг субъектов должностных преступлений значительно расширен», пишет Н. Коржанский, однако такое положение дел он считает правильным. (См. Понятие должностного лица. — «Советская юстиция», 1970, № 21, стр. 10—11).

[3] В нормативных актах более раннего периода указывалось на лиц, пользующихся своим общественным или административным положением (См. Инструкцию НКЮ РСФСР от 19 декабря 1917 г., СУ РСФСР 12, стр. 170), и лиц, состоящих на государственной или общественной службе (См. Декрет СНК от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве». — СУ РСФСР, 1918, № 35, ст. 467).

ность и должностное лицо как понятия идентичные, т. е. занятие любой должности в государственном или общественном учреждении, предприятии и организации автоматически влекло за собой признание такого лица должностным. «Должность,— писал А. А. Жижиленко,— есть известное место по службе. Поэтому и занимающийся чисто механическим трудом, например, перепиской бумаги, печатаньем на пишущей машинке, несущие служительские обязанности в виде курьеров, рассыльных, сторожей и т. п. являются должностными лицами в широком смысле этого слова» [1]. Аналогичного мнения о понятии должностного лица придерживалось в то время большинство криминалистов [2]. Все они исходили из того, что для признания лица должностным решающее значение имеют не служебные полномочия, а занятие должности, при этом не только в государственных учреждениях, предприятиях, но и в общественных организациях и объединениях [3].

Более того, к должностным лицам могли быть отнесены не только служащие государственных и общественных учреждений, предприятий и организаций, но и любой другой работник, в том числе и простой рабочий. Вместе с этим уже в то время делается попытка ограничить круг должностных лиц путем выделения особых признаков, присущих данной категории работников. Так, в частности, предлагалось отнести к числу должностных только тех лиц, которые обладают распорядительными правами (независимо от объема этих прав) и правом удостоверять что-либо своей подписью. Исходя из этих критериев, М. Ривкин относил, например, делопроизводителя к должностным лицам, поскольку он подписывает второй подписью документы, исходящие от учреждения, а машинистку и стенографистку, не имеющих таких прав, из числа должностных лиц исключал [4].

---

[1] См. А. А. Жижиленко. Должностные (служебные) преступления, М., Изд-во «Право и жизнь», 1923, стр. 5.

[2] См. М. Кожевников и Н. Лаговиер. Должностные преступления и борьба с ними. М., 1926, стр. 41—42; А. Эстрин. Должностные преступления. М., 1928, стр. 34.

[3] См. К. Вяткин. К понятию должностного лица. — «Рабочий суд», 1925, № 23—24, стр. 987.

[4] См. М. Ривкин. Рабочий и служащий и должностное лицо.— «Рабочий суд», 1925, № 17—18, стр. 768.

Однако тенденция к ограничению круга работников, признаваемых должностными лицами, в теории и судебной практике наметилась и стала осуществляться последовательно на практике в конце 30-х годов, после издания приказа НКЮ РСФСР «О судебной практике по делам о должностных преступлениях», которым запрещалось привлекать к уголовной ответственности и судить за должностные преступления рядовых рабочих и колхозников [1].

Таким образом, первым этапом сужения понятия должностного лица в уголовном праве было исключение из числа должностных лиц рядовых рабочих и колхозников, однако все служащие государственных и общественных организаций по-прежнему рассматривались как должностные лица [2].

Примерно с 1947 года в теории уголовного права выдвигается новое положение о том, что одного признака занятия должности в государственном учреждении, предприятии или общественной организации еще недостаточно для отнесения работника к числу должностных лиц. Необходимо учитывать, писал В. Д. Меньшагин, какими правами и функциями наделены эти лица [3].

Попытка проф. Б. С. Утевского в 1948 году теоретически обосновать необходимость широкого понимания должностного лица в советском уголовном праве, включая в это понятие не только служащих, но также рабо-

---

[1] См. «Советская юстиция», 1937, № 6, стр. 56.

[2] Так, М. В. Красильников в учебнике Советского уголовного права для юридических школ к числу должностных относил всех служащих учреждений, предприятий и общественных организаций, «независимо от занимаемой должности и характера учреждения (управляющий трестом, счетовод колхоза, делопроизводитель суда — должностные лица)». См. Советское уголовное право, М., Юриздат, 1940, стр. 159—160.

[3] См. Уголовное право. Учебник для юридических школ, М., Юриздат, 1947, стр. 239. В работах Т. Л. Сергеевой и Н. С. Лейкиной проводилась мысль, что должностные лица — это те, кто осуществляет руководящую деятельность или выполняет управленческие обязанности. См. Т. Л. Сергеева. Советское уголовное право в борьбе с бесхозяйственностью и расточительством. М., Изд. АН СССР, 1955, стр. 13—14; Н. С. Лейкина. Субъект должностных преступлений в практике Верховного Суда СССР. — Уч. зап. ЛГУ, 1956, № 202, вып. 8, стр. 104.

чих и колхозников[1], не получила поддержки в литературе и как несостоятельная была отвергнута[2]. Позиция большинства советских криминалистов, ограничивающих круг лиц, признаваемых должностными, определенными признаками была законодательно закреплена в действующих уголовных кодексах союзных республик. Так, в примечании к ст. 170 УК РСФСР к должностным отнесены те лица, которые постоянно или временно осуществляют функции представителей власти либо в государственных или общественных учреждениях, организациях, предприятиях, занимают должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, или выполняют такие обязанности по специальному полномочию. Основными элементами этого понятия являются:

1) признаки, указывающие на основное различие должностных лиц от других категорий работников — характер выполняемых функций:

а) осуществление функций представителя власти,

б) осуществление организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей;

2) признаки, характеризующие длительность осуществления указанных функций (постоянно, временно);

3) признаки, определяющие место осуществления указанных функций (государственные или общественные учреждения, организации, предприятия);

4) признаки, характеризующие юридическое положение лица в системе государственного или общественного учреждения, предприятия, организации (осуществление функций, занятие должности, специальные полномочия).

Уголовные кодексы других союзных республик также содержат определение понятия должностного лица, большинство этих определений аналогичны определе-

---

[1] См. Б. С. Утевский. Общее учение о должностных преступлениях, М., Юриздат, 1948, стр. 394.

[2] См. В. Ф. Кириченко. Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву (Общие вопросы). М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 32; А. Б. Сахаров. Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву. М., Госюриздат, 1956, стр. 100—101; Н. П. Кучерявый. Понятие должностного лица по советскому уголовному праву. — Уч. зап. Киргизского университета. Вопросы советского права. Фрунзе, 1958, стр. 124 и др.

нию должностного лица в УК РСФСР. Однако в ряде УК союзных республик имеются существенные различия в определении должностного лица [1].

Имеющиеся законодательные различия в определениях должностного лица обусловлены отсутствием в теории права единого подхода к определению понятия должностного лица, а это связано с тем, что до сего времени на практике встречаются значительные трудности и ошибки в применении действующего уголовного законодательства.

---

[1] Наиболее широкая трактовка должностного лица дана в УК Казахской ССР (ст. 143, ч. 2), где к должностным относятся все лица, занимающие постоянно или временно должности служащих в государственном или общественном учреждении или организации, либо выполняющие в них организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности.

В УК Азербайджанской ССР (ст. 167, ч. 2) говорится только об обязанностях организационно-распорядительных и административно-хозяйственных и ничего не говорится об отнесении к числу должностных лиц представителей власти. Поэтому по смыслу данного определения представители власти, не обладающие указанными в законе признаками, не могут признаваться должностными лицами, например, рядовой милиционер и др.

Отличительной особенностью определений должностного лица в УК Узбекской, Грузинской, Молдавской ССР является то, что они допускают возможность осуществления функций представителя власти по специальному (отдельному) поручению, тогда как в УК других союзных республик это не допускается. Кроме того, по буквальному толкованию ч. 2 ст. 148 УК Узбекской ССР и ст. 183 УК Молдавской ССР для признания лица должностным требуется выполнение им не только действий административно-распорядительного, но одновременно и организационно-хозяйственного характера, что, несомненно, сужает круг лиц, признаваемых должностными.

В УК Грузинской ССР, в отличие от УК других союзных республик, указан примерный перечень функций, присущих должностному лицу: осуществление актов государственной власти, распорядительных, организационно-хозяйственных, административных или других подобных функций.

Для УК Эстонской ССР (ст. 160) характерны два существенных различия: во-первых, лицо должно занимать должностное положение в государственной или общественной организации, т. е. не признаются должностными лица, которые такое положение не занимают (временно, по специальному полномочию), и, во-вторых, закон признает должностными всех тех, кто ведает движением материальных ценностей. В других УК такого конкретного указания об отнесении материально ответственных лиц к числу должностных не содержится.

В уголовных кодексах Грузинской и Узбекской союзных республик, в отличие от УК всех других союзных республик, содержится признак, указывающий на возможность осуществления функций за вознаграждение или бесплатно.

Анализ теоретических позиций по вопросу о должностном лице в уголовном и административном праве показывает, что имеются существенные расхождения в подходе к определению отдельных элементов понятия должностного лица. При этом нельзя сказать, что объем вкладываемого содержания в данное понятие в какой-то отрасли права шире или уже. В отдельных своих частях понятие должностного лица трактуется шире или уже по объему в уголовном праве, в других, наоборот,— в административном праве.

Различный подход к определению понятия должностного лица в праве состоит в следующем:

1) в различии круга лиц, относимых к числу должностных по социальному положению работника, 2) в различном соотношении понятий «должностное лицо» и «представитель власти», 3) различной трактовке характера функций, присущих должностному лицу, 4) в неодинаковом подходе при классификации служащих на так называемых функциональных работников или специалистов.

В теории административного права к должностным лицам относят только служащих государственного аппарата. При этом исходят из того, что понятие служащий более широкое по сравнению с понятием должностное лицо, т. е. «все должностные лица являются государственными служащими, но не все государственные служащие могут рассматриваться как должностные лица» [1].

Государственным служащим признается всякое лицо, занимающее по выборам, назначению или ином установленном законом порядке должности в советском государственном аппарате и получающее за это вознаграждение [2].

Всякое должностное лицо отличается от простого служащего тем, что его деятельность связана «с осуществлением государственно-властных полномочий по руководству хозяйственным, социально-культурным и адми-

---

[1] В. А. Власов, С. С. Студеникин. Советское административное право. М., Госюриздат, 1959, стр. 111.

[2] См. Советское административное право (Общая часть). М., Госюриздат, 1962, стр. 138. Несколько более развернутое определение государственных служащих дает В. М. Манохин. Советская государственная служба. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 82—83.

нистративно-политическим строительством»[1]. Большинство административистов и представителей других наук к числу отличительных признаков должностного лица относят правомочия этих лиц на совершение юридических действий, направленных на возникновение, изменение и прекращение правовых отношений[2].

В. М. Манохин, считая невозможным найти общие признаки должностного лица в административном и уголовном праве, все-таки счел необходимым определить должностных лиц по советскому праву как государственных служащих, которые «наделены распорядительными полномочиями или отнесены к должностным лицам законом с целью установления для них повышенной ответственности»[3]. Однако такой дополнительный признак, как ссылка на закон, введенный В. М. Манохиным, вряд ли что может дать практическим работникам для понимания должностного лица и отличия его от других категорий работников, т. к. трудности как раз состоят в том, чтобы определить, каких же лиц закон относит к числу должностных.

Во всех указанных определениях подчеркивается, что должностное лицо — это служащий государственного аппарата, наделенный властными полномочиями.

По данным нашего исследования, большинство осужденных за должностные преступления были действительно служащими государственных учреждений, предприятий и организаций (81%).

Однако, наряду с указанной категорией служащих, должностными признаются также и лица, не являющиеся государственными служащими. Так, правильно, на наш взгляд, был признан должностным лицом и осужден народным судом Бауманского района г. Казани за

---

[1] Административное право, под ред. проф. А. Е. Лунева. М., «Юридическая литература», 1967, стр. 139. См. также «Научные основы государственного управления в СССР». М., «Наука», 1968, стр. 298—299.

[2] См. Советское административное право (Общая часть). М., Госюриздат, 1962, стр. 141; Советское административное право. М., Госюриздат, 1959, стр. 110; Ц. А. Ямпольская. О должностном лице в государственном аппарате. — В сб. «Вопросы советского административного права». М., изд-во АН СССР, 1949, стр. 141; И. В. Павлов. Правовые формы управления делами в колхозах. М., Госюриздат, 1955, стр. 192.

[3] В. М. Манохин. Указ. соч., стр. 125.

получение взятки (ст. 173, ч. 1 УК) некий Люксин, который, являясь общественным инспектором госторгинспекции, получил от зам. директора ресторана «Парус» 40 руб. за сокрытие выявленного им факта обмана покупателей [1].

Другую, более значительную по числу группу должностных лиц составляют служащие общественных организаций: колхозов, потребительских союзов, рабочих кооперативов и др. Такие лица составили, по нашим материалам, примерно 17% осужденных. Очевидно, в сельских районах этот процент будет несколько (или даже значительно) отличаться в сторону увеличения, поскольку основная масса (42%) изученных нами уголовных дел относится к г. Казани. Тогда как большинство должностных преступлений в указанных общественных организациях совершаются не в городе, а районе. По Казани, например, среди осужденных за должностные преступления мы встретили только двух служащих общественных организаций: зав. складом потребсоюза и физинструктора спортивного общества «Спартак».

И, наконец, должностными лицами могут быть признаны не только служащие по своему социальному положению, но и другие категории работников, занимающих на предприятиях, в учреждениях и организациях такие должности, как старший электрик, ст. комбайнер и т. п. Среди изученных нами материалов местной судебной практики мы не встретили ни одного случая привлечения указанных лиц к уголовной ответственности за должностное преступление, хотя в опубликованной судебной практике такие случаи имеются. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР признала Каширского должностным лицом, поскольку он приказом директора был назначен бригадиром производственной бригады с дополнительной оплатой 10% среднемесячного заработка, в обязанности которого входило оперативное руководство бригадой: составление нарядов на выполнение работ, ведение та-

---

[1] См. архив Бауманского районного нарсуда г. Казани за 1969 г. На аналогичных позициях стоит и Верховный Суд РСФСР. См., например, определение Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР по делу Виноградовой. («Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1968, № 1, стр. 10).

беля явки на работу и учет выполненной работы, на нем также лежала ответственность за выполнение производственного плана [1]. Должностным лицом был признан также бригадир рыболовецкой бригады [2].

Таким образом, должностное лицо — понятие более объемное, чем государственный служащий, оно включает в себя различные категории лиц, наделенных по службе или работе определенными правомочиями.

В теории права также нет единства в определении круга представителей власти, относимых к числу должностных лиц.

Различие в соотношении понятий должностного лица и представителя власти заключается в том, что в административном праве не каждого представителя власти рассматривают как должностное лицо, и, следовательно, понятием должностного лица не охватывается полностью понятие представителя власти. Так, Т. И. Козырева в учебнике «Административное право» пишет, что обычно представитель власти одновременно является должностным лицом, но делает вывод, что это бывает не всегда. «Например,— пишет она,— милиционер, стоящий на посту, являясь представителем власти, не будет должностным лицом, ибо в его подчинении нет служебного персонала, и по характеру своих обязанностей и прав он не совершает действий, связанных с наймом и увольнением рабочих и служащих, с применением мер поощрения и дисциплинарного воздействия к подчиненным» [3].

Очевидно, что выделение по существу одного признака должностного лица — наличие у лица в подчинении служебного персонала — чрезмерно сужает круг лиц, относимых к числу должностных, и не соответствует действительности [4].

---

[1] См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1969, № 9, стр. 11.

[2] См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1966, № 12, стр. 10.

[3] Административное право. М., «Юридическая литература», 1967, стр. 142. Аналогичное мнение высказано в учебнике «Советское административное право» (Общая часть). М., Госюриздат, 1962, стр. 144, а также С. С. Яценко. Уголовноправовая охрана представителей власти и общественности, Автореферат кандидатской диссертации. Киев, 1965, стр. 3.

В теории административного права, наряду с указанным признаком, обычно указывается и на такие дополнительные признаки, как права найма и увольнения рабочих и служащих, применение

Теория советского уголовного права признает должностными лицами и всех тех, кто наделен правомочиями контроля над применением законов и инструкций, правил и предписаний, т. е. лиц, хотя и не имеющих подчиненных по службе, но в пределах представленной им компетенции имеющих право давать распоряжения и указания юридическим лицам и гражданам. Так, например, рядовой милиционер имеет право штрафовать, давать распоряжение и даже применять силу к нарушителям порядка.

Исключение отдельных представителей власти из числа должностных лиц противоречит общей теоретической посылке, общепризнанной в науке административного права, о том, что должностные лица — это лица, наделенные властными полномочиями, которые имеют право, в пределах предоставленных им правомочий, предъявлять требования к другим гражданам, хотя бы даже они по службе и не были подчинены ему.

Одним из основных признаков, присущих представителю власти, является наделение его функцией властвования, присвоение ему права совершения по службе действий, порождающих обязательные для значительных категорий лиц, а иногда и для всех граждан последствия [1].

Кроме того, в литературе выделяется также и такой признак, как право применения принудительных мер воздействия в случае неисполнения законного требования представителя власти [2]. А это означает, что все лица, отнесенные к числу представителей власти, являются должностными лицами. В свое время еще проф. Трайнин А. Н. подчеркивал, что всякий представитель власти

мер поощрения и дисциплинарного воздействия к подчиненным и т. п. Однако все перечисленные признаки по существу раскрывают содержание первого.

[1] См. Б. В. Здравомыслов. Некоторые общие вопросы уголовной ответственности за должностные преступления. — Вопросы уголовного права. Сб. ВЮЗИ. М., 1966, стр. 228; В. И. Соловьев. Указ. соч., стр. 62. Аналогично этому дается понятие представителя власти и в теории административного права. (См. Научные основы государственного управления в СССР. М., «Наука», 1968, стр. 299.)

[2] См. Советское уголовное право, часть Особенная. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 294—295. См. также Г. Ф. Поленов. К понятию представителя власти в уголовном праве. — Уч. труды, т. 8, серия юридическая, вып. 8. Алма-Ата, 1967, стр. 190.

есть вместе с тем должностное лицо, но не наоборот, не всякое должностное лицо является представителем власти [1].

Аналогичное мнение высказывается во всех учебниках по уголовному праву и комментариях УК, изданных после принятия действующих уголовных кодексов. «Вряд ли кто будет сомневаться,— пишет Г. Ф. Поленов,— в том, что рядовой милиционер или следователь являются представителями власти. Но каждому совершенно очевидно, что эта категория представителей власти не имеет какого-либо вверенного им аппарата или «подчиненных» по службе должностных лиц» [2]. Судебная практика также неизменно признает рядовых работников милиции должностными лицами.

В уголовноправовой литературе иногда неосновательно расширяют круг лиц, относящихся к числу представителей власти. Это выражается в том, что представителей общественности, выполняющих обязанности по охране порядка, относят к числу представителей власти [3]. Нам представляется, что выполнение дружинником, общественным инспектором ГАИ и т. п. лицами обязанностей по поддержанию общественного порядка еще не делает их представителями власти, поскольку закон под представителями власти понимает лиц, входящих в состав аппарата органов власти.

Следовательно, для признания лица представителем власти еще недостаточно одного элемента — выполнения функций, аналогичных с функциями представителя власти, а требуется и другой признак — занятие постоянно или временно должности [4]. Таким образом, по смыслу закона (примечания к ст. 170 УК) функции

---

[1] См. А. Н. Трайнин. Должностные и хозяйственные преступления. М., 1938, стр. 16—17.

[2] Г. Ф. Поленов. Указ. работа, стр. 180.

[3] Советское уголовное право, часть Особенная, под ред. проф. П. П. Михайленко. Киев, 1969, стр. 395; См. также Комментарий уголовного кодекса Латвийской ССР. Рига, 1967, стр. 372; Советское уголовное право, часть Особенная. М., Изд-во МГУ, 1964, стр. 264; «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1966, № 9, стр. 9.

[4] Г. Ф. Поленов считает правильным определение представителя власти только тогда, когда оно содержит два критерия: формальный — указание на принадлежность должностного лица к органу власти и материальный — указание на осуществление функций органов власти. (См. Г. Ф. Поленов. Указ. ст.).

представителя власти не могут выполняться по специальному полномочию. Поэтому дружинники и другие общественники, деятельность которых связана с поддержанием общественного порядка, представляют не власть, а те общественные организации, поручения которых они выполняют. Не случайно в ряде статей уголовного кодекса РСФСР и УК других союзных республик представители власти не отождествляются с представителями общественности. Так, например, в ст. 191[1], 191[2], 192[1], наряду с работниками милиции как представителями власти, говорится и о народных дружинниках, как представителях общественности. О том, что дружинники являются представителями общественности, а не органов власти, говорится и в Положении о добровольной народной дружине.

В теории уголовного права и судебной практике к числу должностных иногда относится широкий круг материально ответственных лиц [1]. Это обусловлено, на наш взгляд, расширительным толкованием одного из законодательных признаков должностного лица, а именно — понятия административно-хозяйственных функций.

В теории и на практике по существу под административно-хозяйственными функциями стали понимать материальную ответственность лица, в ведении которого находится государственное или общественное имущество. Так, В. А. Владимиров и В. Ф. Кириченко, раскрывая содержание административно-хозяйственных функций, пишут, что такими функциями обладают и те, кто осуществляет ответственное хранение материальных ценностей [2].

Изучение и обобщение судебной практики по делам о должностных преступлениях показало, что за должностные преступления широко привлекаются такие категории материально ответственных лиц, как продавцы, кладовщики, буфетчицы, экспедиторы, кассиры и т. п.

---

[1] В учебнике Уголовное право (часть Особенная, М., «Юридическая литература», 1969, стр. 299), например, к числу должностных лиц, выполняющих административно-хозяйственные функции, относится весьма широкий круг материально ответственных лиц, как-то: бухгалтеры, кассиры, кладовщики, заготовители и агенты по снабжению, экспедиторы.

[2] См. В. А. Владимиров, В. Ф. Кириченко. Должностные преступления. М., 1965, стр. 12.

лица, которые в общей массе осужденных составили 18,4%[1].

Особенностью трудовых отношений с указанными материально-ответственными лицами является лишь заключение с ними письменных договоров об имущественной ответственности за недостачу ценностей, переданных под ответственность работника. К таким лицам закон относит продавцов, кассиров, кладовщиков, экспедиторов, гардеробщиков, лоточников, проводников служебных вагонов и др.[2]. Всем этим лицам вручается определенное социалистическое имущество, в отношении которого они наделены некоторыми правомочиями.

Однако это обстоятельство не дает еще основания для признания всех материально ответственных работников должностными лицами. Закон к числу должностных лиц относит только тех из них, которые выполняют не просто хозяйственные, а административно-хозяйственные функции[3], что предполагает осуществление не технических операций по хранению, приемке и выдаче или продаже имущества по определенным документам, а право распоряжаться имуществом, т. е. предписывать, кому и в каком количестве выдать то или иное имущество либо принять его. Раскрывая сущность административно-правовых полномочий, Н. А. Волков отмечает, что под административными правами следует понимать «право осуществлять не только контрольную деятельность, но и организаторскую, планово-регулирующую, иметь полномочия не только рекомендовать, но использовать также распорядительство»[4].

---

[1] По данным А. Я. Светлова, только продавцы составили в общей массе привлеченных к уголовной ответственности за злоупотребления по должности 20%. (См. Борьба с должностными преступлениями. Киев, 1970, стр. 156).

[2] См. Сборник законодательных актов о труде. М., «Юридическая литература», 1964, стр. 556.

[3] См. Ю. А. Афиногенов. Определение должностного лица в уголовных кодексах союзных республик. — Уч. зап. Дальневосточного гос. ун-та, вып. 12. Вопросы государства и права. Владивосток, 1965, стр. 4.

[4] Н. А. Волков. Исполнительный аппарат местных Советов. Изд-во КГУ, 1968. стр. 94. В административно-правовых отношениях, отмечает Ю. М. Козлов, одна сторона всегда действует властно, ибо она выступает от имени государства. См. Основные черты управленческих отношений в хозяйственной сфере. — «Советское государство и право», 1970, № 9, стр. 73.

Поэтому нельзя рассматривать как должностных лиц простых продавцов, поваров, кассиров, шоферов, экспедиторов и т. п. материально ответственных лиц, поскольку они не обладают административно-хозяйственными функциями [1].

О том, что данная категория работников к должностным лицам не относится, свидетельствуют и нормы трудового законодательства. Так, в Постановлении НКТ СССР «О работниках, обслуживающих денежные и товарные ценности» указывается, что за хищения, растраты и халатное отношение, допущенные работниками, обслуживающими денежные и товарные ценности, несут уголовную, дисциплинарную и имущественную ответственность руководители и другие ответственные должностные лица государственных предприятий, учреждений, а также кооперативных и общественных организаций (разрядка моя. — *М. Л.*) [2].

Пленум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 29 октября 1963 года № 19 «Об усилении борьбы с хищениями, разбазариванием и порчей зерна, хлеба, муки, крупы и других хлебопродуктов» также не признает должностными лицами продавца и иных работников торговли [3]. Между тем, в литературе до сих пор от-

---

[1] См. А. Я. Светлов. Уголовная ответственность за злоупотребление властью как служебным положением. Автореферат кандидатской диссертации. Киев, 1967, стр. 5. В изданной позднее работе (см. Борьба с должностными злоупотреблениями. Киев, «Наукова думка», 1970, стр. 35) А. Я. Светлов утверждает, будто бы мы отождествляем наличие материальной ответственности с понятием должностное лицо (см. М. Лысов. Разграничение хищений, частнопредпринимательской деятельности и причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. — «Советская юстиция», 1965, № 21, стр. 23—24). Между тем, в статье речь идет только об определенной категории материально ответственных лиц, а именно о тех, которые в предприятиях бытового обслуживания наделены правом приема заказов, т. е. заключения договоров с гражданами и юридическими лицами от имени социалистической организации, их оформления, распределения между рабочими и расчета с заказчиками, которых, безусловно, необходимо отнести к числу должностных, поскольку они выполняют не просто хозяйственные, а административно-хозяйственные функции и на этом основании в соответствии с примечанием к ст. 170 УК РСФСР являются должностными лицами.

[2] См. «Известия НКТ СССР», 1930, № 31—32.

[3] См. Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР. М., «Юридическая литература», 1967, стр. 91—92.

дельные авторы отстаивают мнение о том, что простые продавцы являются должностными лицами [1].

Привлечение к уголовной ответственности данной категории лиц за должностные преступления, как было уже отмечено, значительно увеличивает число осужденных должностных лиц, которые в действительности таковыми не являются, что искажает социальную сущность должностного лица и вызывает различного рода трудности при квалификации преступлений. Вот почему трудно согласиться с предложением изменить действующее законодательство, включив в определение понятия должностного лица всех тех, кто ведает движением материальных ценностей [2]. Принятие этого предложения привело бы к чрезмерному расширению круга должностных лиц. Практически любое лицо, которому вверяются определенные суммы, например, для закупки, заготовки сырья, превращается в должностное лицо с момента получения в подотчет социалистического имущества. Сюда подошли бы и лотошники, продавцы мороженого, почтальоны и т. п. лица.

По своей социальной природе преступления, совершаемые материально ответственными лицами, направлены не на причинение ущерба правильной работе советского государственного аппарата, а на социалистическую собственность; объем прав и полномочий данной категории лиц ограничен пределами, связанными с ответственностью за сохранность вверенного социалистического имущества.

Всякого рода злоупотребления доверием и обман социалистической организации здесь могут быть связаны с присвоением, растратой либо с причинением материального ущерба, без признаков хищения. Практика показывает, что за должностную халатность (ст. 172 УК) или злоупотребление властью или служебным положением иногда привлекаются те материально ответственные лица, в действиях которых не доказано присвоения или растраты. При этом субъектом присвоения и растраты (ст. 92 УК) являются не только должностные лица, а это означает, что и уголовный закон не относит всех

[1] См. Б. Волженкин. Вопросы ответственности за взяточничество. — «Советская юстиция», 1967, № 7, стр. 10.

[2] См. Ю. А. Афиногенов. Указ. ст., стр. 7.

тех, кому вверено социалистическое имущество, к числу должностных лиц. Отсутствие специального закона, предусматривающего ответственность за такие общественно опасные деяния, как причинение имущественного ущерба государству или общественной организации, ставит судебную практику перед необходимостью за счет расширения круга должностных лиц привлекать их к ответственности за должностные преступления [1].

Поэтому нам представляется, что введение в главу вторую УК РСФСР специальной статьи, предусматривающей ответственность лиц, в ведении которых находятся материальные ценности, за причинение существенного (часть первая статьи) и особо крупного материального ущерба (часть вторая статьи) государству или общественной организации при отсутствии признаков хищения или уничтожения социалистического имущества обеспечило бы правильную карательную политику по отношению к этой общественно опасной группе посягательств на социалистическую собственность и значительно упростило бы их квалификацию [2].

В теории и судебной практике недостаточно четко проводится разграничение так называемых функциональных работников (специалистов) и должностных лиц. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, в теории права нет единства в отношении оценки противозаконных действий таких работников, как врачи, учителя, инженеры и т. п.

В настоящее время большинство криминалистов проводит различие между профессиональной и служебной деятельностью функциональных работников. Судебная практика также свидетельствует о том, что за действия профессионального характера такие лица не привлекаются к уголовной ответственности за должностные преступления [3].

---

[1] Аналогичное наблюдалось в судебной практике до принятия действующего уголовного закона, когда общественно опасные действия сторожей и т. п. работников, которым вверялось под охрану социалистическое имущество, рассматривались как должностные преступления.

[2] См. также А. Я. Светлов. Указ. соч., стр. 41.

[3] См., например, Постановление Президиума Верховного Суда РСФСР от 10 апреля 1963 г. по делу Рыжкова. — «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1963, № 8, стр. 7.

С другой стороны, в теории административного права многие авторы функциональных работников относят к числу должностных лиц [1].

Однако эта точка зрения не является единственной в административном праве. Ряд ученых не отождествляет функциональных работников с должностными лицами. Так, В. М. Манохин при классификации государственных служащих выделяет функциональных работников в самостоятельную группу — основной состав, а должностные лица включаются в группу руководящих работников [2].

Такой подход соответствует различию характера выполняемых категориями работников функций. Профессиональные функции существенно отличаются от управленческих, т. е. организационно-распорядительных и административно-хозяйственных. Функциональные работники — это те, кто осуществляет задачи, стоящие перед государственным органом, например, врач в больнице, учитель в школе, научный работник в институте и т. п. [3]. К функциональным работникам необходимо отнести также и продавцов торгового предприятия. Функциональные работники, однако, могут занимать в учреждении и предприятии определенные должности. Так, врач может осуществлять функции должностного лица — главного врача и в этом своем качестве является должностным лицом. Например, заведующий участковой больницей врач Забабурин, злоупотребляя служебным положением, выдавал за вознаграждение больничные листки, предоставлял в больнице вне очереди места и производил аборты.

Уголовное дело против него было прекращено на том основании, что его действия связаны с осуществлением

---

[1] См. Административное право. Под ред. проф. А. Е. Лунева. М., «Юридическая литература», 1967, стр. 141; В. А. Власов, С. С. Студеникин. Советское административное право. М., Госюриздат, 1959, стр. 110—111.

[2] См. В. М. Манохин. Советская государственная служба. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 121. Оперативный состав выделял также Н. И. Фаянс. Советская государственная служба на современном этапе. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1955, стр. 10. См. также Советское административное право (Общая часть). М., Госюриздат, 1962, стр. 140—141; Ю. М. Козлов. Как управляется социалистическое предприятие. М., «Знание», 1968, стр. 5.

[3] См. В. М. Манохин. Указ. работа, стр. 121.

профессиональной деятельности. Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР правильно пришла к выводу, что прекращение уголовного дела против главного врача Забабурина является неправильным, поскольку его злоупотребление как главного врача — должностного лица — носит не профессиональный, а служебный характер [1].

Однако если функциональный работник не занимает административной должности, то он не является должностным лицом и, следовательно, не может нести уголовную ответственность по статьям о должностных преступлениях. В. С. Орлов, на наш взгляд, правильно считает, что врачи и педагоги могут быть признаны субъектами должностных преступлений, но не в связи с их профессией, а в связи с исполнением обязанностей по службе [2]. По материалам изученной нами судебной практики, врачи, учителя, инженеры и другие специалисты, если они не наделены административными полномочиями, как-то: главных врачей, заведующих отделениями, директоров и т. п. — к уголовной ответственности за должностные преступления не привлекались. Исключение составили пять из 200 случаев привлечения функциональных работников к уголовной ответственности за должностные преступления. Такими лицами были: мастер ГПТУ, физинструктор, рецептор-контролер аптеки, фельдшер медицинского вытрезвителя и зубной техник. Между тем, ни простой преподаватель, ни врач, ни тем более средний медицинский персонал не обладают организационно-распорядительными функциями. Например, преподаватель, осуществляющий процесс обучения, не наделен ни правом поощрения и наказания студентов, ни правом перевода, отчисления, зачисления и т. п. организационно-распорядительными функциями, кото-

---

[1] См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1966, № 10, стр. 5—6.

[2] См. В. С. Орлов. Субъект преступления. М., 1958, стр. 157. В. А. Владимиров правильно не относит к должностным лицам адвокатов и врачей, не занимающих административных должностей. (См. учебник «Советское уголовное право. Часть Особенная». М., «Юрид. литература», 1965, стр. 296). Не относит к числу должностных лиц врачей, медицинских сестер, фельдшеров, учителей, преподавателей и воспитателей А. Я. Светлов (Борьба с должностными злоупотреблениями. Киев, «Наукова думка», 1970, стр. 27—32).

рые осуществляет специальное должностное лицо: декан, ректор, директор и др.

Совершение функциональным работником с использованием своей работы какого-либо общеуголовного преступления должно влечь за собой уголовную ответственность, например, за подделку документов, телесное повреждение, убийство и т. п. Поэтому нам представляется, что нет необходимости расширять сферу уголовно-правового регулирования путем установления специальной ответственности за «преступно-небрежное отношение недолжностного лица к своим обязанностям по работе» при наличии тяжких последствий, таких, как смерть или телесные повреждения [1].

Другой неточностью в понимании должностного лица в уголовном праве и судебной практике по применению примечания к ст. 170 УК РСФСР является отнесение к числу должностных лиц работников вспомогательного персонала.

В теории уголовного права это нашло выражение в попытках обосновать положение, что субъект взяточничества шире, чем понятие должностное лицо [2].

Изучение судебной практики показало, что к числу должностных лиц, не обладающих организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями, иногда относят технических секретарей, стрелков вневедомственной охраны, консультантов, машинисток и т. п. лиц. До сего времени нет ясности и в отношении отнесения к числу должностных тех лиц, которые осуществляют контрольные функции в проходных заводов, учреждений и организаций. В литературе встречается утверждение о том, что сторожа, наделенные правом контроля в проходной, являются должностными лицами [3].

---

[1] См. А. Я. Светлов. Указанная работа, стр. 41.

[2] См. Л. Ш. Берекашвили. О субъекте взяточничества. — Вопросы государства и права (материалы теоретической конференции аспирантов). Свердловск, 1963, стр. 88—90; Л. Мариупольской, М. Якубович. Квалификация взяточничества. — «Социалистическая законность», 1963, № 5, стр. 37—40.

[3] См. В. И. Соловьев. Указ. соч., стр. 49. Небезынтересно отметить, что Уголовный Кодекс народной республики Болгарии 1968 года (ст. 93) всех лиц, работа которых связана с охраной общественного имущества, отнес к числу должностных, однако не отнес к числу должностных лиц работников государственного учреж-

Между тем, вопрос об отнесении к числу должностных лиц сторожей, охранников, вахтеров и т. п. лиц, выполняющих обязанности по охране социалистического имущества, должен быть решен во всех случаях отрицательно. Закон (ст. 100 УК РСФСР) предусматривает специальную ответственность за недобросовестное отношение к своим обязанностям лиц, которым поручена охрана социалистической собственности, не относя указанные деяния к числу должностных преступлений. Следовательно, указанные лица не могут нести ответственность за совершенные по работе упущения и злоупотребления как за должностные преступления. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР не признала, например, должностным лицом рядового стрелка военизированной охраны Савенкова и на этом основании уголовное дело в части осуждения его за превышение власти прекратила [1]. Не был также признан должностным лицом и контролер исправительно-трудовой колонии [2].

Что касается такого вспомогательного персонала, как секретари учреждений, то вопрос о признании их должностными лицами должен быть решен дифференцированно в зависимости от характера выполняемых ими служебных функций. Секретари, в распоряжении которых находится печать государственной или общественной организации и которые наделены правом заверять подписи руководителей учреждения и других должностных лиц либо обладают правомочиями выдавать копии документов и справок за своей подписью, безусловно должны быть отнесены к числу должностных, поскольку их действия являются управленческими, совершаются от имени социалистической организации и влекут за собой юридические последствия. Так, по ст. 170, ч. 1 и 173, ч. 2 УК РСФСР была осуждена секретарь заочного отделения педагогического института

дения, выполняющих технические функции (т. е. вспомогательный персонал), и работников государственных предприятий, кооперации или общественных организаций, которые не занимают в них руководящей работы (т. е. функциональных работников или специалистов и вспомогательный персонал). См. Уголовный кодекс Народной республики Болгарии. М., «Юридическая литература», 1970, стр. 45—46.

[1] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 3, стр. 20—21.

[2] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 4, стр. 25.

Завгородиля за то, что, злоупотребляя служебным положением, выдавала за вознаграждение разным лицам справки и зачетные книжки в подтверждение сдачи экзаменов, которых эти лица в действительности не сдавали [1].

Таким образом, криминологическое изучение субъектов должностных преступлений и анализ теоретических концепций должностного лица в советском праве показывают, что должностными лицами по советскому праву могут быть признаны любые граждане, если они:

1. При выполнении возложенных на них функций имеют у себя в подчинении других лиц. Это самая многочисленная группа должностных лиц, составившая 37,2% по отношению к общему числу изученных должностных лиц (заведующие складами, отделами магазинов, начальники цехов, прорабы, бригадиры, старшие продавцы и т. п.).

2. Управомочены совершать от имени социалистической организации управленческие действия, имеющие юридическое значение [2] (руководители учреждений, предприятий, организаций и их заместители), а также лица, наделенные правом оформить, удостоверить и выдать документ, справку, удостоверение, копию и другие официальные бумаги, исходящие от социалистической организации за своей подписью или печатью учреждения. Эта группа должностных лиц составила по нашим данным 22,4% (директора, управляющие, председатели колхозов, заведующие и др.).

---

[1] «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1962, № 7, стр. 7—8.

[2] Предложение Н. Коржанского ввести в законодательное определение должностного лица такой признак, как наличие правомочия от имени социалистической организации совершать юридические действия, порождающие для граждан либо государственных или общественных организаций определенные права и обязанности, чрезмерно расширяет круг должностных лиц. Согласно этому уточнению, к числу должностных могут быть отнесены: продавцы, проводники, почтальоны, кассиры, охранники и т. п. Так, факт применения оружия охранником завода есть юридическое действие, порождающее определенные права и обязанности для граждан, администрации завода и других государственных учреждений.

К числу должностных должны быть отнесены только те лица, которые управомочены от имени социалистической организации совершать управленческие действия. (См. Понятие должностного лица. — «Советская юстиция», 1970, № 21, стр. 10—11).

3. Наделены правомочиями контроля над деятельностью юридических лиц и граждан: ревизоры, контролеры, старшие и главные бухгалтеры. Эта группа составила 6,3%.

4. Наделены правом действовать от имени государства (представители власти). Они составили в общей массе 6,3%.

5. Выполняют обязанности по поддержанию общественного порядка на общественных началах (дружинники, общественные инспекторы и др.). Процент осужденных этой группы незначителен, и по нашим данным он составил 1,3%.

Вместе с этим по данным изучения и обобщения материалов судебной практики среди осужденных за должностные преступления значительное число (26,4%) составили лица, не обладающие необходимыми, предусмотренными законом признаками, а именно: отдельные материально ответственные лица, функциональные работники и лица вспомогательного персонала.

Глава пятая

ЛИЧНОСТЬ ЛЖЕСВИДЕТЕЛЯ И ЛЖЕДОНОСЧИКА

Показания свидетелей и потерпевших являются эффективным средством установления истины по делу. Редко более или менее серьезный процесс по уголовным или гражданским делам обходится без вызова и допроса свидетелей и потерпевших. Ежегодно только судами, органами следствия и дознания Татарской АССР допрашиваются десятки тысяч свидетелей и потерпевших. Именно свидетельские показания помогают установить истину по делу, раскрыть запутанные преступления, изобличить опасных преступников и реабилитировать невиновных.

Подавляющее большинство советских граждан, вызываемых в качестве свидетелей и потерпевших, стремятся добросовестно выполнить свой гражданский долг, помочь следствию и суду в укреплении законности, в борьбе с преступностью, охране прав и интересов граждан и, как правило, подробно и правдиво сообщают известные им сведения. Даваемые свидетелями и потерпевшими показания в большинстве своем правильно отражают объективную действительность, правдиво и полно освещают события и факты, имеющие юридическое значение.

Вместе с тем следственно-судебной практике известно немало случаев дачи свидетелями и потерпевшими заведомо ложных показаний, которые, как правильно указывает М. Л. Якуб, являются «результатом решения свидетеля или потерпевшего о целесообразности в силу тех или иных мотивов либо воспрепятствования установ-

лению истины по делу в целом, либо сокрытия тех или иных обстоятельств путем сообщения (на допросе) не соответствующих действительности фактических данных» [1].

Общественная опасность заведомо ложного показания и заведомо ложного доноса выражается в том, что эти деяния посягают на правильную деятельность органов суда, дознания, предварительного следствия и прокуратуры в осуществлении задач правосудия. Своевременно не разоблаченное лжесвидетельство и ложный донос могут привести к серьезным судебным ошибкам: к осуждению невиновных либо к безнаказанности лиц, действительно совершивших преступления.

Среди преступлений против правосудия в Татарской АССР заведомо ложное показание и заведомо ложный донос составляли в 1968 г. 35,8%, в 1969 г. — 32,5% и 1970 г. — 32,4%.

Успешное осуществление задач борьбы с заведомо ложными показаниями и заведомо ложным доносом во многом зависит от тщательного изучения личности преступника и всех причин и условий, способствующих совершению этих преступлений.

Проблема личности виновного, как известно, является одной из важнейших проблем советского уголовного права и криминологии. Лишь «в результате глубокого исследования вопроса о личности преступника, изучения причин антиобщественного поведения и обстоятельств, способствующих совершению преступлений в социалистическом обществе, можно выработать систему эффективных мероприятий, необходимых для успешной борьбы с преступностью» [2].

К сожалению, проблема личности преступника по делам о лжесвидетельстве и лжедоносе является одной из менее разработанных проблем советского уголовного права. По вопросу об ответственности за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание свидетелей и потерпевших нет специальных монографических работ, за исключением нескольких брошюр и журнальных ста-

---

[1] М. Л. Якуб. Показания свидетелей и потерпевших. М. Изд. Московского университета, 1968, стр. 47.

[2] А. Б. Сахаров. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., Госюриздат, 1961.

тей, в которых авторы ограничиваются анализом лишь юридических признаков составов этих преступлений, а в исследовании личности лжесвидетеля и лжедоносчика не ушли дальше рассмотрения возрастных особенностей и признаков невменяемости субъектов этих преступлений [1]. Между тем без глубокого и всестороннего исследования личности преступника, причин антиобщественного поведения серьезно решать вопросы борьбы с рассматриваемыми преступлениями нельзя. В настоящем разделе сделана попытка более или менее подробно рассмотреть обстоятельства, характеризующие личность лжесвидетеля и лжедоносчика, и определить их уголовно-правовое и криминологическое значение [2].

Чем же характеризуется личность преступника по делам о лжесвидетельстве и лжедоносе. Какие из этого могут быть сделаны практические выводы?

Обобщение материалов судебной практики показывает, что среди осужденных за заведомо ложное показание по ст. 181 УК РСФСР подавляющее большинство составляют свидетели.

---

[1] См. Ш. Рашковская. Ответственность за заведомо ложный донос. — «Советская юстиция», 1957, № 5; А. Гужин. Некоторые вопросы борьбы с лжесвидетельством в советском уголовном праве. — Уч. зап. Ростовского-на-Дону государственного университета, вып. 4, ч. 1, 1957; А. Т. Гужин. Ответственность за ложный донос по советскому уголовному праву. — Уч. зап. Ростовского-на-Дону государственного университета, вып. 2, 1958; И. Черных. Ответственность за заведомо ложное показание. — «Советская юстиция», 1963, № 5; Д. О. Хан-Магомедов. Ответственность за заведомо ложный донос. — «Советская юстиция», 1964, № 4; З. Сарбаев. Ответственность за лжесвидетельство. — «Социалистическая законность», 1965, № 5; З. Сарбаев. Ответственность за ложное показание. — Известия АН Казахской ССР, серия общественных наук. Алма-Ата, 1965, № 6; А. М. Ларин. Борьба со лжесвидетельством — существенная гарантия истины в уголовном процессе. — «Советское государство и право», 1969, № 6.

В таком же аспекте эти вопросы рассмотрены в изданных за последнее время работах Ш. С. Рашковской. Преступления против правосудия, лекции для студентов ВЮЗИ. М., 1957; И. С. Власова, И. М. Тяжковой. Ответственность за преступления против правосудия. М., «Юридическая литература», 1968.

[2] В основу работы положены данные, полученные в результате изучения и обобщения судебно-следственной практики Татарской, Башкирской, Кабардино-Балкарской АССР и Куйбышевской области по делам о заведомо ложном доносе и заведомо ложном показании за ряд лет. Всего было изучено 250 дел.

Если число осужденных по ст. 181 УК РСФСР принять за 100%, то из этого количества судимых оказалось:

а) **свидетелей**

в Башкирской АССР	77,4%
Кабардино-Балкарской АССР	100%
Татарской АССР	85,3%
Куйбышевской области	52,6%

б) **потерпевших**

в Башкирской АССР	22,6%
Кабардино-Балкарской АССР	—
Татарской АССР	14,7%
Куйбышевской области	47,4%

Как известно, субъектом преступления, предусмотренного ст. 181 УК РСФСР, кроме свидетелей и потерпевших, могут быть эксперты и переводчики. Однако при изучении уголовных дел нами не встретилось ни одного случая привлечения к уголовной ответственности по этой статье экспертов или переводчиков. Отсутствие в судах дел о преступлениях, связанных с заведомо ложным заключением эксперта, а также заведомо неправильным переводом, сделанным переводчиком в суде либо при производстве предварительного следствия или дознания, объясняется, на наш взгляд, тем, что как эксперты, так и переводчики приглашаются следствием и судом из числа высококвалифицированных и проверенных специалистов, которые, как показывает практика, честно и добросовестно исполняют возложенные на них законом обязанности.

В связи с этим может возникнуть вопрос, а есть ли вообще необходимость сохранения в законе нормы, предусматривающей уголовную ответственность за заведомо ложное заключение эксперта, а также заведомо неправильный перевод, сделанный переводчиком в суде либо при производстве предварительного следствия или дознания? Такая необходимость, несомненно, имеется. Она обусловлена прежде всего превентивной ролью права вообще и уголовного закона в частности. Наличие в законе подобной нормы имеет большое общепредупредительное, профилактическое значение.

Определенный интерес представляют также данные судебной практики о половом признаке осужденных за заведомо ложные показания:

1. Пол осужденных за заведомо ложные показания

а) **свидетелей**	мужчин	женщин
Башкирская АССР	75%	25%
Кабардино-Балкарская АССР	80%	20%
Татарская АССР	77,8%	22,2%
Куйбышевская область	63,3%	36,7%
б) **потерпевших**		
Башкирская АССР	28,9%	71,1%
Кабардино-Балкарская АССР	—	—
Татарская АССР	54,5%	45,5%
Куйбышевская область	37,1%	62,9%

2. Пол осужденных за заведомо ложный донос

	мужчин	женщин
Башкирская АССР	44,4%	55,6%
Кабардино-Балкарская АССР	100%	—
Татарская АССР	66,7%	33,3%
Куйбышевская область	—	—

Как видно из приведенных данных, значительный процент среди осужденных за заведомо ложные показания и заведомо ложный донос составляют женщины. Если в общей уголовной статистике удельный вес женщин, осужденных за все виды преступлений, составляет примерно одну десятую часть, то удельный вес женщин, осужденных за заведомо ложное показание свидетеля, потерпевшего, а также за заведомо ложный донос, соответственно колеблется от 20 до 36,7%, от 45,5 до 71,1%, от 33,3 до 55,6% [1]. Среди потерпевших, привлеченных

[1] По переписи населения, проведенной в январе 1970 года, процент мужчин во всем населении составил 46,1, а женщин — 53,9. («Известия», 1970, 19 апреля, № 23).

к ответственности за лжесвидетельство, довольно значительное число составляют семейные люди, в основном замужние женщины. Так, если среди лжесвидетелей семейных людей оказалось от 66 до 70%, то среди потерпевших, осужденных за ложное показание, они составляют от 71 до 89%.

Известно, что сравнительно меньшая криминогенность женщин не есть прямое следствие каких-то биологических особенностей, а обусловлено многими социальными факторами, в частности тем положением, которое женщина традиционно занимает в семье, быту, производстве, обществе в целом, т. е. факторами, имеющими свое основание в социально-экономических условиях, сложившихся общественных отношениях [1].

Чем же в таком случае объяснить, что удельный вес женщин среди осужденных за заведомо ложное показание и заведомо ложный донос значительно выше в сравнении с общей преступностью? Причины этого явления следует искать главным образом в характере и специфике совершенных преступлений. Как показывают материалы судебной практики, подавляющее большинство ложных показаний свидетелями было дано при рассмотрении преступлений, совершенных на почве бытовых отношений, семейных конфликтов и неурядиц (побои, телесные повреждения, хулиганство, совершенное в коммунальных квартирах и т. д.). При этом заведомо ложное свидетельство было обусловлено главным образом стремлением облегчить участь привлеченных к ответственности — мужей, близких родственников, знакомых и т. д.

Указанные преступления составили в Башкирской АССР 58,4%, Кабардино-Балкарской АССР — 60%, Татарской АССР — 54,3%, Куйбышевской области — 73%.

Еще более значительный процент этих преступлений наблюдается по делам, по которым субъектами лжепоказаний выступали потерпевшие. Почти все уголовные дела о заведомо ложном показании потерпевших были возбуждены в связи с рассмотрением преступлений, совершенных на почве бытовых отношений (в Куйбышевской области они составили 96,3%, Башкирской и Татарской АССР — 100%).

---

[1] См. А. Б. Сахаров. Учение о личности преступника. — «Советское государство и право», 1968, № 9, стр. 67.

При социологическом исследовании рассматриваемых преступлений нами было обращено внимание на возраст лжесвидетелей и лжедоносчиков.

Возраст лиц, осужденных за заведомо ложное показание и заведомо ложный донос, характеризуется следующими показателями (см. табл. 24).

Таблица 24

	До 18 лет	От 18 до 25 лет	От 26 до 30 лет	От 31 до 40 лет	От 41 до 50 лет	Свыше 50 лет
Возраст свидетелей						
Башкирская АССР	4,2	—	8,3	66,7	16,6	4,2
Кабардино-Балкарская АССР	—	10	20	40	20	10
Татарская АССР	6,2	18.5	23,4	24,7	16	11,2
Куйбышевская обл.	13,3	13,3	33,3	23,3	6,7	10,1
Возраст потерпевших						
Башкирская АССР	—	28,6	28,6	42,8	—	—
Кабардино-Балкарская АССР	—	—	—	—	—	—
Татарская АССР	—	18,2	—	54,5	18,2	9,1
Куйбышевская обл.	—	7,4	18,5	62,9	11,2	—
Возраст лжедоносчиков						
Башкирская АССР	—	33,3	11,1	33,2	22,2	—
Кабардино-Балкарская АССР	25	—	—	75	—	—
Татарская АССР	—	26,7	20	26,7	20	6,6
Куйбышевская обл.	—	—	—	—	—	—

Приведенные данные свидетельствуют, что заведомо ложное показание и заведомо ложный донос в основном совершаются лицами в возрасте от 26 до 40 лет. В Куйбышевской области среди потерпевших, осужденных за заведомо ложное показание, на этот возраст падает 81,4%, Башкирской АССР — 71,4%, Татарской АССР —

54,5%. Среди лжесвидетелей лица указанного возраста составляли от 57 до 75%.

В соответствии со сложившейся судебной практикой, суды и органы следствия очень осторожно подходят к вопросу привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних за заведомо ложное показание. При решении этого вопроса принимаются во внимание не только факт несовершеннолетия, но и прежде всего такие обстоятельства, как уровень развития сознания и воли несовершеннолетнего, его способность понимать характер и значение даваемого ложного показания, мотивы совершения действий, т. е. обстоятельства, которые по рассматриваемым делам имеют особое значение. Этим отчасти, видимо, объясняется и то, что удельный вес несовершеннолетних, осужденных за заведомо ложное показание и донос, в 2—3 раза меньше, чем за другие преступления, и по изученным нами делам составляет около 5%.

Такая тенденция полностью соответствует требованию постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 года «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», в котором указывается на необходимость особенно тщательного подхода к выяснению всех вопросов, связанных с преданием суду обвиняемого несовершеннолетнего, и обращается внимание на то, что в соответствии со ст. 33 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик несовершеннолетие является смягчающим обстоятельством.

Определенный интерес при изучении личности лжесвидетеля и лжедоносчика представляют также и данные о месте совершения преступления. Как известно, место совершения рассматриваемого преступления не является характерным. Однако здесь возникает ряд вопросов, на которых необходимо остановиться.

Прежде всего обращает на себя внимание резкое несоответствие в количестве привлеченных за эти преступления в городской и сельской местностях. Это видно из таблицы 25 (в процентах).

Таким образом, большую часть осужденных за заведомо ложные показания свидетелей и потерпевших составляют лица, проживающие в сельской местности. Это обстоятельство станет особенно заметным, если учесть, что городское население в перечисленных администра-

Таблица 25

	Из осужденных за ложные показания свидетелей проживало в		Из осужденных за ложные показания потерпевших проживало в		Из осужденных за ложный донос проживало в	
	городск. местности	сельск. местности	городск. местности	сельск. местности	городск. местности	сельск. местности
Башкирская АССР . . .	16,7	83,3	28,6	71,4	44,4	55,5
Кабардино-Балкарская АССР	80	20	—	—	75	25
Татарская АССР	34,6	65,4	36,4	63,6	73,3	26,7
Куйбышевская обл.	40	60	59,2	40,7	—	—

тивно-территориальных районах является одинаковым с сельским или же несколько превосходит его [1].

Подобное положение, несомненно, обусловлено многими факторами и обстоятельствами. Немаловажное значение в этом отношении, по нашему мнению, имеют и обстоятельства субъективного характера. Изучение судебно-следственной практики, беседы с практическими работниками и наши наблюдения показывают, что многие суды не реагируют должным образом на факты заведомо ложного показания свидетелей и потерпевших. Этим отчасти, видимо, можно объяснить такое положение, когда, скажем, в некоторых небольших сельских районах Татарской АССР за 1967—1969 гг. возбуждено, расследовано и рассмотрено по нескольку дел этой категории, тогда как в отдельных крупных районах города Казани, где численность населения и общее количество рассмотренных уголовных дел в несколько раз больше, чем в указанных сельских районах, не возбуждено и не рассмотрено ни одного дела. Все это свидетельствует об

[1] Согласно сообщению Центрального Статистического Управления СССР о предварительных итогах Всесоюзной переписи населения, проведенной в январе 1970 года, в Башкирской и Кабардино-Балкарской АССР городское население составляет 48%, Татарской АССР — 52%, Куйбышевской обл. — 72%, а сельское соответственно — 52%, 48% и 28% («Известия», 1970, 19 апреля, № 93).

определенной недооценке опасности лжесвидетельства, об ослаблении борьбы с этим преступлением, причиняющим большой вред интересам социалистического правосудия, правам и интересам отдельных граждан.

Социальное положение и занятие осужденных характеризуется следующими данными (см. табл. 26).

Таблица 26

	Рабочие	Колхозники	Служащие	Учащиеся	Пенсионеры	Другие категории	Неработающие
а) социальное положение свидетелей							
Башкирская АССР . . .	41,5	45,9	4,2	—	4,2	—	4,2
Кабардино-Балкарская АССР	80	—	10	—	—	—	10
Татарская АССР	41,9	37,0	9.9	1,2	1,2	7,4	1,4
Куйбышевская обл. . . .	50,0	13,3	16,7	13,3	—	—	6,7
б) социальное положение потерпевших							
Башкирская АССР . . .	28,6	14,3	14,3	14,3	—	—	28,5
Кабардино-Балкарская АССР	—	—	—	—	—	—	—
Татарская АССР	36,3	45,5	9,1	9,1	—	—	—
Куйбышевская обл.	74	3,8	11,1	—	—	—	11,1
в) социальное положение лжедоносчиков							
Башкирская АССР . . .	66,7	22,2	—	—	—	—	11,1
Кабардино-Балкарская АССР	75	—	25	—	—	—	—
Татарская АССР	73,3	6,6	—	—	—	—	20,1
Куйбышевская обл.	—	—	—	—	—	—	—

Подавляющее большинство рассматриваемых преступлений совершено рабочими и колхозниками. Нам думается, объясняется это тем, что в общей массе населения названные лица занимают абсолютное большинство. Здесь, видимо, сказывается действие закона больших чисел.

Небезынтересным является также исследование образовательного уровня лжесвидетелей и лжедоносчиков.

Характеристика образовательного уровня осужденных дана в таблице 27.

Таблица 27

	Малограмотные и имеющие начальное образование	7—8-летнее образование	Среднее образование	Высшее образование
а) лжесвидетелей				
Башкирская АССР	50	41,7	8,3	—
Кабардино-Балкарская АССР	10	60	30	—
Татарская АССР	43,2	40,7	16,1	—
Куйбышевская обл.	43,3	40	16,7	—
б) потерпевших				
Башкирская АССР	—	71,4	14,3	14,3
Кабардино-Балкарская АССР	—	—	—	—
Татарская АССР	45,5	54,5	—	—
Куйбышевская обл.	40,8	29,6	29,6	—
в) лжедоносчиков				
Башкирская АССР	22,2	55,6	22,2	—
Кабардино-Балкарская АССР	—	50	50	—
Татарская АССР	60,2	33,2	6,6	—
Куйбышевская обл.	—	—	—	—

Приведенные данные не выявляют каких-либо особенностей, которые бы характеризовали образовательный уровень лжесвидетелей и лжедоносчиков. Как и большинство других преступлений, эти деяния совершаются лицами, имеющими низкий общеобразовательный уровень.

Так, среди свидетелей, осужденных за заведомо ложное показание и ложный донос, не было ни одного чело-

века с высшим и незаконченным высшим образованием. Среднее и незаконченное среднее образование имели 15,8% лжесвидетелей, 20% потерпевших и 17,8% лжедоносчиков. Все остальные осужденные имели лишь начальное или семилетнее образование.

В связи с этим нам представляется неубедительным утверждение М. И. Ковалева, что «преступления против правосудия обычно совершаются лицами с достаточно высоким образовательным уровнем» и что субъектами этих преступлений «могут практически выступать только лица, имеющие определенный достаточно высокий уровень образования» [1].

Несомненно, процесс и причины формирования антиобщественных взглядов и привычек у лжесвидетелей и лжедоносчиков имеют ряд специфических особенностей, и их нельзя объяснить следствием только низкого уровня образования и культуры. Хотя общеизвестно, что чем выше у человека уровень образования и культуры, тем лучше он понимает свой гражданский долг перед правосудием, тем меньше он склонен к совершению преступления.

Однако это не исключает того, что человек, получивший довольно высокое образование, но не воспитанный в духе высоких идеалов коммунистической нравственности, оказывается иногда субъектом совершения общественноопасных действий, в том числе лжесвидетельства и лжедоноса. Поэтому задача профилактики в этой области не сводится только к повышению образовательного и культурного уровня населения, но необходимо предполагает и усиление действенности нравственного воспитания трудящихся, повышение чувства ответственности и гражданского долга, ибо человек, воспитанный в духе коммунистической нравственности, поднимается до понимания тех требований, которые предъявляет к нему объективная действительность, необходимости соблюдения советских законов, выражающих волю и интересы всего советского народа.

Особое место в общей проблеме изучения личности преступника занимают вопросы изучения свойств и осо-

---

[1] М. И. Ковалев. Исследование образовательного уровня преступников. — «Советское государство и право», 1968, № 2, стр. 91.

бенностей личности рецидивистов. «Анализ понятия рецидива,— пишет А. М. Яковлев,— разработка принципов построения соответствующих норм уголовно-правового законодательства должны всемерно служить задаче обеспечения успешной борьбы с рецидивной преступностью, задаче дальнейшего укрепления социалистической законности и правопорядка» [1].

В юридической литературе, на наш взгляд, совершенно правильно отмечалось, что социальная сущность повторности преступления состоит в наличии у лица укоренившихся антиобщественных взглядов и установок, в преемственности антиобщественного поведения [2]. «Социальная сущность повторности преступлений состоит в том, что она свидетельствует, как правило, о наличии у лица стойких (устойчивых) антиобщественных взглядов и привычек, постоянства склонности к совершению новых преступлений, что указывает на повышенную общественную опасность правонарушителя» [3].

В результате исследования личности лжесвидетелей, потерпевших и лжедоносчиков по изученным нами делам не было обнаружено ни одного факта специального рецидива. Следовательно, в большинстве случаев эти преступления совершаются лицами, не имеющими стойких антиобщественных взглядов и привычек, решающее воздействие на совершение данных преступлений оказывают обстоятельства конкретной жизненной ситуации. Однако общий рецидив встречается нередко. Интересно также отметить, что среди потерпевших, осужденных за заведомо ложное показание, общий рецидив почти не встречается. Так, в числе осужденных потерпевших в Башкирской и Татарской АССР не было ни одного случая общего рецидива, а по Куйбышевской области общий рецидив составил лишь 11,1%. Что касается свидетелей, то общий рецидив среди этой категории осужденных несколько выше. Общий рецидив среди лжесвидетелей в Башкирской АССР составил 16,7%, Татарской АССР — 17,3%, Кабардино-Балкарской АССР — 20% и Куйбышевской

---

[1] А. М. Яковлев. Борьба с рецидивной преступностью. М., «Наука», 1964, стр. 7.

[2] См. В. Н. Кудрявцев. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963, стр. 308—309.

[3] В. П. Малков. Повторность преступлений. Казань, Издательство Казанского университета, 1970, стр. 19—20.

области — 10%. В то же время общий рецидив среди лжесвидетелей несколько меньше в сравнении с общим рецидивом по всем другим категориям осужденных.

Обращает на себя внимание относительно высокий процент общего рецидива среди осужденных за лжедоносы. Достаточно сказать, что общий рецидив среди лжедоносчиков в Башкирской АССР составил 22,2%, Кабардино-Балкарской АССР — 25%, Татарской АССР — 39,9%, из них ранее судимые один раз — 26,7%, два раза — 13,2%.

В действующем советском уголовном законодательстве повторности придается различное уголовноправовое значение. Иногда повторное совершение деяния признается конструктивным признаком состава (ст.ст. 154 ч. 3, 162 ч. 1, 166 ч. 1, 169 ч. 1, 197, 198, 198-1 ч. 3 и др.). В большинстве же случаев повторность учитывается в качестве квалифицирующего признака состава преступления (ст.ст. 89 ч. 2, 156 ч. 2, 173 ч. 2, 206 ч. 2 и др.).

В рассматриваемых преступлениях повторность не влияет на квалификацию, но в соответствии с п. 1 ст. 34 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик может рассматриваться как обстоятельство, отягчающее ответственность при назначении наказания. Опасность рецидива и обусловленная ею необходимость назначения рецидивисту более строгого наказания объясняется тем, что виновный, совершая новое преступление после его осуждения, «отрицает сделанное ему судом предупреждение не совершать новых преступлений под угрозой наступления еще более неблагоприятных последствий в виде повышенного наказания, не желает считаться с требованием всего общества о необходимости соблюдать советские законы и правила социалистического общежития, обнаруживает свою злостность, а следовательно, представляет повышенную общественную опасность» [1].

В этом отношении определенный интерес представляет дело В. В. ранее судим дважды (за грабеж при отягчающих обстоятельствах к 4 годам лишения свободы и за причинение тяжкого телесного повреждения к 4 годам и шести месяцам лишения свободы). Освободившись из

---

[1] В. П. Малков. Повторность преступлений. Казань, Издательство Казанского университета, 1970, стр. 123—124.

Е-27.—9

мест лишения свободы, положительных выводов для себя не сделал и из хулиганских побуждений замахнулся топором на гр. А., но с помощью подоспевших граждан был обезоружен (в процессе обезоружения к В. было применено насилие, так как он оказывал сопротивление). Затаив злобу на указанных лиц, В. пришел в милицию и совершил ложный донос, заявив, что эти лица его ограбили. Анализ поведения В. за несколько последних лет его жизни свидетельствует о том, что круг его интересов крайне узок, примитивен, совершение любого преступления, в том числе и заведомо ложного доноса с обвинением нескольких граждан в тяжком преступлении, не вызывает у него какого-либо раскаяния, наоборот, свое поведение он оценивает как положительное. Его антисоциальная ориентация, несмотря на неоднократно примененные к нему меры уголовного наказания, очевидна [1].

Изучение судебной практики показывает, что суды не всегда указывают в качестве отягчающего обстоятельства при назначении наказания на совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление. Между тем повторное совершение преступления, по общему правилу, должно признаваться обстоятельством, отягчающим ответственность. Об этом еще раз напомнил Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 29 декабря 1965 года «Об устранении недостатков в деятельности судов по борьбе с рецидивной преступностью». В этом постановлении указывается, что «при назначении наказания лицу, имеющему судимость, неуклонно руководствоваться требованиями закона о том, что совершение преступления лицом, ранее уже совершившим какое-либо преступление, расценивается как обстоятельство, отягчающее ответственность (ст. 34 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик). Если суд не признает за ранее совершенным преступлением значения отягчающего обстоятельства, он обязан привести в приговоре соответствующие мотивы» [2].

Однако, несмотря на сравнительно высокий процент общего рецидива, в приговорах судов, как правило, не содержится указаний о судимости лица, привлекаемого к уголовной ответственности за заведомо ложный донос

---

[1] Архив Приволжского районного народного суда за 1969 г.
[2] «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 1, стр. 13.

и заведомо ложное показание. При этом в приговорах обычно отсутствуют мотивы, по которым прежней судимости лица не придается значения отягчающего обстоятельства. В отдельных случаях подобная практика приводит к недооценке общественной опасности личности виновного и совершенного им преступления и, как следствие этого,— к назначению мягких мер наказания лицам, ранее судимым за какое-либо преступление и вновь совершившим ложный донос или заведомо ложное показание.

Гр-ка Ж. за мошенничество была осуждена по ч. 2 ст. 147 УК РСФСР к одному году лишения свободы условно с испытательным сроком в течение двух лет. Факт условного осуждения не оказал влияния на ее поведение, она продолжала вести паразитический образ жизни и из мести сделала заведомо ложный донос, заявив органам следствия, что гр. Ш. изнасиловал ее. По ее ложному доносу гр. Ш. был заключен под стражу. В ходе расследования дела Ж. была разоблачена в ложном доносе, и Бугульминский городской народный суд осудил ее по ч. II ст. 180 УК РСФСР к 1 году исправительных работ. Народный суд в приговоре вообще не указал на такое отягчающее обстоятельство, как прежняя судимость. Игнорирование этого обстоятельства, в свою очередь, привело к грубому нарушению требований, содержащихся в ст. 41 УК РСФСР [1].

На процесс формирования антиобщественных взглядов лжесвидетелей и лжедоносчиков определенное влияние может оказать микросреда, ближайшее окружение виновных и т. д.

Наличие ранее судимых в семье, среди близких, друзей и знакомых, их отрицательное отношение к выполнению гражданского долга и обязанности соблюдать законы и правила социалистического общежития в опреде-

---

[1] Поскольку Ж. ранее судима к одному году лишения свободы условно и в течение испытательного срока совершила новое умышленное преступление, в соответствии с п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1970 года «О деятельности судов по борьбе с рецидивной преступностью», окончательная мера наказания «во всяком случае должна быть б о л ь ш е т о й м е р ы, которая была назначена условно» (разрядка наша. — *М. Х.*) («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1970, № 3, стр. 14—18).

ленных случаях могут способствовать совершению рассматриваемых преступлений.

Между тем, практические работники при расследовании и рассмотрении дел о лжесвидетельстве на эти обстоятельства не всегда обращают должное внимание. По данным нашего исследования установлено, что значительная часть лжесвидетелей до совершения рассматриваемого преступления находилась в контакте с ранее судимыми родственниками и их друзьями, которые могли отрицательно повлиять на них.

Так, у лжесвидетелей было ранее судимых родственников, друзей и знакомых:

В Башкирской АССР	— 12,5%
Кабардино-Балкарской АССР	— 30,0%
Татарской АССР	— 37%
Куйбышевской области	— 6,6%

При расследовании и рассмотрении дел этой категории, изучении личности лжесвидетеля и лжедоносчика необходимо обратить серьезное внимание на причины и условия, способствовавшие формированию антиобщественных взглядов и привычек у преступника. Это важно как для правильного назначения меры наказания, так и в особенности в целях предупреждения подобных преступлений.

При изучении личности свидетеля и потерпевшего, виновных в заведомо ложном показании, а также лжедоносчика определенное уголовноправовое и криминологическое значение имеют и другие обстоятельства, характеризующие виновных в совершении рассматриваемых преступлений, в частности, его образ жизни до совершения преступления, отношение к труду, к семье, к коллективу, участие в общественной жизни и т. п.

Производственная и бытовая характеристика, как правило, истребуется в процессе предварительного расследования и приобщается к делу. Нередко характеристика, особенно если она характеризует виновного с положительной стороны, представляется суду обвиняемым, его родственниками или адвокатом. К сожалению, в отдельных делах характеристика вообще отсутствует. Так, отсутствовали характеристики в делах, рассмотренных судами Башкирской АССР, на 12,5% лжесвидетелей, 28,6%

потерпевших и 33,3% лжедоносчиков, Кабардино-Балкарской АССР — на 20% лжесвидетелей и 25% лжедоносчиков, Татарской АССР — на 11,1% лжесвидетелей, 18,2% потерпевших и 6,6% лжедоносчиков, Куйбышевской области — на 3,3% лжесвидетеля и 11,1% потерпевших.

Это — серьезный пробел в изучении личности преступников, а также причин и условий, способствующих совершению преступлений, которые ничем не могут быть оправданы.

Большинство лжесвидетелей и потерпевших (от 63,6% до 83,3%) по имеющимся в деле данным характеризовались положительно. В то же время лжедоносчиков, характеризовавшихся положительно, встречается намного меньше. Например, в Кабардино-Балкарской АССР ни один из лжедоносчиков не имел положительной характеристики, в Башкирской АССР их насчитывается 22,2%, Татарской АССР — 53,3%.

Положительная характеристика личности обвиняемого в ст. 38 УК РСФСР не предусмотрена в качестве смягчающего обстоятельства. Между тем суды при смягчении наказания во многих случаях в обоснование своего решения ссылаются на положительную характеристику с места работы или жительства виновного. Такая ссылка имеется в приговорах судов Башкирской АССР: в отношении лжесвидетелей 41,7%, потерпевших — 14,3%; Кабардино-Балкарской АССР: в отношении 30% лжесвидетелей; Татарской АССР: в отношении 30,9% лжесвидетелей, 27,3% потерпевших и 33,2% лжедоносчиков; Куйбышевской области: в отношении 30% лжесвидетелей и 40,7% потерпевших. Подобная практика представляется совершенно оправданной, так как положительная характеристика, наряду с другими данными, дает возможность лучше определить степень общественной опасности и меру наказания виновному. Одно дело, когда на скамье подсудимых находится лицо, положительно характеризующееся, и другое, когда к ответственности привлекается тунеядец, алкоголик, не желающий честно трудиться и ведущий паразитический образ жизни. Даже простое сопоставление этих обстоятельств, по-разному характеризующих личность виновных, указывает на то, что суд должен учитывать их при оценке личности виновного и назначении наказания.

От внимания следователя и судьи не должны ускользать и такие детали, как применение к лжесвидетелю и лжедоносчику административных, дисциплинарных и общественных мер воздействия. Перечисленные обстоятельства являются важными признаками, характеризующими личность преступника. Однако практика показывает, что по многим делам должностные лица органов правосудия на эти обстоятельства достаточного внимания не обращают, хотя по данным нашего изучения число лжесвидетелей, к которым в период, предшествующий совершению преступления, применялись меры общественного воздействия, составляет значительный процент (в Татарской АССР — 18,5% и Куйбышевской области — 16,7%).

Изучение личности лжедоносчика и лжесвидетеля было бы неполным, если не обратить внимание на мотив и цель совершения заведомо ложного показания и доноса. «Выступая как побудительная причина совершения преступления,— пишет Б. С. Волков,— мотив накладывает отпечаток на весь ход волевого процесса, с которым связано возникновение намерения совершить преступление. Большую роль мотив играет не только в установлении субъективной стороны, но и в характеристике объективных и других признаков состава, в определении степени общественной опасности совершенного преступления» [1].

Точное установление мотива и цели заведомо ложного доноса и показания дает возможность органам правосудия, ведущим борьбу с преступностью, правильно квалифицировать содеянное, индивидуализировать наказание, выявить причины и условия, способствовавшие совершению этих преступлений, и принять меры к их устранению. Особое значение имеет выяснение названных признаков применительно к рассматриваемым преступлениям. Как известно, закон в качестве необходимого признака субъективной стороны рассматриваемых преступлений указывает «заведомость». Совершенно очевидно, что определить этот признак нельзя, не исследовав всех побуждений

[1] Б. С. Волков. Мотив и квалификация преступлений. Казань, Издательство Казанского университета, 1968, стр. 12.

и целей, которыми руководствовалось лицо, совершая преступление.

Изучение судебно-следственной практики показывает, что требование закона (ст.ст. 68, 205, 314 УПК РСФСР) об установлении мотива по каждому уголовному делу практическими работниками выполняется не всегда. Так, по делам о заведомо ложном показании свидетелей мотив совершения преступления не был установлен и указан в приговорах судов Башкирской АССР в 58,4% случаев, Кабардино-Балкарской АССР — 40%, Татарской — 16%, Куйбышевской области — 33,3%.

Самым распространенным мотивом лжесвидетельства, как показывает изучение дел, является чувство жалости к обвиняемому или его семье. По этому мотиву совершено 66,8% заведомо ложных показаний свидетелей в Татарской АССР, 33,3% — в Башкирской АССР и Куйбышевской области, 20% — в Кабардино-Балкарской АССР. Сравнительная распространенность названного мотива во многом объясняется родственными, дружескими, приятельскими и другими близкими отношениями свидетелей и обвиняемых. Достаточно указать, что среди свидетелей, осужденных за заведомо ложное показание судами Татарской АССР, родственников обвиняемых было 16%, знакомых — 48,3%, товарищей и друзей — 29,6%, соседей — 4,9% и посторонних — лишь 1,2%.

Значительное число ложных показаний совершается также из-за трусости, ввиду боязни мести со стороны обвиняемого и его близких. По этому мотиву, например, в Куйбышевской области совершено 23,3% и в Татарской АССР — 9,9% заведомо ложных показаний свидетелей.

Нередко мотивом заведомо ложного показания свидетелей является личная заинтересованность свидетеля в исходе дела, в частности опасение возможной ответственности. Подобное опасение чаще всего возникает в случаях, когда дающий показание сам в какой-то степени виновен в совершенном преступлении. В отдельных случаях мотивом лжесвидетельства служит опасение виновного, что на него может пасть подозрение или что дача правдивых показаний может пролить свет на его неблаговидные поступки. По этому мотиву совершено заведомо ложных показаний свидетелей в Башкирской АССР —

16,7%, Татарской АССР — 8,6%, Кабардино-Балкарской АССР — 20%.

Лжесвидетельства на почве мести и злобы в судебной практике встречаются редко. Подобный случай нами обнаружен только по одному делу. Но этого нельзя сказать в отношении потерпевших. Согласно данным изучения, 25,9% заведомо ложных показаний потерпевших в Куйбышевской области совершено по мотиву мести, а в Башкирской АССР они достигают 28,6%. Заведомо ложные показания по мотивам мести были совершены главным образом женщинами, доведенными до отчаяния неправомерным поведением своих мужей.

В отдельных случаях мотивом ложного показания является стремление освободиться от обязанностей, связанных с участием в процессе, желание «не ввязываться в чужие дела», безразличное отношение к общественным обязанностям и др.

Не исключается, разумеется, возможность совершения этих преступлений из корыстных или хулиганских побуждений. Среди изученных нами дел только одно преступление было совершено из корыстных побуждений, а фактов ложного показания из хулиганских побуждений не встречалось.

Некоторые мотивы, объясняющие поведение лжесвидетеля, могут быть связаны с принадлежностью свидетеля к определенной социальной общности, группе — религиозной, профессиональной и т. д. С этой точки зрения характерны дела о сектантских организациях. Например, по одному делу, рассмотренному Верховным судом Татарской АССР, руководители сектантской организации, привлеченные к уголовной ответственности, заявили недоверие адвокату, указывая, что им не нужен адвокат, который не верит в бога, а свидетели из числа сектантов после разъяснения председательствующим их гражданского долга и обязанности правдиво рассказать все известное им по делу и предупреждения об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний отказались даже дать подписку о том, что им разъяснены их обязанности и ответственность, заявляя, что они ответственность несут лишь перед богом [1].

При расследовании и рассмотрении дел о заведомо

[1] Архив Верховного суда ТАССР за 1961 г.

ложных показаниях особое внимание необходимо обращать на причины, побудившие свидетеля или потерпевшего к ложным показаниям, в частности, выявлять, не было ли постороннего вмешательства, не явились ли ложные показания результатом воздействия на них других лиц.

Практике известны случаи, когда на свидетелей оказывали влияние оставшиеся на свободе обвиняемые, их родственники и знакомые, которые путем уговоров, угроз, шантажа и другими средствами добивались изменения показаний свидетелей и потерпевших в сторону оправдания виновных или смягчения их вины. Например, в Татарской АССР заведомо ложных показаний совершено под влиянием обвиняемых 17,2%, их родственников — 7,4% и знакомых — 12,3%.

В целях выяснения условий, способствовавших заведомо ложным показаниям, в каждом конкретном случае необходимо устанавливать взаимоотношение лжесвидетеля и виновного лица, в пользу которого даются заведомо ложные показания. Практика свидетельствует, что почти половина потерпевших, осужденных за заведомо ложное показание, находилась в личной или материальной зависимости от виновных.

Ложные показания всегда обусловлены определенными мотивами. Выявление и точное установление мотивов антиобщественного поведения в ряде случаев представляет известную трудность.

Отношение свидетеля и потерпевшего к своим показаниям не всегда определяется одним мотивом. Нередко эти преступления совершаются по смешанным мотивам [1].

Так, заведомо ложное показание одновременно может быть вызвано опасением ответственности и стремлением (из-за ложного чувства долга) смягчить участь близкого, знакомого или, наоборот, стремлением отомстить невиновному.

Наряду с мотивом немаловажное значение в характеристике рассматриваемых преступлений имеет цель. Как и мотив, в одних случаях цель преступления является обязательным признаком субъективной стороны, в других — находится за пределами состава. К последним

---

[1] См. Б. С. Волков. Мотив и квалификация преступлений. Казань, Издательство Казанского университета, 1968, стр. 18.

относится заведомо ложное показание свидетеля или потерпевшего (ст. 181 УК). Однако поскольку цель характеризует весь процесс, происходящий в психике лица в связи с совершением им преступления, отражает степень общественной опасности деяния, то по общему правилу цель, к которой виновный стремится, помогает установить вину и влияет на вид и размер наказания.

В юридической литературе высказывалось мнение, что «в большинстве случаев свидетель, давая заведомо ложные показания, преследует цель привлечения к ответственности невиновного» [1]. Однако такое утверждение противоречит судебной практике. Материалы изучения и обобщения судебной практики говорят о том, что свидетель в очень редких случаях дает ложные показания, преследуя цель привлечения к ответственности невиновного.

В большинстве случаев заведомо ложные показания свидетелями даются с целью оправдания виновного или смягчения его вины. Так, ложные показания свидетелями даны: а) с целью оправдания в Татарской АССР — 50,6%, Башкирской АССР — 37,5%, Куйбышевской области — 36,6% и Кабардино-Балкарской АССР — 70%; б) с целью смягчения вины подсудимого соответственно — 49,4%, 50%, 43,3% и 30%; в) с целью обвинения в Башкирской АССР — 12,5%, Куйбышевской области — 10%, а в Татарской и Кабардино-Балкарской АССР не было ни одного случая, когда бы свидетель дал показания, преследуя цель привлечения к ответственности невиновного.

Другое дело — потерпевшие, показания которых нередко являются обвинительными. Например, из общего числа потерпевших, осужденных по ст. 181 УК РСФСР, дали заведомо ложные показания с целью привлечения к ответственности невиновного или усиления степени вины обоснованно привлеченного в Башкирской АССР — 42,8% и Куйбышевской области — 40,7%.

В юридической литературе нет единого мнения о роли цели в составе заведомо ложного доноса.

Так, Б. С. Утевский писал, что при ложном доносе

---

[1] Ш. С. Рашковская. Преступление против социалистического правосудия. Лекции для студентов ВЮЗИ. М., 1967, стр. 33.

«в умысел должно входить не только сознание заведомой ложности сделанных сообщений, но и *желание добиться осуждения или хотя бы привлечения к уголовной ответственности заведомо невиновного лица*» (разрядка наша.— *М. Х.*) [1].

По мнению Ш. С. Рашковской, «ложный донос предполагает и конкретную цель действия — *стремление привлечь к уголовной ответственности невиновное лицо*. Эта цель всецело определяет характер и направленность умысла, указывает на большую степень общественной опасности преступника» (разрядка наша — *М. Х.*) [2].

Точка зрения указанных авторов о специальной цели в составе заведомо ложного доноса, на наш взгляд, не вытекает из закона. По УК РСФСР и большинству уголовных кодексов других союзных республик наличие цели привлечения к уголовной ответственности заведомо невиновного лица и осуждения его или возбуждения уголовного дела не является конструктивным элементом субъективной стороны рассматриваемого преступления. По законодательству указанных союзных республик состав заведомо ложного доноса имеется независимо от того, какую цель преследовал доноситель, совершая рассмат-

---

[1] Советское уголовное право, часть Особенная. М., 1951, стр. 378.

[2] Ш. С. Рашковская. Преступления против социалистического правосудия. Лекции для студентов ВЮЗИ, М., 1957, стр. 26.

Аналогичной точки зрения придерживается Д. О. Хан-Магомедов. Он считает, что «данное преступление совершается *с целью возбуждения уголовного дела*».

Д. О. Хан-Магомедов. Ответственность за заведомо ложный донос. — «Советская юстиция», 1964, № 4, стр. 19. См. также А. Кузнецов. Ответственность за заведомо ложный донос. — «Советская юстиция», 1969, № 23, стр. 23. Следует заметить, что А. Кузнецов целью заведомо ложного доноса считает не только возбуждение уголовного дела, но и направление расследования возбужденного дела и рассмотрения его в суде по неправильному пути. С таким утверждением трудно согласиться, ибо, если лицо совершает действия с целью направления расследования уже *возбужденного дела* и рассмотрения его в суде по неправильному пути, вообще нельзя говорить о ложном доносе. Здесь правильнее будет считать, что такое лицо дает заведомо ложные показания по уже возбужденному делу по другому поводу.

риваемое преступление, ибо опасность его не уменьшается от характера той цели, которую преследовал виновный. Во всех случаях заведомо ложный донос посягает на правильную деятельность органов социалистического правосудия, нарушает эту деятельность, создает опасность привлечения к уголовной ответственности заведомо невиновного.

Сидоров, работая на часовом заводе, изготовил однозарядный пистолет. По просьбе гр-ки Б. они поехали в лес, где стали тренироваться в стрельбе, однако по неосторожности он прострелил себе палец правой руки. Боясь ответственности за изготовление и ношение огнестрельного оружия и пытаясь как-то объяснить причину ранения, Сидоров, по договоренности с Б., сделал заведомо ложный донос в органы милиции о том, что на него напали четверо ребят и выстрелом из пистолета прострелили ему палец [1].

Другой пример. Горин работал возчиком почты Кутлушкинского отделения связи. Забрав всю корреспонденцию, он в нетрезвом состоянии ехал с почтой на лошади, в пути следования заснул, не погасив папиросу, отчего загорелась солома в телеге и вся корреспонденция сгорела. Огнем была повреждена и часть телеги. Боясь ответственности за неосторожное уничтожение корреспонденции, Горин сообщил в дежурную часть отдела внутренних дел, что на него напали в пути двое неизвестных, требовали деньги и, получив отказ, подожгли мешки с корреспонденцией и скрылись [2].

Как видно из приведенных примеров, в обоих случаях лица, сообщившие ложные сведения о совершении преступления, сами в какой-то степени были повинны в противоправных деяниях. Совершая заведомо ложный донос, они не стремились привлечь кого-либо к уголовной ответственности и не преследовали цели возбуждения уголовного дела. Последствия заведомо ложного доноса их совершенно не интересовали. В своем поведении они руководствовались трусостью и малодушием и обусловленным этими побуждениями стремлением избежать ответ-

---

[1] См. Архив Чистопольского городского народного суда ТАССР за 1968 г.

[2] См. там же.

ственности за совершенные правонарушения. Иначе говоря, в рассматриваемых случаях заведомо ложный донос выступал как средство достижения другой цели — уклониться от ответственности за совершенные ими правонарушения.

Вопрос о цели как признаке заведомо ложного доноса иначе решается по законодательству других союзных республик.

В уголовных кодексах Молдавской (ст. 195) и Латвийской ССР (ст. 173) указывается на цель привлечения к уголовной ответственности конкретного лица как на необходимый признак субъективной стороны состава заведомо ложного доноса.

Следовательно, с точки зрения такой конструкции для квалификации деяния как заведомо ложного доноса недостаточно нарушения правильной деятельности органов социалистического правосудия, а требуется, чтобы были нарушены также права и интересы личности. Нам представляется, что подобное сужение состава заведомо ложного доноса не способствует борьбе с этим опасным видом преступления.

Во многих случаях, совершая заведомо ложный донос, виновные не указывают конкретное лицо. Из общего числа осужденных за заведомо ложный донос таких дел оказалось в Татарской АССР 39,8%, Башкирской АССР — 22,2%, Кабардино-Балкарской — 25%.

Несколько иную позицию в рассматриваемом вопросе занимают уголовные кодексы Узбекской (ст. 166), Казахской (ст. 186), Литовской (ст. 188) и Киргизской (ст. 187) союзных республик, где говорится лишь о цели возбуждения уголовного дела без указания конкретного лица. Таким образом, уголовное законодательство этих союзных республик считает возможным привлечение к уголовной ответственности за заведомо ложный донос в тех случаях, когда он содержит в себе сведения только о самом событии преступления, если при этом виновный, сообщая ложные сведения о совершении преступления, действовал с целью возбуждения уголовного дела. Такое законодательное решение данного вопроса дает возможность судебно-следственным органам названных союзных республик несколько шире осуществлять охрану интересов правосудия от этого опасного посягательства. Однако

включение признака цели возбуждения уголовного дела в определение ложного доноса, как нам представляется, несколько сужает состав этого преступления. В этом отношении более предпочтительным является позиция УК РСФСР и большинства уголовных кодексов других союзных республик, в которых ответственность за заведомо ложный донос не связана с наличием какой-либо цели. Необходимость охраны интересов правосудия от заведомо ложного доноса требует решительной борьбы со всякого рода заведомо ложными доносами, в чем бы они ни выражались и по каким мотивам или целям они ни совершались.

Глава шестая

ЛИЧНОСТЬ РЕЦИДИВИСТОВ, ОСУЖДЕННЫХ ЗА ХУЛИГАНСТВО

Проблема борьбы с рецидивной преступностью вообще, и рецидивом отдельных преступлений в частности, привлекает постоянное внимание науки и практики. Это обусловливается тем, что без искоренения рецидивной преступности невозможно решение поставленной в Программе КПСС задачи — ликвидации преступности в нашей стране и всех причин, ее порождающих [1]. В структуре преступности значительная доля принадлежит хулиганству; среди лиц, совершающих хулиганство, много рецидивистов [2]. Поиск наиболее эффективных форм и методов борьбы с хулиганством невозможен без всестороннего изучения личности преступника-хулигана, в том числе хулигана-рецидивиста. Поэтому вполне закономерен интерес к исследованию личности преступника-хулигана.

Правильное определение методологии изучения личности преступника дано в указании В. И. Ленина о том, что «социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных *личностей*, из действий которых и слагаются эти отношения» [3].

Поскольку всякое преступление представляет собой определенный вид человеческой деятельности (определенное общественное отношение) и в нем неизбежно находят выражение определенные свойства реальных лич-

---

[1] См. Материалы XXII съезда КПСС. М., Госполитиздат, 1961, стр. 400.

[2] См. Криминология. М., 1968, стр. 119, 310, 441; А. А. Герцензон. Уголовное право и социология. М., 1970, стр. 91.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 424.

ностей, постольку изучение личности преступника, в том числе и преступника-хулигана, возможно только в неразрывной связи с изучением совершенного им преступления.

Как известно, рецидивисты представляют категорию преступников, которые, несмотря на осуждение за ранее совершенное преступление и применение в большинстве случаев наказания, не делают из этого для себя правильных выводов, не становятся на путь честной, трудовой жизни, а совершают новые преступления, нередко более тяжкие [1].

Полное представление о личности преступника-рецидивиста можно получить лишь на основе выяснения свойств и признаков, которые связывают или различают его с лицами, впервые совершившими преступление, а также с преступниками в целом. В. И. Ленин писал, что «отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого **рода** отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.» [2].

Учитывая это важнейшее требование диалектического метода исследования при изучении личности хулиганов-рецидивистов, мы значительное внимание уделили выяснению специфических свойств и признаков, присущих не только личности рецидивистов, но и личности хулиганов, осужденных впервые, а также личности преступников-хулиганов в целом. Такой подход к изучению личности рецидивистов, осужденных за хулиганство, по нашему мнению, дает возможность в сравнительном плане наиболее полно и наглядно раскрыть образ личности хулигана в целом, выявить типичные черты и особенности личности хулигана-рецидивиста, позволяет обнаружить и определить пути, формы и методы искоренения хулиганских про-

---

[1] См. А. М. Яковлев. Борьба с рецидивной преступностью. М., 1964, стр. 7—33; Эффективность уголовноправовых мер борьбы с преступностью. М., 1968, 214—216; М. Журавлев, Д. Хан-Магомедов. Что показывают исследования особо опасного рецидива.— «Советская юстиция», 1970, № 24, стр. 16.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.

явлений как со стороны рецидивистов, так и других неустойчивых граждан.

Криминологической лабораторией Казанского университета были изучены на основе специально разработанной анкеты осужденные за хулиганство в 1-м полугодии 1969 г. Исследование проводилось по материалам уголовных дел, рассмотренных народными судами г. Казани, приговоры по которым вступили в законную силу. Хотя исследование имело ограниченный характер, не отражало динамику хулиганства по годам, не касалось ряда других вопросов, а выводы и предложения по результатам изучения носили в основном локальный характер, однако в целом оно дало представление о личности преступника-хулигана, а также хулигана-рецидивиста.

В ходе социологического исследования личности хулиганов-рецидивистов изучались не только осужденные, у которых имелась не погашенная либо не снятая судимость за предыдущее преступление, но и лица, которые фактически осуждались неоднократно, но судимости у которых погашены либо сняты. Такой подход к изучению рецидивистов хотя и противоречит концепции легального рецидива, но позволяет дать подлинную криминологическую характеристику хулиганов, подвергавшихся осуждению многократно.

Данные социологического исследования показывают, что уровень общего рецидива среди осужденных за хулиганство довольно высок. От общего числа подвергавшихся изучению хулиганов лишь 60,4% осуждены впервые, а 39,6% — осуждаются не первый раз[1]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что почти половина хулиганов-рецидивистов привлекалась к уголовной ответственности многократно. Так, 56,1% рецидивистов подвергнуты осуждению второй раз, 22,4% — третий, 12,2% — четвертый, а 9,3% — пятый раз и более. Среди изученных не было особо опасных рецидивистов, при осуждении за хулиганство особо опасным рецидивистом был признан лишь один.

---

[1] По данным Н. Ф. Кузнецовой, среди осужденных за хулиганство рецидивисты составляют 30—40%. См. Криминология. М., 1968, стр. 441. По результатам исследования В. Д. Филимонова, рецидив среди хулиганов составил 54%. См. В. Д. Филимонов. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970, стр. 26.

Это обстоятельство подтверждает правильность позиции Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года «Об усилении ответственности за хулиганство», в котором не включено в число отягчающих хулиганство обстоятельств — совершение его особо опасным рецидивистом [1].

Подвергался изучению уровень общего рецидива среди осужденных за хулиганство в зависимости от полового признака. Число осужденных рецидивистов мужчин составляло 37,5%, женщин — 2,1%. Приведенные показатели общего рецидива среди мужчин и женщин неточно характеризуют интенсивность проявления рецидива в зависимости от полового признака, так как соотношение мужчин и женщин, осужденных за хулиганство, неодинаково. По данным исследования, среди осужденных хулиганов-мужчин оказалось 94,8%, а женщин — лишь 5,2%. Поэтому показатель интенсивности проявления рецидива со стороны мужчин и женщин был вычислен от общего числа осужденных за хулиганство мужчин и соответственно от общего числа осужденных женщин. При этом оказалось, что показатель интенсивности общего рецидива со стороны женщин несколько выше (40,7%), чем со стороны мужчин (39,5%).

Выяснение соотношения в уровнях интенсивности общего рецидива (его частоты, повторяемости) со стороны мужчин и женщин имеет не только познавательный интерес, но и определенное практическое значение, ибо предостерегает специальные органы, ведущие борьбу с преступностью, а также советскую общественность от недооценки случаев рецидива со стороны женщин, в известной степени характеризует уровень воспитательной работы в женских исправительно-трудовых учреждениях.

Надо подчеркнуть, что для женщин менее характерен многократный рецидив, чем для мужчин. Об этом свидетельствуют данные, приведенные в таблице 28 (показатели вычислены соответственно от общего числа осужденных за хулиганство мужчин и женщин).

Изучению был подвергнут также вопрос об уровне специального рецидива среди осужденных хулиганов, т. е.

---

[1] До принятия этого Указа в числе отягчающих хулиганство обстоятельств совершение его особо опасным рецидивистом предусматривалось в уголовных кодексах Украинской, Белорусской, Грузинской, Туркменской и Эстонской ССР.

Таблица 28

Рецидивисты	Судимые 2 раза (в %)	Судимые 3 раза (в %)	Судимые 4 раза (в %)	Судимые 5 раз и более (в %)
Мужчины	54,8	23,2	12,2	9,8
Женщины	81,8	9,1	9,1	—

повторяемости случаев совершения хулиганства после имевшего место осуждения лица также за хулиганство. В целях более полной характеристики этого показателя вычисление его производилось как от общего числа осужденных, так и от общего числа рецидивистов, осужденных за хулиганство. Специальный рецидив составил 20,7% к общему числу осужденных и 52,2% — к общему числу рецидивистов. Следовательно, каждый пятый осужденный за хулиганство уже подвергался осуждению за это преступление и каждый второй рецидивист судился за хулиганство.

Данные о специальном рецидиве показывают, что 79,3% к общему числу преступников осуждаются за хулиганство впервые, в то время как первому осуждению на самом деле подвергаются 60,4% обследованных. Таким образом, 18,9% к общему числу осужденных хотя осуждены за хулиганство впервые, но являются рецидивистами.

Из числа осужденных за специальный рецидив 16,2% привлечены к уголовной ответственности за хулиганство второй раз, 3,3% — осуждены третий раз, 1% — четвертый раз, 0,2% — пятый раз и более. Характеристика специального рецидива среди хулиганов была бы неполной без рассмотрения вопроса о том, действительно ли осуждающиеся за хулиганство второй, третий, четвертый, пятый и более раз фактически подвергаются осуждению соответственно второй, третий раз и т. д. Изучение показало, что осуждающиеся за хулиганство во второй раз, третий и т. д. фактически осуждаются более чем второй, третий раз и т. д.

Представление о фактическом числе осуждений рассматриваемой категории рецидивистов дает таблица 29 (данные в процентах).

Таблица 29

Число осуждений за хулиганство	Фактическое число осуждений				Итого
	2-й	3-й	4-й	5-й и более	
Два раза	9,1	4	1,9	1,2	16,2
Три раза	—	1	1,5	0,8	3,3
Четыре раза	—	—	0,6	0,4	1
Пятый раз и более	—	—	—	0,2	0,2
Итого	9,1	5	4	2,6	20,7

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что среди рецидивистов не так уж много лиц, исключительно склонных к совершению хулиганских действий (10,9% к общему числу осужденных за хулиганство, тогда как общий рецидив равен 39,6%). Практически лишь каждый четвертый рецидивист осуждался только за совершение хулиганства. Из рассмотренных данных можно, по крайней мере, сделать следующий вывод: рецидивисты, осужденные за хулиганство, в большинстве своем уже совершали другие преступления и, следовательно, являются не только носителями тех отрицательных свойств и привычек, которые обусловливают возможность совершения хулиганских действий, но способны учинить и другие преступления.

Поскольку почти каждый второй рецидивист, наряду с осуждением за другие преступления, осуждался также и за хулиганство, то установление в законе в качестве квалифицирующего обстоятельства судимости за хулиганство является обоснованным.

В процессе изучения хулиганов-рецидивистов была сделана попытка выяснить показатели интенсивности специального рецидива в зависимости от полового признака. Как уже отмечалось, интенсивность общего рецидива со стороны мужчин составляет 39,5%, со стороны женщин — 40,7%. Что касается интенсивности специального рецидива, то она меньше почти в два раза как у мужчин, так и у женщин. Так, показатель интенсивности специаль-

ного рецидива со стороны мужчин равен 20,8%, а со стороны женщин — 18,5%.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что со стороны мужчин наблюдается многократный специальный рецидив, что не имеет места со стороны женщин. Об этом свидетельствуют данные таблицы 30.

Таблица 30

Осуждены за хулиганство	К общему числу мужчин (в %)	К общему числу женщин (в %)
Первый раз	79,2	81,5
Второй раз	16,1	18,5
Третий раз	3,5	—
Четвертый раз	1	—
Пятый раз	0,2	—
Итого	100	100

Выше указывалось, что 18,9% осужденных к общему числу изучавшихся хотя и привлечены к уголовной ответственности за хулиганство впервые, однако ранее уже судились за другие преступления. Эта группа рецидивистов изучалась для того, чтобы установить, за какие преступления они подвергались осуждению ранее. 12,5% обследованных были судимы за хищения социалистического имущества (независимо от формы хищения), 9,1% — осуждались за хищение личного имущества граждан (независимо от формы хищения), 2,7% — судились за нанесение телесных повреждений (всех видов тяжести), 11,6% — были судимы за другие преступления[1].

При исследовании личности хулиганов было обращено внимание на изучение возрастных особенностей осужденных, выяснялся уровень рецидива в зависимости от возрастного признака. Оказалось, что 9,1% осужденных хулиганов являются несовершеннолетними. Число несовершеннолетних рецидивистов составило 0,6% к общему числу осужденных за хулиганство. Большинство

[1] Следует иметь в виду, что многие из осужденных этой группы подвергались осуждению многократно и за разные преступления.

осужденных хулиганов имеют возраст 30 лет и более (58,8%), хулиганов в возрасте 18—29 лет оказалось 32,1%. Что касается распределения рецидивистов по этим возрастным группам, то рецидивистов в возрасте 30 лет и более оказалось 32,4% к общему числу осужденных, а в группе с возрастом 18—29 лет — 6,6%. Таким образом, рецидивисты, осужденные за хулиганство, в большинстве своем лица зрелого возраста, с прочно сформировавшимися взглядами и привычками. Это обусловливает сложность работы исправительно-трудовых учреждений по исправлению и перевоспитанию осужденных рецидивистов.

Для более полной характеристики повторяемости рецидива со стороны осужденных отдельных возрастных групп были вычислены показатели его от общего числа обследованных осужденных, от общего числа рецидивистов, от общего числа осужденных соответствующей возрастной группы. Причем эти показатели наиболее подлинную картину дают лишь в сравнении с данными о числе хулиганов соответствующей возрастной группы в общей массе осужденных, подвергавшихся изучению (см. таблицу 31).

Наибольшая интенсивность (повторяемость) рецидива наблюдается в возрастных группах 30—49 лет (55,5%) и 50 лет и старше (45,8%). В то же время нельзя не обратить внимание на то, что в возрастной группе до 18 лет

Таблица 31

Возраст осужденного	К общему числу осужд. за хулиганство (в %)	Процент рецидива к общему числу осужд.	Процент рецидива к общему числу рецидивистов	Процент рецидива к общему числу возрастн. группы
До 18 лет	9,1	0,6	1,6	12,5
18—24 года	20	4,3	10,8	21,1
25—29 лет	12,1	2,3	5,9	19,3
30—49 лет	54,2	30,2	76,3	55,5
50 лет и старше	4,6	2,2	5,4	45,8
Итого	100	39,6	100	—

каждый десятый осужденный является рецидивистом, в группах с возрастом 18—24 и 25—29 лет каждый пятый хулиган является рецидивистом. Одновременно с рассмотренными вопросами было изучено, в каком возрасте хулиганы-рецидивисты совершили первое преступление (см. табл. 32; данные в процентах).

Таблица 32

Рецидивисты, судимые	Совершили первое преступление в возрасте								Данных о возрасте нет	Итого
	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет	18—24 года	25—29 лет	30—49 лет	50 лет и старше		
2-й раз	—	1	2,4	2,9	13,7	8,8	26,3	—	1	56,1
3-й раз	—	—	1	1,9	7,8	2,4	4,4	—	4,9	22,4
4-й раз	0,5	1	1	1	3,9	2,4	1,9	—	0,5	12,2
5-й раз и более .	0,5	—	0,5	0,5	4,4	1	1	—	1,4	9,3
Итого . .	1	2	4,9	6,3	29,8	14,6	33,6	—	7,8	100

Приведенные данные свидетельствуют о том, что 14,2% от общего числа рецидивистов свою преступную деятельность начали в несовершеннолетнем возрасте. Значительное число хулиганов-рецидивистов первое преступление совершили в возрасте 30—49 лет (33,6%) и 18—24 года (29,8%). В то же время нет ни одного хулигана-рецидивиста, который бы свое первое преступление совершил в возрасте в 50 лет и старше.

В ходе изучения личности рецидивистов-хулиганов была предпринята также попытка выяснить основания освобождения от отбывания наказания за первое преступление, так как данные об основаниях освобождения от наказания также известным образом характеризуют личность рецидивиста. Сведения об основаниях освобождения от наказания за совершение первого преступления даны в таблице 33.

Таким образом, только одна треть рецидивистов-хулиганов отбыла полностью наказание, назначенное при первом осуждении. 34,2% хулиганов-рецидивистов от отбывания наказания были освобождены досрочно, условно-досрочно, в связи с заменой наказания более мягким,

Таблица 33

Основание освобождения от наказания	К общему числу рецидивистов (в %)
По отбытии срока наказания	35,6
По амнистии и помилованию	11,2
В порядке досрочного, условно-досрочного освобождения	26,8
В порядке замены наказания более мягким	1
Прочее	6,4
Сведений не имеется	19
Итого	100

либо условно с направлением на строительство предприятий народного хозяйства.

Выяснялись также фактические сроки отбывания рецидивистами наказания, назначенного в виде лишения свободы при первом осуждении. Установлено, что 13,6% от общего числа хулиганов-рецидивистов отбывали лишение свободы за первое преступление не более 6 месяцев, 16,6% — свыше шести месяцев, но не более 1 года, 16,1% — свыше одного года, но не более 2-х лет, 11,7% — свыше двух лет, но не более пяти лет, 12,2% — свыше пяти лет. В отношении 29,8% рецидивистов установить фактически отбытый срок наказания в виде лишения свободы не удалось (часть из них, видимо, была осуждена к мерам наказания, не связанным с лишением свободы).

Таким образом, 30,2% хулиганов-рецидивистов лишение свободы за первое преступление отбывали не более одного года, а не более двух лет — 46,3% [1]. Эти данные подтверждают малую эффективность краткосрочного пребывания осужденного в местах лишения свободы [2].

---

[1] По данным В. М. Сизякина, число лиц, осужденных в 1968 г., после отбытия наказания в виде лишения свободы до 2-х лет составило около 70%. См. В. М. Сизякин. Условно-досрочное освобождение от наказания по советскому уголовному праву. Автореферат канд. дисс. Ростов-на-Дону, 1970, стр. 18.

[2] Эффективность уголовноправовых мер борьбы с преступностью. М., 1968, стр. 20—89.

Личность хулиганов изучалась также для выяснения их принадлежности к определенным социальным группам, т. к. эти данные имеют немаловажное значение для определения тех социальных групп, в которых необходима наиболее разносторонняя профилактическая работа. В числе осужденных хулиганов рабочих оказалось 78,8%, служащих — 5,8%, колхозников — 0,4% [1], учащихся общеобразовательных школ — 0,6%, учащихся профессионально-технических училищ — 2,5%, учащихся техникумов — 0,2%, студентов высших учебных заведений — 0,4%, прочих — 11,3%. В соответствии с этим был изучен вопрос об интенсивности рецидива со стороны осужденных, относящихся к той или иной социальной группе. Причем, в целях более полной характеристики распространенности рецидива по признаку социальной группы показатель его исчислялся как от общего числа рецидивистов, так и от общего числа осужденных соответствующей социальной группы. Распространенность и интенсивность рецидива по социальным группам характеризуется данными таблицы 34.

Таблица 34

Социальная группа	Процент рецидива к общему числу рецидивистов	Процент рецидива к числу осужд. данной социальной группы
Рабочие	74,1	37,2
Служащие	4,9	33,3
Колхозники	0,4	50
Учащиеся школ	—	—
Учащиеся профтехучилищ	—	—
Учащиеся техникумов	—	—
Студенты	—	—
Прочие	20,6	72,4
Итого	100	—

[1] Следует иметь в виду, что социологическое исследование производилось лишь по уголовным делам, рассмотренным народными судами г. Казани.

Среди хулиганов-рецидивистов, относящихся к группе рабочих, оказалось судимых два раза — 20,3%, три раза — 9,6%, четыре раза — 4,4%, пять раз и более — 2,9%. Рецидивисты, входящие в социальную группу служащих, осужденные два раза составляли 30%, три раза — 3,3%, больше трех раз не осуждались. Из группы прочих хулиганов, осужденных два раза — 37,9%, три раза — 10,3%, четыре раза — 12,1%, пять раз и более — 12,1%. Таким образом, многократный рецидив оказался характерным для группы рабочих и прочих.

В процессе изучения личности хулиганов было выяснено, что 25,0% осужденных за хулиганство не занимались общественно полезным трудом [1]. Эта группа осужденных была подвергнута всестороннему исследованию. В первую очередь выяснялось, не судились ли они ранее за совершение преступлений. Оказалось, что 44,9% являлись судимыми, 38% — не привлекались к судебной ответственности, а в отношении 17,1% неработавших сведений о наличии или отсутствии предшествующих осуждений установить не удалось. Среди не занимавшихся общественно полезным трудом рецидивистов, судимых два раза, было 25,6%, три раза — 7,7%, четыре раза — 6,2%, пять раз и более — 5,4%.

Для характеристики личности хулиганов-тунеядцев немаловажное значение имеет то, как долго осужденные не занимались общественно полезным трудом. Имеет определенный интерес и такое обстоятельство, как соотношение в продолжительности уклонения от общественно полезного труда со стороны рецидивистов и со стороны впервые осужденных за хулиганство. Представление по этим вопросам дают показатели таблицы 35.

То обстоятельство, что 44,9% неработавших являлись рецидивистами, казалось бы, обязывало органы милиции

---

[1] Следует иметь в виду, что данные о числе не занимавшихся общественно полезным трудом относятся ко времени до выхода Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» от 23 февраля 1970 года (см. «Советская юстиция», 1970, № 10).

Примерно такие же показатели о неработающих получены при социологическом изучении осужденных за 1964—1966 гг. по г. Ленинграду. См. Курс советского уголовного права. Часть общая, т. 2. Изд-во Ленинградского ун-та, 1970, стр. 11.

Таблица 35

Срок, в течение которого осужденный не занимался общественно полезным трудом	Процент рецидивистов к общему числу не работавших	Процент впервые осужденных к общему числу нераб.	Итого
До 3-х месяцев включительно	23,3	24	47,3
Свыше 3-х месяцев, но не более 6-ти месяцев . . .	13,2	5,4	18,6
Свыше 6-ти месяцев, но не более одного года	3,1	5,4	8,5
Свыше одного года	5,3	2,4	7,7
Совсем не работал(а)	—	0,8	0,8
Сведений не установлено . .	—	—	17,1
Итого . . .	44,9	38	100

и общественность взять под особый контроль этих лиц, принять меры к трудоустройству, организовать воспитательные мероприятия и предупредить совершение нового преступления. Однако данные исследования показывают, что многие из этих лиц либо вовсе не находились в поле зрения органов милиции и общественности, либо с ними велась воспитательная работа недостаточно эффективно.

Изучались и причины, в силу которых осужденные не занимались общественно полезным трудом. Так, 33,3% от общего числа неработавших не желали работать, 21,8% осужденных не работали в связи с увольнением с работы за недисциплинированность, 2,3% — в связи с предстоящим призывом в Советскую Армию, 3,9% обследованных считали себя неспособными к труду по состоянию здоровья, но не имели официальных документов об инвалидности, 38,7% — не работали по иным причинам.

В отношении не занимавшихся общественно полезным трудом лиц были установлены сведения о средствах существования. Поскольку изучение этого вопроса производилось только по материалам уголовных дел, то в отношении 36,5% неработавших не удалось установить источник существования. Остальные неработавшие имели следующие источники существования: жили на трудовые

сбережения — 3,8%, были на иждивении ближайших родственников и сожителей (сожительниц) — 9,3%, 0,8% — нищенствовали, 2,3% — жили на средства, добываемые в результате совершения преступлений, 47,3% — имели прочие источники существования (эпизодические заработки, торговля старыми вещами и т. п.).

По социальному положению лица, не занимавшиеся общественно полезным трудом, характеризуются следующим образом: рабочие составляют 74,4%, служащие — 3,9%, колхозники — 0,8%, прочие — 20,9%. К общему числу неработавших имели образование до 3-х классов — 9,3%, 4—6 классов — 32,5%, 7—9 классов — 45%, среднее образование — 6,2%, среднее техническое образование — 7%. Как видно, среди неработающих значительное число лиц с относительно высоким образовательным уровнем (58,2%) — средним, средне-техническим и 7—9-классным образованием. Большинство из них систематически пьянствовали.

Характеристика неработавших хулиганов была бы не полной без показа их возрастных особенностей. Исследование показало, что абсолютное большинство их было в возрасте, при котором граждане СССР в соответствии с законодательством признаются способными и сбязанными трудиться. Так, лишь 1,5% к общему числу неработавших были в возрасте до 17 лет, 19,4% — в возрасте 18—24 года, 8,5% — в возрасте 25—29 лет, 65,9% — имели возраст 30—49 лет, а 4,7% — оказались в возрасте 50 лет и более.

В литературе уже неоднократно указывалось в целом на невысокий образовательный уровень хулиганов [1]. Результаты нашего социологического исследования подтверждают это обстоятельство. Характеристика образовательного уровня осужденных за хулиганство нами дана раздельно применительно к рецидивистам, впервые осужденным за хулиганство и осужденным за хулиганство в целом. Такой подход к характеристике образования хулиганов дает возможность сравнить, с каким образовательным уровнем наиболее часто совершают

---

[1] См. А. А. Герцензон. Уголовное право и социология. М., 1970, стр. 90; Курс советского уголовного права. Часть общая, т. 2. Изд-во Ленинградского ун-та, 1970, стр. 73; Криминология. М., 1968, стр. 442.

хулиганство рецидивисты и впервые осужденные, а также найти средний показатель. Представление об этом дают данные таблицы 36.

Приведенные данные показывают, что среди рецидивистов чаще совершали хулиганство лица с образованием до 6 классов (46,8%), чем лица с тем же образованием из группы впервые осужденных (31%). В группе впервые осужденных больше хулиганов с образованием 7—9 классов (51,4%), чем лиц с этим же образованием среди хулиганов-рецидивистов (39,5%). В группе впервые осужденных чаще имело место хулиганство со стороны лиц, имеющих образование среднее и выше (17,6%), чем среди хулиганов-рецидивистов с таким же образованием (13,7%). В целом абсолютное большинство рецидивистов (86,3%) и впервые осужденных хулиганов (82,4%) не имели среднего образования. Все сказанное подтверждает утверждение о том, что значительная роль в искоренении хулиганства принадлежит «завершению культурной революции в нашей стране»[1].

Таблица 36

Образование осужденных	Процент рецидивистов	Процент впервые осужденных	Процент к общему числу осужденных
1—3 класса	11,7	3,8	7,0
4—6 классов	35,1	27,2	30,3
7—9 классов	39,5	51,4	46,7
10 классов	8,3	12,5	10,8
Среднее техническое	4,4	4,2	4,2
Незаконченное высшее	0,5	0,6	0,6
Высшее	0,5	0,3	0,4
Итого	100	100	100

Как уже отмечалось, к моменту совершения хулиганства работало 64,9% к общему числу осужденных. Поэтому выяснено, как долго осужденные этой группы работали на одном и том же предприятии или в учреж-

[1] См. Криминология. М., 1968, стр. 446—447.

дении, имеют ли в какой-нибудь степени сдерживающее влияние длительные связи гражданина с определенным трудовым коллективом? Обнаружилось, что 59,5% к общему числу работавших осужденных на одном и том же предприятии или в учреждении трудились не более двух лет, рецидивисты в этой группе составили 28%. Свыше двух лет, но не более трех лет работало 22%, в том числе 6,3% рецидивистов. 8,9% осужденных, в том числе 2,1% рецидивистов, работали свыше трех лет, но не более пяти лет; 3,6% работавших хулиганов, в том числе 1,8% рецидивистов, на одном месте трудились более пяти лет, но не свыше десяти лет; а 6%, в том числе 1,4% рецидивистов, на одном месте работали свыше десяти лет.

Таким образом, абсолютное большинство работавших хулиганов (81,5%), в том числе 34,3% рецидивистов, находились под влиянием одного и того же коллектива не более трех лет. Осужденных, проработавших на одном месте свыше пяти лет, всего 9,6%. Следовательно, длительные связи лица с одним и тем же трудовым коллективом имеют определенное сдерживающее значение. А это свидетельствует о том, что проблема текучести кадров имеет не только экономическое, но и определенное криминологическое значение.

Личность хулиганов была изучена и в плане участия их в общественной жизни коллектива, в котором они работали либо учились до осуждения (см. таблицу 37).

Приведенные данные показывают, что абсолютное большинство осужденных за хулиганство не принимало участия в общественной жизни своего коллектива. Причем, в группе впервые осужденных за хулиганство показатели участия в общественной жизни коллектива выше, чем в группе рецидивистов. На основе рассмотренных данных можно сделать вывод, что в широком вовлечении трудящихся в общественную жизнь своих коллективов заложены большие профилактические возможности. Как известно, активное участие в общественной жизни коллектива воспитывает у гражданина правильное понимание общественных интересов и своего места в жизни, прививает привычку сознательного отношения к общественной дисциплине.

В программу изучения входило также выяснить, как осужденные проводили свое свободное время, имели ли

Таблица 37

Характер общественной работы осужденного	Процент рецидивистов к общему числу осужд. рецидив.	Процент впервые осужд. к общему числу впервые осужд.	Процент к общему числу осужден.
Принимал участие в работе комсомола	0,5	3,2	2,1
Принимал участие в работе профсоюзной организации	1	3,8	2,7
Принимал участие в работе ДНД и БКД	—	1	0,6
Участвовал в художественной самодеятельности	0,5	0,7	0,6
Участвовал в работе других общественных организаций	—	0,6	0,4
В общественной работе участия не принимал	98	90,7	93,6
Итого . . .	100	100	100

они какие-либо увлечения и интересы, которым посвящали свое свободное время. Установлено, что только 10,8% осужденных хулиганов в свободное время читали газеты, журналы, художественную, научную и научно-популярную литературу, 18% — в свободное время посещали кинотеатры, 0,2% — театры, 4,1% — увлекались спортом (в том числе рыболовством), 0,4% осужденных были фотолюбителями. Таким образом, только 33,5% хулиганов имели увлечения или занятие, которому посвящали свое свободное время.

Характеристика личности хулиганов-рецидивистов была бы неполной без показа их семейного положения. Поэтому было выяснено, в какой степени брачные отношения являются сдерживающим фактором по отношению к хулиганским проявлениям. Для более полной характеристики семейного положения хулиганов-рецидивистов данные вычислены отдельно по отношению к общему числу осужденных, к общему числу рецидивистов и к числу впервые осужденных. Результаты исследования характеризуются следующими показателями (см. табл. 38.)

Таблица 38

Семейное положение осужденного	К общему числу осужденных (в %)	К общему числу рецидивистов (в %)	К общему числу впервые осужд. (в %)
Женат, замужем	47,4	53,2	44,4
Состоит в незарегистрированном браке	2,9	6,3	2,2
Холост, не замужем . . .	38,8	31,2	43,8
Разведен (а)	9,3	9,8	8,9
Вдовец(ва)	0,6	0,5	0,7
Итого . .	100	100	100

Итак, среди осужденных хулиганов состоящих в браке оказалось 50,3%, холостых и незамужних — 38,8%, разведенных и вдовцов — 9,9%. Эти данные свидетельствуют о том, что брачные отношения не являются сколько-нибудь серьезным сдерживающим фактором. Сопоставление полученных показателей говорит о том, что интенсивность проявления хулиганских действий в группе впервые осужденных примерно одинакова как со стороны семейных, так и несемейных. Однако в группе хулиганов-рецидивистов более часто хулиганство имеет место со стороны семейных (59,5%), чем со стороны холостых и незамужних (31,2%). Это объясняется тем, что рецидивисты в большинстве случаев являлись людьми зрелого возраста и находились в браке. В группе рецидивистов также выше показатели случаев хулиганства, имевшего место со стороны разведенных и состоящих в незарегистрированном браке, чем в группе впервые осужденных.

В процессе исследования было обращено внимание на выяснение вопроса о том, были ли у осужденных за хулиганство иждивенцы и оказывало ли это какое-то влияние на поведение рецидивистов и впервые осужденных? Представление по этому вопросу дают данные таблицы 39.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что половина осужденных имели иждивенцев. Показатели наличия иждивенцев у рецидивистов и впервые осужденных почти одинаковы. Таким образом, бремя содержания иж-

Таблица 39

Осужденные имели иждивенцев	Процент рецидивистов к общему числу рецидивистов	Процент впервые осужденных к общему числу впервые осужденных	Процент осужд. к общему числу осужденных
Одного	23,9	23.9	23,9
Двух	19,5	20,1	19,9
Трех	6,3	3.5	4,6
Четырех	—	1,3	0,8
Пятерых и более	—	0,3	0,2
Итого . .	49,7	49,1	49,4

дивенцев никак не влияет на поведение рецидивистов и впервые осужденных.

В связи с исследованием семейного положения осужденных также изучался вопрос, не имелось ли у хулиганов судимых родственников, которые могли оказать отрицательное влияние на их поведение. Оказалось, что только 1,7% к общему числу осужденных имели судимых родственников. Большинство осужденных, у которых были судимые родственники, оказались рецидивистами (1,3% из 1,7%). В числе судимых оказалось родственников: у 0,6% — мать, братья — у 0,4%, мужья — 0,2%, несколько родственников — 0,1%.

При изучении жилищных условий хулиганов-рецидивистов установлено, что только 8,7% к общему числу рецидивистов не имели жилья. Другие рецидивисты имели надлежащие жилищные условия. Так, 4,9% рецидивистов проживали в общежитии, 22,4% — в общей комнате квартиры, 41% — в отдельной комнате, 4,4% — в собственном доме, в отношении 19,5% осужденных из материалов дела сведений о жилищных условиях получить не удалось. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что большинство осужденных рецидивистов проживало в жилище коммунального типа (68,3%).

В литературе уже неоднократно отмечалось, что хулиганство, как правило, совершается в нетрезвом состоя-

Е-27.—11

нии[1]. Это обстоятельство дало повод считать, что пьянство является главной (непосредственной) причиной хулиганства[2]. Хотя хулиганство в большинстве случаев действительно связано с пьянством, однако пьянство не может быть признано главной и единственной его причиной.

Как справедливо указывает Н. Ф. Кузнецова, причины хулиганства коренятся в таких антиобщественных взглядах и привычках, как грубость, цинизм, неуважительное отношение к обществу и его членам, неэтичность в отношении к женщине, невыдержанность, злоупотребление спиртными напитками, отсутствие культуры[3]. Пьянство само имеет социальные причины и основная из них — бескультурье. Поэтому в борьбе с хулиганством решающая роль принадлежит не искоренению пьянства (хотя недооценивать борьбу с пьянством тоже нельзя), а целому комплексу мер, направленных на рост материальной обеспеченности и культурного уровня советских людей, повышение их коммунистической сознательности.

По материалам нашего исследования, 96,3% осужденных за хулиганство совершили преступление в нетрезвом виде. Показатель совершения хулиганства в пьяном виде со стороны рецидивистов несколько выше (97,1%). Хулиганы-рецидивисты и впервые осужденные за хулиганство были изучены с целью выяснить, как часто они употребляли спиртные напитки. Результаты изучения характеризуются следующими показателями (см. таблицу 40).

Как видно из приведенной таблицы, среди осужденных рецидивистов больше лиц, являющихся алкоголиками и систематически употребляющих спиртные напитки (79,5%), чем среди осужденных впервые (46%). Любо-

---

[1] По данным криминологического исследования В. Т. Калмыкова, около 96% осужденных совершили хулиганство в нетрезвом состоянии. См. В. Т. Калмыков. Ответственность за хулиганство по советскому законодательству. Минск, 1970, стр. 98. По материалам исследования, проведенного в 1964—1966 гг. в г. Ленинграде, 84,9%—92,3% осужденных учинили хулиганство в пьяном виде. См. Курс советского уголовного права. Часть общая, т. 2. Изд-во Ленинградского ун-та, 1970, стр. 67.

[2] См. Мы все в ответе за порядок. — «Правда», № 12, 1971, 12 января; В. Т. Калмыков. Указ. соч., стр. 98.

[3] См. Криминология. М., 1968, стр. 442—443.

Таблица 40

Как часто употребляли спиртные напитки	К числу рецидивистов (в %)	К числу впервые осужденных (в %)
Являлся хроническим алкоголиком	16,6	6,1
Употреблял спиртные напитки систематически	62,9	39,9
Употреблял спиртные напитки редко .	18	48,2
Спиртные напитки вообще не употреблял	—	—
Сведений установить не удалось . .	2,5	5,8
Итого	100	100

пытно отметить, что среди осужденных за хулиганство не оказалось лиц, которые вообще не употребляли спиртные напитки.

Исследование показало, что 22% осужденных доставлялись в медвытрезвитель, причем почти половина их в медвытрезвитель доставлялась неоднократно. Рецидивисты в медицинский вытрезвитель доставлялись чаще (26,8% к числу всех рецидивистов), чем впервые осужденные за хулиганство (18,8% к числу впервые осужденных). Это говорит о том, что среди рецидивистов наиболее распространено злоупотребление спиртными напитками. Следует констатировать, что с увеличением числа судимостей рецидивистов повышается показатель частоты их доставления в медвытрезвитель. Так, в группе впервые осужденных в медвытрезвитель доставлялось 18,8%, в группе рецидивистов, судимых два раза — 23,4%, судимых три раза — 23,4%, судимых четыре раза—36%, судимых пять раз и более — 38,9%.

Так как абсолютное большинство хулиганов в момент совершения преступления были в нетрезвом состоянии, то была сделана попытка установить поводы употребления и вид спиртных напитков. Среди поводов к употреблению спиртных напитков перед совершением хулиганства оказались: получение зарплаты — 12,2%, день рождения и семейные торжества — 2,7%, встреча со знакомыми и друзьями — 15,5%, встреча либо проводы род-

ственников — 3,9%, другие поводы — желание выпить, случайный заработок и т. п. — 65,6%.

Большинство осужденных (71,6%) пили водку, вино. Кроме того 3,3% осужденных пили самогон, 2,5% — брагу, 3,5% — одеколон, 7,3% — политуру, 11,8% разные спиртные напитки.

Полученные данные свидетельствуют о том, что основным условием, способствующим пьянству, является законный способ распространения и сбыта спиртных напитков. Это таит в себе большие возможности для вмешательства со стороны государства в масштабы производства и торговли спиртными напитками, а следовательно, и влияния на размеры потребления алкоголя. В то же время нельзя преувеличивать значение регулирующей деятельности государственных органов в предупреждении пьянства. Главное в борьбе с пьянством принадлежит воспитательной работе. Усиление противоалкогольной пропаганды, яркий показ его вредных последствий, создание атмосферы нетерпимости и осуждения вокруг лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, может дать положительные результаты в борьбе с пьянством.

Исследование показало, что 56,2% осужденных за хулиганство привлекались к административной ответственности за мелкое хулиганство [1]. Половина из них оказалась рецидивистами (49,8%).

Как часто имели место случаи проявления мелкого хулиганства до осуждения со стороны рецидивистов и впервые осужденных за хулиганство, видно из таблицы 41.

Таким образом, наиболее часто привлекались к административной ответственности за мелкое хулиганство рецидивисты.

Если рассматривать эту категорию преступников по половому признаку, то среди хулиганов, привлекавшихся к административной ответственности за мелкое хулиганство, мужчины составили 54,6% к общему числу осужденных мужчин и женщины — 85,2% к обще-

[1] По данным В. Д. Филимонова, 27% осужденных за хулиганство ранее также подвергались административной ответственности за мелкое хулиганство. См. В. Д. Филимонов. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970, стр. 26.

Таблица 41

Количество привлечений к администр. ответственности за хулиганство	Процент рецидивистов к общему числу рецидивистов	Процент впервые осужденных к общему числу впервые осужденных	В % к общему числу осужденных
Один раз	62,4	43,5	51,0
Два раза	6,3	1,4	3,8
Три раза и более	2	1	1,4
Итого . .	70,7	45,9	56,2

му числу осужденных женщин. Таким образом, более чем каждый второй осужденный мужского пола до совершения хулиганства привлекался к административной ответственности за мелкое хулиганство, а что касается осужденных женщин, то лишь 14,8% их не привлекались к административной ответственности за мелкое хулиганство. Это свидетельствует о том, что предупредительное значение применения административного воздействия за мелкое хулиганство все еще недостаточно эффективно. Проблема повышения эффективности применения мер административного воздействия за мелкое хулиганство требует дальнейшего изучения и разрешения.

В ходе изучения личности хулиганов было обращено внимание на выяснение вопроса о том, не подвергались ли они до совершения преступления мерам воздействия по месту работы или учебы. Причем, в целях более полной характеристики личности хулиганов-рецидивистов показатели были вычислены отдельно к общему числу работающих рецидивистов, к общему числу работающих и учащихся впервые осужденных, к общему числу работающих и учащихся хулиганов. Данные по этому вопросу приведены в таблице 42.

Как видно, каждый пятый хулиган подвергался мерам дисциплинарного воздействия по месту работы или учебы, каждый третий хулиган подвергался иным мерам общественного воздействия. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что 64,7% рецидивистов от об-

Таблица 42

Меры воздействия до совершения преступления	К числу работающих рецидивистов (в %)	К числу впервые осужденных ра отающих и учащихся (в %)	К общему числу раб. и учащихся хулиганов (в %)
Подвергался мерам дисциплинарного воздействия .	20,6	20,5	20,5
Осуждался товарищеским судом	7,3	6,6	6,8
Подвергался иным мерам общественного воздействия	36,8	31,9	33,7
Итого. .	64,7	59	61

щего числа работавших рецидивистов до осуждения за хулиганство уже подвергались тем или иным мерам воздействия по месту работы или учебы. Процент подвергавшихся мерам воздействия по месту работы или учебы в группе вперые осужденных за хулиганство несколько ниже (59%), чем у рецидивистов.

Исследование показало, что многие из привлеченных к уголовной ответственности за хулиганство являются злостными нарушителями трудовой дисциплины. Характер нарушений трудовой дисциплины и интенсивность проявления отдельных видов нарушения со стороны рецидивистов и впервые осужденных за хулиганство раскрывает таблица 43.

Таблица 43

Характер нарушения трудовой дисциплины со стороны осужден.	К числу работающих рецидивистов (в %)	К числу работающих впервые осужденных (в %)
Прогулы	51,5	38,5
Опоздания на работу	30,9	26,2
Выход на работу в нетрезвом виде	52,9	30,3
Неподчинение распоряжениям администрации и другие . .	15,4	15,6

Как видно из таблицы, наиболее часто случались такие нарушения трудовой дисциплины, как прогулы, выход на работу в нетрезвом виде, опоздания на работу. Причем, нарушения трудовой дисциплины были чаще со стороны рецидивистов. Каждый второй из работавших рецидивистов-хулиганов выходил на работу в нетрезвом состоянии либо допускал прогулы. Прогулы, как показывает практика, обычно связаны с пьянкой. Приведенные данные свидетельствуют о том, что одним из путей ранней профилактики хулиганства должно быть усиление борьбы со стороны администрации и коллективов предприятий и учреждений с лицами, обнаружившими отклонения в поведении от общепринятых норм и правил, воспитание сознательного отношения к дисциплине труда, повышение действенности дисциплинарного и общественного воздействия на нарушителей трудовой дисциплины [1].

В теории советского уголовного права хулиганство рассматривается как преступление, посягающее на общественный порядок [2]. Вместе с тем авторы указывают, что хулиганство одновременно может посягать на общественную безопасность, неприкосновенность личности, имущество и т. д. Социологическое исследование по делам о хулиганстве показывает, что при хулиганстве ущерб общественному порядку причиняется, как правило, в связи с посягательством на личность. Так, по изученным уголовным делам на каждого осужденного хулигана в среднем приходится по 1,4 потерпевших граждан. Следовательно, в большинстве случаев хулигански-ми действиями причинялся вред не одному, а нескольким потерпевшим. Среди потерпевших по изученным делам оказалось 44,7% мужчин и 55,3% женщин. Как видно, более часто хулиганы избирали в качестве своей жертвы женщин. В числе потерпевших 39,7% не были

---

[1] По сообщению С. Гусева, изучение трудовой дисциплины на предприятиях Московской области показало, что увеличение числа хулиганских проявлений находится в прямой зависимости от низкой дисциплины. См. С. Гусев. Организация борьбы с хулиганством.— «Социалистическая законность», 1971, № 1, стр. 60.

[2] См. Советское уголовное право, Часть особенная. Изд-во МГУ, 1964, стр. 351; Советское уголовное право, Часть особенная. Киев, 1968, стр. 529; Уголовное право, Часть особенная. М., 1968; стр. 468.

знакомы с хулиганом, 28,3% — являлись знакомыми осужденному по работе, учебе либо по месту жительства, 32% — были близкими и иными родственниками виновного (жена, мать, отец, братья, сестры и т. п.)[1].

От хулиганских действий рецидивистов пострадало 38,3% потерпевших, а от действий впервые осужденных хулиганов — 61,7%. Такое соотношение потерпевших от хулиганских действий рецидивистов и впервые осужденных соответствует числу осужденных рецидивистов (39,6%) и впервые осужденных (60,4%).

Определенный интерес вызывает то обстоятельство, что в большинстве случаев (60,3%) хулиганство было сопряжено с посягательством на знакомых, а также близких и иных родственников.

Тот факт, что хулиганство, как правило, сопряжено с посягательством на конкретную личность, обусловливает сложность вопроса об отграничении его от преступлений против личности. В последние годы в печати не раз поднимался вопрос о том, не слишком ли широко в судебной практике понимается состав хулиганства, особенно если действия хулигана сопряжены с посягательством на конкретную личность.

Данные нашего социологического исследования показывают, что хулиганство имеет, как правило, сложный, двойной объект посягательства. Это обусловливается тем, что при хулиганстве посягательство на общественный порядок происходит, как правило, не непосредственно, а через посягательство на другие охраняемые уголовным законом объекты: честь и достоинство личности, здоровье и телесную неприкосновенность граждан, общественную безопасность, государственное, общественное и личное имущество и т. д. Причем, при хулиганстве общественный порядок выступает в качестве постоянного объекта посягательства, а честь и достоинство личности, телесная неприкосновенность и

[1] По данным социологического изучения состава злостного хулиганства, проведенного Всесоюзным институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности по делам, рассмотренным Московскими судами за второе полугодие 1966 г., 34% потерпевших не были знакомы с осужденным, 31% являлись супругами, 12% — известными хулигану должностными лицами. См. А. А. Герцензон. Уголовное право и социология. М., 1970, стр. 92—93.

здоровье граждан, государственное, общественное и личное имущество граждан, общественная безопасность, безопасная работа автомототранспорта и т. д. — в качестве переменного объекта. Решающее значение при оценке совершенных действий как хулиганских принадлежит, несомненно, постоянному объекту.

Подобная трактовка объекта хулиганства с учетом других признаков, в частности тяжести последствий, дает возможность без особых трудностей решать вопросы отграничения его от смежных составов преступлений, в частности, от преступлений против личности, от преступлений против социалистического имущества и личного имущества граждан и т. п. Например, когда посягательство на личность (независимо от мотивов) сопряжено одновременно с грубым нарушением общественного порядка и выражает явное неуважение к обществу, сложившимся правилам социалистического общежития, имеет место не преступление против личности, а хулиганство. Подобная точка зрения была неоднократно высказана в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР. Так, по делу Мамедова Э. В. и Мамедова Т. В. в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 апреля 1969 года указывается, что действия, хотя и совершенные по мотивам личного характера, но сопряженные с грубым нарушением общественного порядка и выражающие явное неуважение к обществу, следует квалифицировать как хулиганство [1]. Наоборот, если посягательство на личность не сопряжено с грубым нарушением общественного порядка, т. е. не причиняет ущерба общественному порядку, имеет место преступление против личности.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 декабря 1967 года по делу Шора и Ольховикова подчеркивается, что действия осужденных не могут рассматриваться как злостное хулиганство, т. к. взаимоотношения между осужденными и потерпевшими имели личную направленность и не носили характера нарушения общественного порядка, что является обязательным элементом состава хулиганства [2].

---

[1] См. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1970, № 1, стр. 29—31.

[2] См. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1968, № 3, стр. 25—26.

Результаты исследования показывают, что абсолютное большинство хулиганских действий против потерпевших (независимо от мотивов) были совершены при наличии признака публичности, т. е. в присутствии посторонних, не имеющих к происшествию отношения граждан. А это как раз и свидетельствует о грубом нарушении общественного порядка и явном неуважении хулигана к обществу. Так, в 98,3% случаев хулиганство было совершено публично. Показатель признака публичности хулиганства, совершенного рецидивистами и впервые осужденными, почти одинаков (соответственно — 98,5% и 98,1%).

Изучался и характер вреда, причиненного потерпевшим. Оказалось, что в 39,5% случаев хулиганы причинили потерпевшим вред моральный (сквернословие, нанесение оскорблений), в 46,6% случаев нанесен вред физический (побои и телесные повреждения), в 13,9% случаев — имущественный ущерб. Эти данные еще раз подтверждают сложный, двойной характер объекта хулиганства.

В ходе изучения уголовных дел выяснялся также вопрос о том, какой вид вреда наиболее часто причинялся хулиганскими действиями рецидивистов и впервые осужденных. Данные по этому вопросу характеризуются показателями таблиц 44.

Таблица 44

Вид вреда	Причинен впервые осужденными (в %)	Причинен рецидивистами (в %)
Моральный	35,2	46,5
Физический	52	37,7
Имущественный	12,8	15,8
Итого	100	100

Приведенные данные свидетельствуют о том, что со стороны впервые осужденных хулиганов наиболее часто причинялся физический вред. Наоборот, хулиганы-рецидивисты чаще причиняли вред моральный и имущественный. То обстоятельство, что со стороны рецидивистов

меньше причинялся вред физический, видимо, объясняется сдерживающим влиянием понесенного наказания, в процессе исполнения которого в отношении их проводилась воспитательная работа, направленная на разъяснение недопустимости посягательств на телесную неприкосновенность личности.

Выяснялось соотношение мотивов хулиганства рецидивистов и впервые осужденных. Результаты изучения соотношения мотивов характеризуются данными таблицы 45.

Таблица 45

Мотивы хулиганства	Совершенного рецидивистами (в %)	Совершенного впервые осужденными (в %)
Озорство	58	47,6
Желание показать себя, свое физическое превосходство, удаль .	2,4	15,3
Желание поиздеваться над потерпевшим	3,4	1,9
Злоба и месть	13,7	11,5
Прочие мотивы	22,5	23,7
Итого . . .	100	100

Приведенные данные свидетельствуют о том, что наиболее часто по мотиву озорства хулиганство совершалось рецидивистами. Мотив желания показать себя, свое физическое превосходство, удаль характерен для молодых людей, и поэтому чаще всего он встречается в группе впервые осужденных.

Были изучены также мотивы, по которым осужденные учинили хулиганские действия в отношении потерпевших из числа незнакомых, знакомых, близких и иных родственников. Данные по этому вопросу приведены в таблице 46.

Таким образом, наиболее часто по мотиву озорства хулиганы действовали в отношении незнакомых и родственников, по мотиву желания показать себя, свое физическое превосходство, удаль — в отношении незнакомых, по мотиву желания поиздеваться — в отношении

Таблица 46

Мотивы хулиганства	В отношении незнакомых (в %)	В отношении знакомых (в %)	В отношении родственников (в %)	Итого (в %)
Озорство	18,4	14,6	18,8	51,8
Желание показать себя, свое физическое превосходство, удаль	7,8	2,4	—	10,2
Желание поиздеваться над потерпевшим	0,3	0,7	1,5	2,5
Злоба и месть	1,4	4,5	6,4	12,3
Прочие мотивы	11,8	6,1	5,3	23,2
Итого	39,7	28,3	32	100

родственников и знакомых, по прочим мотивам — в отношении незнакомых.

Наряду с мотивами были изучены непосредственные поводы совершения хулиганства. Оказалось, что в 43,5% случаев непосредственным поводом хулиганских действий осужденного явилось замечание, предупреждение либо другие правомерные действия со стороны потерпевшего. Только в 1,1% случаев поводом к совершению хулиганских действий явился отказ потерпевшего выполнить правомерное требование осужденного. В 29,9% случаев хулиганство было совершено по иным поводам, а в 25,5% случаев оно совершено при отсутствии сколько-нибудь существенного, видимого повода. Следовательно, только в 31% случаев хулиганство было совершено при наличии определенного повода. В то же время данные исследования говорят о том, что каждое четвертое хулиганство было совершено при отсутствии сколько-нибудь существенного, видимого повода, и почти каждое второе — по незначительному поводу.

Вызывает озабоченность то обстоятельство, что в большинстве своем (43,5%) хулиганство явилось «своеобразной реакцией» на замечание, предупреждение либо другие правомерные действия потерпевшего. Видимо, значительная распространенность случаев хулиганских

посягательств на советских граждан в ответ на их замечания, предупреждения, либо другие правомерные действия объясняется нежеланием многих очевидцев нарушений общественного порядка и правил социалистического общежития вмешиваться в их пресечение. Представляется, что повышение активности советских людей в борьбе с преступностью и нарушениями общественного порядка не может быть достигнуто только путем воспитательных мер пропагандистского характера. Большое значение мог бы сыграть, наряду с имеющимися, закон, устанавливающий положение, согласно которому совершение хулиганских действий в ответ на правомерное замечание, предложение либо требование о прекращении нарушения общественного порядка признается обстоятельством, отягчающим ответственность при назначении наказания. С учетом сказанного ст. 39 УК РСФСР желательно было бы дополнить соответствующим пунктом.

Изучение психического состояния осужденных за хулиганство показало, что абсолютное большинство их не страдало каким-либо психическим заболеванием (90%). Психическое состояние хулиганов-рецидивистов и впервые осужденных характеризуется данными табл. 47.

Таблица 47

Психическое состояние к моменту совершения хулиганства	Процент рецидивистов к общему числу рецидивистов	Процент впервые осужденных к числу впервые осужденных	В % к общему числу осужденных
Состояли на учете в районном нервопсихдиспансере	1	1,3	1,1
Находились ранее на излечении в психбольнице	6,3	4,1	5
Страдали психопатией	0,5	—	0,2
Страдали эпилепсией	0,5	0,3	0,4
Страдали слабоумием	—	0,6	0,4
Страдали другими нервнопсихическими заболеваниями .	3,4	2,6	2,9
Итого . . .	11,7	8,9	10

Из приведенной таблицы видно, что психические отклонения чаще встречались у рецидивистов, чем у впервые осужденных за хулиганство. Как справедливо подчеркивает И. И. Карпец, «многие преступники, особенно рецидивисты, стали психопатами после вступления на преступный путь, как результат того, что они попадали в специфическую среду и условия жизни, способствующие быстрому разрушению человеческого организма и расстройству его нервной системы»[1]. Это замечание полностью относится к преступникам-хулиганам, которые в большинстве случаев в связи с систематическим пьянством приобрели те или иные психические расстройства.

В ходе изучения личности хулиганов большое внимание было уделено исследованию практики органов дознания, предварительного следствия и судов по квалификации совершенного хулиганства, а также практики назначения наказания с учетом личности осужденного.

Результаты исследования показывают, что со стороны органов дознания, предварительного следствия, с одной стороны, и судов — с другой, нередко имеется различный подход к оценке совершенных хулиганских действий. Это находит свое выражение в различной квалификации преступления. Наблюдается тенденция органов дознания и следствия квалифицировать содеянное по части статьи, предусматривающей более строгое наказание. Представление об этом дают данные (в процентах) таблицы 48.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что наибольшие изменения в оценке совершенных хулиганских действий судом произведены в отношении особо злостного хулиганства и простого хулиганства.

Каким образом были квалифицированы органами дознания и предварительного следствия, а также судом хулиганские действия рецидивистов видно из таблицы 49 (данные в процентах).

Приведенные данные показательны не только в той части, как следственные органы и суд подошли к квалификации хулиганских действий рецидивистов, но и тем, что они показывают удельный вес соответствующего вида хулиганства, совершенного рецидивистами. Так,

---

[1] И. И. Карпец. Проблема преступности. М., 1969, стр. 82.

Таблица 48

Квалификация преступления	Органами дознания и предварительного следствия (в %)	Судом (в %)
По ч. 1 ст. 206 УК РСФСР	45,4	52
в том числе:		
а) простое хулиганство	7,9	14,5
б) повторное мелкое хулиганство	37,5	37,5[1]
По ч. 2 ст. 206 УК	43,4	43
По ч. 3 ст. 206 УК	11,2	5
Итого	100	100

Таблица 49

Квалификация преступления	Органами дознания и предварительного следствия	Судом
По ч. 1 ст. 206 УК	19,5	22,8
В том числе:		
а) простое хулиганство	2,7	6
б) повторное мелкое хулиганство	16,8	16,8
По ч. 2 ст. 206 УК	14,9	14,1
По ч. 3 ст. 206 УК	5,2	2,7
Итого	39,6	39,6

[1] По данным прокурора Московской области, число привлеченных к уголовной ответственности за повторное мелкое хулиганство в 1968 году составило 57,8%, а в 1969 году — 67% к общему количеству привлеченных за хулиганство. См. С. Гусев. Организация борьбы с хулиганством. — «Социалистическая законность», 1971, № 1, стр. 60.

повторное мелкое хулиганство было совершено рецидивистами в 16,8%, впервые осужденными — в 20,7% случаев. Простое хулиганство на долю рецидивистов приходится в количестве 6%, на долю впервые осужденных — 8,5%. Злостное хулиганство со стороны рецидивистов составило 14,1%, со стороны впервые осужденных — 28,9%. Особо злостное хулиганство со стороны рецидивистов имело место в 2,7% случаев, со стороны впервые осужденных — 2,3% случаев.

В целях более полного показа удельного веса того или иного вида хулиганства, совершаемого рецидивистами и впервые осужденными, соответствующие показатели были вычислены от числа осужденных рецидивистов, а также от общего числа впервые осужденных. Полученные данные характеризуют удельный вес и интенсивность совершения соответствующего вида хулиганства рецидивистами и впервые осужденными (см. таблицу 50).

Таблица 50

Квалификация в суде	Действий рецидивистов (в %)	Действий впервые осужденных (в %)
По ч. 1 ст. 206 УК	57,5	48,3
В том числе:		
а) простое хулиганство . . .	15,1	14,1
б) повторное мелкое хулиганство	42,4	34,2
По ч. 2 ст. 206 УК	35,6	47,9
По ч. 3 ст. 206 УК	6,9	3,8
Итого	100	100

Таким образом, наибольшее число рецидивистов привлечено к уголовной ответственности за повторное мелкое хулиганство (42,4%), затем — злостное хулиганство (35,6%), простое хулиганство (15,1%) и особо злостное хулиганство (6,9%). Впервые осужденные больше всего осуждены за злостное хулиганство (47,9%), затем —

повторное мелкое хулиганство (34,2%), простое хулиганство (14,1%) и особо злостное хулиганство (3,8%). Со стороны рецидивистов чаще имело место повторное мелкое хулиганство и особо злостное хулиганство, чем со стороны впервые осужденных. В то же время со стороны впервые осужденных чаще имело место злостное хулиганство, чем со стороны рецидивистов.

В ходе исследования личности хулиганов была изучена судебная практика по назначению осужденным наказания. Изучение показало, что в отношении 82,1% осужденных суды избрали наказание в виде лишения свободы, в отношении 13,2% — исправительные работы, в отношении 0,6% — штраф, а 4,1% хулиганов были осуждены условно.

Какой подход имел место со стороны судов к назначению наказания за хулиганство рецидивистам и впервые осуждающимся, можно судить по таблице 51.

Таблица 51

Избранный судом вид наказания	Рецидивистам (в %)	Впервые осужденным (в %)
Лишение свободы	89,3	77,3
Исправительные работы	8,3	16,6
Штраф	1	0,3
Условное осуждение	1,4	5,8
Итого	100	100

Приведенные данные говорят о том, что суды при назначении наказания более строго подходят к рецидивистам. К рецидивистам чаще применялось лишение свободы, в два раза меньше применялось наказание в виде исправительных работ и в четыре раза меньше применено условное осуждение. Подобная практика судов представляется бесспорно правильной.

Отмечая широкую практику судов по избранию хулиганам наказания в виде лишения свободы (82,1% к общему числу осужденных), надо иметь в виду то обстоятельство, что многие из них до совершения преступления вели аморальный образ жизни, системати-

чески пьянствовали, доставлялись в медвытрезвитель, подвергались мерам административного воздействия за мелкое хулиганство либо мерам дисциплинарного и общественного воздействия по месту работы, но не сделали для себя из всего этого правильных выводов.

В ч. 1 ст. 206 УК РСФСР за простое хулиганство и повторное мелкое хулиганство предусматривается наказание в виде лишения свободы от шести месяцев до одного года, или исправительных работ на тот же срок, или штрафа от тридцати до пятидесяти рублей. Поэтому было изучено, как на практике хулиганам назначается наказание по ч. 1 ст. 206 УК РСФСР, какие виды наказания и в каких пределах наиболее часто избираются судом. При этом показатели исчислялись не от общего числа осужденных, а от числа осужденных по ч. 1 ст. 206 УК РСФСР. Данные, характеризующие практику судов по избранию меры наказания осужденным в пределах санкции ч. 1 ст. 206 УК РСФСР, видны из таблицы 52.

Таблица 52

Вид наказания, назначенного судом	За простое хулиганство (в %)	За повторное мелкое хулиганство (в %)	Всего по ч. 1 ст. 206 (в %)
Лишение свободы	20,1	56,1	76,2
Исправительные работы	5,9	13,8	19,7
Штраф	0,7	0,4	1,1
Условное осуждение	1,5	1,5	3
Итого	28,2	71,8	100

Приведенные данные показывают, что в большинстве случаев по ч. 1 ст. 206 УК РСФСР суды избирали наказание в виде лишения свободы. В то же время надо отметить более мягкую карательную политику судов в отношении осужденных по ч. 1 ст. 206 УК РСФСР, чем в отношении осужденных за хулиганство в целом. Так, к лишению свободы осуждено 82,1% к общему числу осужденных за хулиганство, тогда как по ч. 1 ст. 206 УК РСФСР к лишению свободы осуждено только 76,2% осужденных. К исправительным работам приговорено

13,2% к общему числу осужденных за хулиганство, тогда как по ч. 1 ст. 206 УК РСФСР к исправительным работам приговорено 19,7%. К штрафу по всем частям ст. 206 УК РСФСР приговорено 0,6% осужденных, тогда как по ч. 1 этой статьи к штрафу приговорено 1,1% осужденных.

Сроки лишения свободы, назначенные по ч. 1 ст. 206 УК РСФСР, в зависимости от вида хулиганства, характеризуются следующими показателями (см. таблицу 53).

Таблица 53

Срок наказания	За простое хулиганство (в %)	За повторное мелкое хулиганство (в %)	Итого (в %)
6 месяцев лишения свободы .	5,5	13,4	18,9
От 6 месяцев до 1-го года лишения свободы . .	14,6	42,7	57,3
Итого . .	20,1	56,1	76,2

Как видно из приведенной таблицы, минимальный срок лишения свободы по ч. 1 ст. 206 УК РСФСР применен в отношении 18,9% осужденных по этой части статьи. Причем, минимальный срок лишения свободы по ч. 1 ст. 206 УК РСФСР суд применил в отношении 13,4% впервые осужденных и 5,5% — рецидивистов. Лишение свободы на срок свыше 6-ти месяцев и до одного года по ч. 1 ст. 206 УК РСФСР назначено в отношении 57,3% осужденных, причем к 26,8% впервые осужденным и 30,5% рецидивистам. Эти показатели также свидетельствуют о более строгом подходе судов к назначению наказания рецидивистам.

В соответствии с ч. 2 ст. 206 УК РСФСР за злостное хулиганство предусмотрено наказание в виде лишения свободы от одного года до пяти лет. Практика судов по избранию вида наказания осужденным по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР была изучена в зависимости от принадлежности осужденного к рецидивистам и впервые осужденным. Какое наказание суды избрали осужденным по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР, видно из таблицы 54.

Таблица 54

Вид наказания	Рецидивистам (в %)	Впервые осужденным (в %)	Итого (в %)
Лишение свободы	32,8	54,7	87,5
Исправительные работы . . .	—	6,7	6,7
Условное осуждение . . .	—	5,8	5,8
Итого . . .	32,8	67,2	100

Приведенные данные свидетельствуют о том, что все рецидивисты судами были приговорены к лишению свободы. В то же время к 6,7% осужденных, относящимся к впервые осужденным, суд нашел возможным избрать наказание ниже низшего предела.

Что касается сроков назначения наказания в виде лишения свободы осужденным по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР, то практика судов характеризуется следующими показателями (см. табл. 55).

Таблица 55

Срок лишения свободы, назначенный судом	Рецидивистам (в %)	Впервые осужденным (в %)	Итого (в %)
Один год	—	1,3	1,3
От 1 года до 2-х лет . . .	14,4	34,1	48,5
От 2-х лет до 5-ти лет . .	15,7	17	32,7
Пять лет	2,7	2,3	5
Итого . . .	32,8	54,7	87,5

Таким образом, наиболее часто по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР суды назначали наказание в виде лишения свободы от 1 года до 2-х лет (48,5%), причем чаще всего этот срок наказания избирался в отношении впервые осужденных хулиганов. Максимум санкции ч. 2 ст. 206 УК РСФСР судом применен только в отношении 5% осужденных по этой статье, среди которых большую

часть составляют рецидивисты. Минимум санкции ч. 2 ст. 206 УК РСФСР суд применил только в отношении 1,3% осужденных по этой статье, причем только в отношении впервые осужденных хулиганов. В целом данные о применении санкции ч. 2 ст. 206 УК РСФСР свидетельствуют о том, что при избрании меры наказания хулиганам суды тяготеют к срокам, находящимся ниже средней величины санкции этой статьи — 2,5 лет.

В соответствии с ч. 3 ст. 206 УК РСФСР особо злостное хулиганство наказывается лишением свободы от трех до семи лет. Фактически суды осужденным по ч. 3 ст. 206 УК РСФСР назначили лишение свободы в отношении 96,2% хулиганов. Остальным осужденным (3,8%) было назначено наказание ниже низшего предела — в виде исправительных работ.

По срокам наказания в виде лишения свободы по ч. 3 ст. 206 УК РСФСР в зависимости от принадлежности виновного к рецидивистам и впервые осужденным мы имеем следующие показатели (см. таблицу 56).

Таблица 56

Срок лишения свободы, назначенного судом	Рецидивистам (в %)	Впервые осужденным (в %)	Итого (в %)
3 года	11,5	23,1	34,6
Свыше 3 лет до 5-ти лет .	26,9	23,1	50
Свыше 5-ти лет и до 7-ми лет	11,6	—	11,6
Итого . . .	50	46,2	96,2

Таким образом, 84,6% осужденным по ч. 3 ст. 206 УК РСФСР назначено наказание в пределах санкции ч. 2 этой статьи. Только в отношении 11,6% осужденных это наказание оказалось больше максимума санкции ч. 2 той же статьи. Причем, наказание свыше пяти лет было применено только в отношении рецидивистов. В отношении всех впервые осужденных наказание по ч. 3 ст. 206 УК РСФСР избрано в пределах санкции части второй этой же статьи.

По смыслу ст. 37 УК РСФСР суд при назначении наказания учитывает не только характер и степень общественной опасности совершенного преступления и личность виновного, но и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность. Поэтому было изучено, как часто суды при назначении наказания за хулиганство учитывают смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства и какие именно. В целях более развернутой характеристики практики судов по рассматриваемому вопросу показатели исчислялись отдельно к общему числу рецидивистов, к общему числу впервые осужденных, к общему числу всех осужденных.

Применение судами смягчающих обстоятельств при назначении наказания за хулиганство характеризуется следующими данными (см. таблицу 57).

Как видно из приведенных данных, при назначении наказания хулиганам суды широко учитывают смягчающие обстоятельства. В среднем к каждому осужденному применено такое обстоятельство (109,5%). Вместе с тем эти данные показывают, что в большинстве случаев при назначении наказания смягчающие обстоятельства учитываются в отношении впервые осужденных хулиганов.

Наиболее часто в качестве смягчающего обстоятельства при назначении наказания за хулиганство суды учитывали совершение преступления впервые, вследствие случайного стечения обстоятельств, если это преступление не представляет большой общественной опасности (34,3% к общему числу осужденных). Как показывает исследование, данное смягчающее обстоятельство учитывается судами при назначении наказания, в основном в отношении впервые осужденных (57,2% к общему числу впервые осужденных). Что касается рецидивистов, то указанное смягчающее обстоятельство в отношении них применено лишь в 1,4% случаев.

Нам представляется, что при назначении наказания за хулиганство суды неосновательно широко учитывают в качестве смягчающего обстоятельства совершение преступления впервые (п. 4 ст. 38 УК РСФСР). Так, если всех впервые осужденных взять за сто, то хулиганские действия 14,1% осужденных были расценены судом как простое хулиганство (ч. 1 ст. 206 УК РСФСР), 34,2% — как повторное мелкое хулиганство (ч. 1 ст. 206 УК РСФСР), 47,9% — как злостное хулиганство (ч. 2 ст. 206

Таблица 57

Смягчающие обстоятельства, принятые во внимание судом при назначении наказания	К общему числу рецидивистов (в %)	К общему числу впервые осужд. (в %)	К общему числу всех осужд. (в %)
Предотвращение виновным вредных последствий совершенного преступления или добровольное возмещение нанесенного ущерба, или устранение причиненного вреда .	0,5	0,3	0,4
Совершение преступления впервые, вследствие случайного стечения обстоятельств, если это преступление не представляет большой общественной опасности . . .	1,4	57,2	34,3
Совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего . . .	1	0,3	0,6
Совершение преступления несовершеннолетним	0,5	8,3	5,2
Чистосердечное раскаяние или явка с повинной, а также активное способствование раскрытию преступления	7,8	30	21,2
Семейное положение . . .	4,4	7	6,8
Положительная характеристика в быту и на производстве . . .	5,8	34,8	23,3
Неправильное поведение потерпевшего	1	1,3	1,1
Участие в Великой Отечественной войне	1	0,6	0,8
Наличие ранений, полученных на фронте	—	0,3	0,2
Прочие смягчающие обстоятельства	9,2	19,8	15,6
Итого	32,6	159,9	109,5[1]

УК РСФСР), а 3,8% — как особо злостное хулиганство. Таким образом, в отношении 51,7% осужденных за особо злостное и злостное хулиганство в связи с большой

[1] Следует иметь в виду, что в отношении одного и того же осужденного в ряде случаев учтено несколько смягчающих обстоятельств.

общественной опасностью совершенного преступления судам нельзя было ссылаться на п. 4 ст. 38 УК РСФСР, т. к. совершение преступления впервые в соответствии с законом может учитываться в качестве смягчающего обстоятельства при условии, если совершенное преступление не представляет большой общественной опасности. В отношении 34,2% осужденных за повторное мелкое хулиганство тоже вряд ли целесообразно было учитывать в качестве смягчающего обстоятельства «совершение преступления впервые» (хотя и совершенное ими преступление не относится к тяжким), т. к. эти осужденные на самом деле мелкое хулиганство совершают не впервые, а повторно в течение года после применения меры административного воздействия за мелкое хулиганство, которая оказалась безуспешной. К тому же повторное мелкое хулиганство, как правило, не может быть отнесено к преступлениям, совершаемым в силу случайного стечения обстоятельств. Оно является чаще всего проявлением злостности виновного, не желающего встать на путь исправления, несмотря на применение меры административного воздействия за ранее совершенное мелкое хулиганство. Следовательно, только в отношении 14,1% осужденных впервые (вместо 57,2%) у суда были основания принять во внимание при назначении наказания в качестве смягчающего обстоятельства совершение преступления впервые.

Применение судами отягчающих обстоятельств при назначении наказания за хулиганство характеризуется следующими данными (см. таблицу 58).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что наиболее часто при назначении наказания хулиганам суды в качестве отягчающих обстоятельств учитывают совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление (20,3% к общему числу осужденных), и совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения (55,3% к числу лиц, совершивших хулиганство в нетрезвом состоянии). Пункт 1 ст. 39 УК РСФСР в большинстве своем применяется в отношении рецидивистов (50,7% к общему числу осужденных рецидивистов).

Вызывает интерес то обстоятельство, что при назначении наказания за хулиганство суды в качестве отягчающих часто учитывают не предусмотренные в

Таблица 58

Отягчающие обстоятельства, принятые во внимание судом при назначении наказания	К общему числу рецидивистов (в %)	К общему числу впервые осужд. (в %)	К общему числу всех осужд. (в %)
Совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление	50,7	0,3	20,3
Совершение преступления организованной группой	0,5	0,6	0,6
Причинение преступлением тяжких последствий	1,9	1,9	2,0
Совершение преступления в отношении малолетнего, престарелого или лица, находящегося в беспомощном состоянии, а также в отношении лица, находящегося в материальной, служебной или иной зависимости от виновного	2,9	1,3	1,9
Подстрекательство несовершеннолетних к совершению преступления или привлечение несовершеннолетних к участию в преступлении	—	—	—
Совершение преступления с особой жестокостью или издевательством над потерпевшим	0,5	1,3	1
Совершение нового преступления лицом, которое было взято на поруки, в течение срока поручительства или в течение одного года после окончания этого срока	—	1	0,6
Особо низменный характер хулиганских побуждений	0,5	2,2	1,5
Совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения	54,1	52,7	55,3[1]
Не указанные в законе отягчающие обстоятельства, принятые во внимание судом при назначении наказания			
Отрицательная характеристика осужденного по месту работы и в быту	29,7	28,7	29,1
Прочие обстоятельства, не указанные в уголовном законе	31,2	24,9	27,4

[1] Показатель вычислен от общего числа осужденных, совершивших хулиганство в состоянии опьянения.

уголовном законе обстоятельства[1]. Так, по исследованным уголовным делам не предусмотренные в законе отягчающие обстоятельства учитывались судами в 56,5% случаев. Это свидетельствует о том, что строго ограниченный уголовным законом перечень отягчающих обстоятельств не удовлетворяет судебную практику, не дает суду возможности в полной мере индивидуализировать наказание. В связи с этим мы высказываемся в поддержку мнения проф. Б. А. Куринова, который считает нецелесообразным давать в законе исчерпывающий перечень обстоятельств, отягчающих ответственность, т. к. это неосновательно и неоправданно ограничивает деятельность суда по индивидуализации наказания[2].

Следует также подчеркнуть, что отягчающие ответственность обстоятельства при назначении наказания в два раза чаще учитывались судами в отношении рецидивистов, чем в отношении впервые осужденных. Так, если предусмотренные в ст. 39 УК РСФСР отягчающие обстоятельства в отношении впервые осужденных были учтены в 61,3% случаев, а не указанные в законе — в 53,6% случаев, то в отношении рецидивистов они были учтены соответственно в 111,1% и 60,9% случаев[3].

Следует также обратить внимание на то, что суды при назначении наказания хулиганам еще не в полной мере ссылаются как на отягчающее обстоятельство на совершение его в состоянии опьянения (всего в 55,3% случаев к числу совершивших хулиганство в состоянии опьянения). Хулиганство относится к преступлениям, характерной чертой которого является совершение его в нетрезвом состоянии (96,3% к общему числу осужденных). Коль скоро состояние опьянения является типичным при совершении хулиганства, то это должно служить основанием для более широкого его учета судом при назначении наказания в качестве отягчающего обстоятельства.

---

[1] Это обстоятельство подчеркивают также и другие авторы. См. В. Н. Иванов, А. Т. Иванова. Учет отягчающих ответственность обстоятельств при назначении наказания. — Сб. «Научный комментарий судебной практики за 1969 год». М., 1970, стр. 153.

[2] См. Б. А. Куринов. Автотранспортные преступления. М., 1970, стр. 221.

[3] Следует иметь в виду, что в отношении одного и того же осужденного иногда судом учтено несколько отягчающих обстоятельств.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Глава I. Личность преступника как предмет уголовноправового и криминологического исследования . . 7
Глава II. Психологическая характеристика личности преступника 29
Глава III. Личность убийц 48
Глава IV. Личность преступника, совершающего должностное преступление 80
Глава V. Личность лжесвидетеля и лжедоносчика . . 116
Глава VI. Личность рецидивистов, осужденных за хулиганство 143

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА

(уголовноправовое и криминологическое исследование)

Редактор Ф. М. Абубакирова.

Техн. редактор Н. А. Лебеденко.

Обложка художника Б. А. Чукомина.

Корректоры В. А. Мулюкова и Л. С. Губанова

Сдано в набор 18/I-72 г.
Подписано к печати 7/VI-72 г.
ПФ 04068.
Формат бумаги 84×108 1/32
Печ. л. 5,875 (9,87).
Уч.-изд. л. 10,6.
Заказ Е-27.
Тираж 6100 экз.
Цена 92 коп.

Издательство
Казанского университета
Казань, ул. Ленина, д. 4/5.

Типография «Татполиграф»
Управления по печати при Совете
Министров ТАССР
Казань, ул. Миславского, д. 9.

2

92 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАЗАНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Дополнение.

PIC•COLLAGE

zen.yandex.ru Что стало с детьми Андрея Чикатило, как они живут и как выглядят (с...
74К отзывов
Яндекс Дзен
Статья, видео, канал, интерес

Известные личности
17 786 подписчиков
Вы подписаны

1.1 тыс. нравится
Не нравится
59 обсудили
Поделиться

Что стало с детьми Андрея Чикатило, как они живут и как выглядят (сын пошел по стопам)

1 июня · 57 тыс. прочитали

Кто самый злой и устрашающий преступник всех времен в СССР? Многие из вас ответят, что это Андрей Чикатило. Ясность в биографию этого преступника внесли режиссеры одноименного фильма. В сериале «Чикатило», который вышел совсем недавно, очень хорошо рассказаны события тех страшных времени.

RU 23:53 23.09.2021

Фото с https://n1s1.starhit.ru/2f/90/56/2f90568ac21c61de59b6be4554640366/1200x790_0_f4a4d47234f85ba2dcbcefa9a9bb6306@1200x790_0xac120003_16759256716158996 09.jpg

1.1 тыс. нравится
Не нравится
59 обсудили
Поделиться

Но в сериале показаны и другие стороны преступлений этого человека. Ведь он так же. Как и все люди, был отцом и мужем. Именно в этой статье я расскажу вам о том, что же случилось с детьми преступника. А, как известно, у него их было двое – дочь Люда и сын Юрий. Отметим сразу, что сын пошел по стопам отца.

Нам с вами даже нельзя представить себе, какой позор и стыд пережили дети и жена Чикатило. Сразу после того, как Андрея Романовича арестовали и предали суду, его дети и особенно жена прятались от соседей и боялись выходить на улицу.

Сын Чикатило. Фото с https://img.rl0.ru/f1644c0fb251cbe596ff3af8deee7e4a/765x-i/news.rambler.ru/img/2020/04/01/171411.316584.5248.jpg

Другие публикации канала
Красивая Екатерина Мельник из "Физрука", ее личная жизнь и фото
Как выглядит и что делает актер, сыгравший "Терминатора Т1000" Роберт...
Отношения Романа Абрамовича - возможная помолвка с Анджелиной...

zen.yandex.ru Что стало с детьми Андрея Чикатило, как они живут и как выгл...
74K отзывов
Яндекс Дзен
Известные личности
17 786 подписчиков
Вы подписаны
Поиск

Отметим, что Андрей всегда был тихим, примерным на работе, он был домоседом и никогда не ссорился с соседями. Именно поэтому родные никак не могли поверить в то, что инкриминировали их отцу и супругу. Дочь преступника в то время жила уже в Харькове, ей было 27 лет. После суда сын Юрий и жена Феодосия отправились так же в этот город, чтобы скрыться от людей.

1.1 тыс. нравится
Не нравится
59 обсудили
Поделиться

Но теперь поговорим подробнее о родственниках Андрея Чикатило. В отличии от своего отца, который был примерным семьянином, Юрий никогда не был послушным. Он всегда был агрессивным и даже жестоким. Еще в юношеском возрасте он начал заниматься рэкетом со своими друзьями. Он нападал на торговцев и других работников рынка, вымогал деньги и часто просто избивал прохожих.

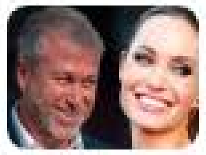
Чикатило с женой. Картинка с http://ic.pics.livejournal.com/ygashae_zvezdu/78238682/58708/58708_900.jpg

Таким образом, очень быстро сын самого разыскиваемого преступника в СССР получил первое наказание, но не слишком суровое – всего год

Другие публикации канала

Красивая Екатерина Мельник из "Физрука", ее личная жизнь и фото

Как выглядит и что делает актер, сыгравший "Терминатора Т1000" Роберт...


Отношения Романа Абрамовича - возможная помолвка с Анджелиной...

RU 23:53 23.09.2021

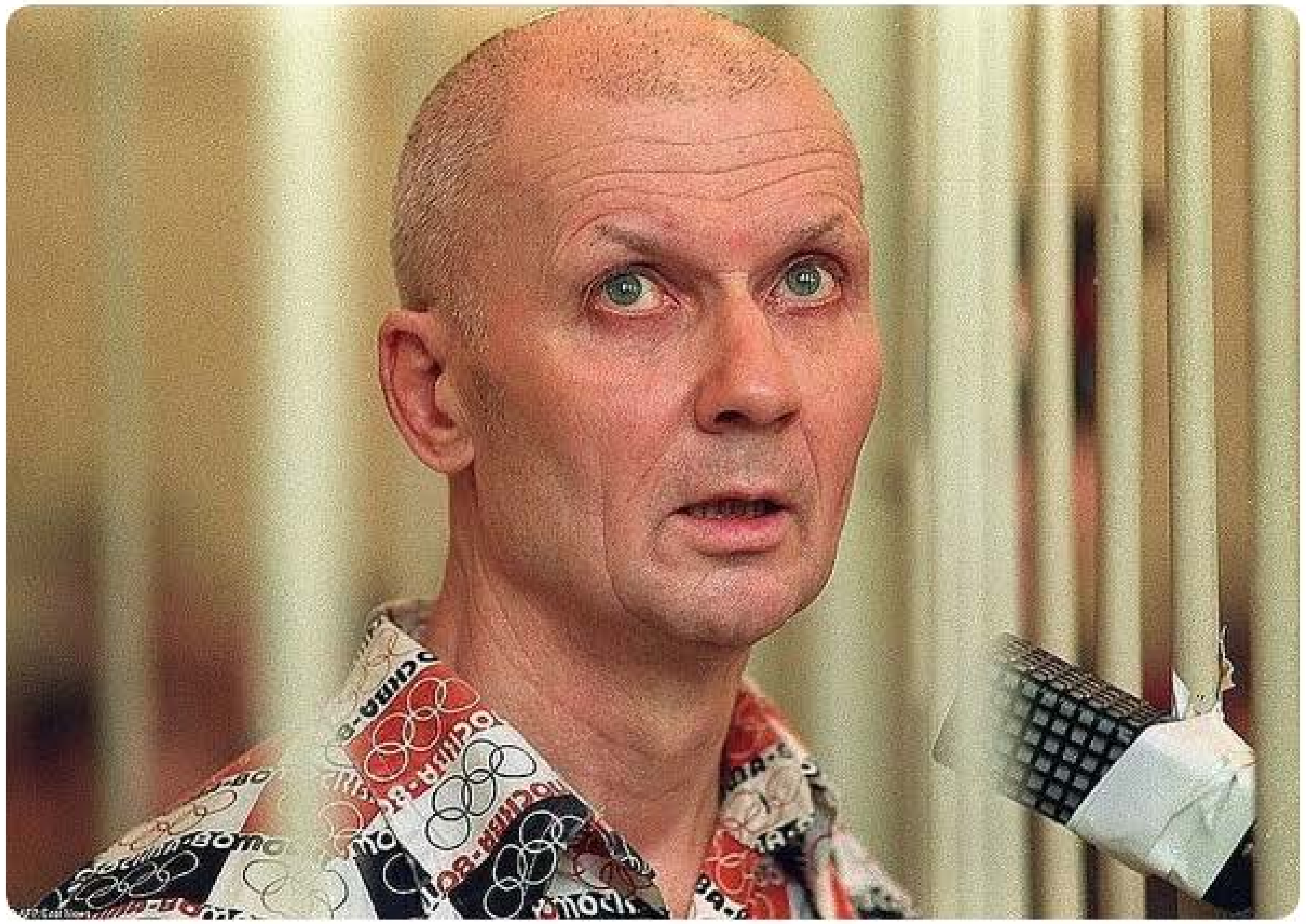
zen.yandex.ru Что стало с детьми Андрея Чикатило, как они живут и как выгл...
74K отзывов
Яндекс Дзен
Известные личности
17 786 подписчиков
Вы подписаны
Поиск

87_cropped_666x398.jpg

1.1 тыс. нравится
Не нравится
59 обсудили
Поделиться

А потом преступления Юрия стали более серьезными. Ее начали обвинять в том, чем в принципе занимался и его отец. Но, по непонятным причинам девушка, которая написала заявление на Юрия, забрала свою жалобу из милиции.

А потом вообще нашли доказательства того, что сын известного преступника удерживал у себя дома заложника. Им стал случайный дальнобойщик, которого ограбили и похитили бандиты Юрия. В этот раз суд приговорил Юрия к семи годам лишения свободы.



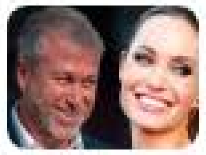
Картинка с https://s14.stc.all.kpcdn.net/share/i/12/10560483/wr-960.jpg

Что касается судьбы Людмилы, дочери Чикатило, то о ней мало что известно. Еще в юности Люда перестала общаться с отцом и практически

Другие публикации канала

Красивая Екатерина Мельник из "Физрука", ее личная жизнь и фото

Как выглядит и что делает актер, сыгравший "Терминатора Т1000" Роберт...


Отношения Романа Абрамовича - возможная помолвка с Анджелиной...

RU 23:53 23.09.2021

Картинка с https://s14.stc.all.kpcdn.net/share/i/12/10560483/wr-960.jpg

1.1 тыс. нравится
Не нравится
59 обсудили
Поделиться

Что касается судьбы Людмилы, дочери Чикатило, то о ней мало что известно. Еще в юности Люда перестала общаться с отцом и практически сбежала из дома. Девушка давно догадывалась, что с отцом происходит что-то непристойное.

Когда об отце открылась настоящая правда, Людмила не была особенно удивлена. Но мать и брата, которые до конца не верили в виновности Чикатило, девушка поддержала и даже приютила у себя дома, в Харькове.

Фото с ресурса https://mtdata.ru/u11/photo7523/20254599826-0/original.jpg

Сын отсидел свой срок и даже написал книгу о своем отце, так сказать

Другие публикации канала
Красивая Екатерина Мельник из "Физрука", ее личная жизнь и фото
Как выглядит и что делает актер, сыгравший "Терминатора Т1000" Роберт...
Отношения Романа Абрамовича - возможная помолвка с Анджелиной...

RU 23:53 23.09.2021

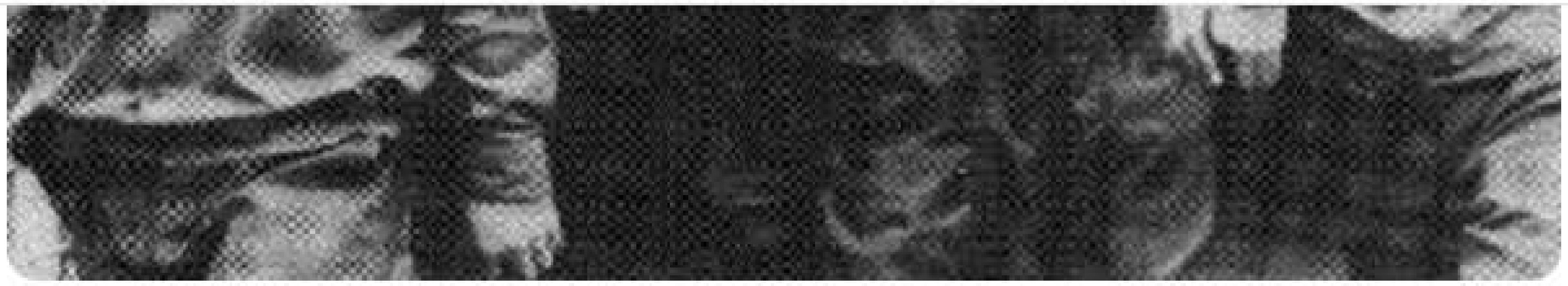


Фото с ресурса https://mtdata.ru/u11/photo7523/20254599826-0/original.jpg

Сын отсидел свой срок и даже написал книгу о своем отце, так сказать, откровение. Он на несколько лет переехал в США, именно там он хотел жить богато, продавая свои рассказы и интервью об отце.

Подпишитесь на канал, у нас много интересного о знаменитостях.

криминал интересные факты еще 3

1136 нравится

Комментарии 59

по популярности

Комментировать

Владимир Ульянов 3 месяца

Евгеника права - характер и поведение передаются генетически. Преступников нужно утилизировать вместе со всем потомством.

Ответить 1

Наталья Захарова 4 месяца

Много ошибок в тексте. Читать сложно.

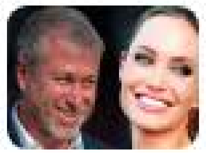
Ответить 254

15 ответов

Другие публикации канала

Красивая Екатерина Мельник из "Физрука", ее личная жизнь и фото

Как выглядит и что делает актер, сыгравший "Терминатора Т1000" Роберт...



Отношения Романа Абрамовича - возможная помолвка с Анджелиной...

МОСКОВСКИЙ ДОМ КНИГИ
ökko
ОНЛАЙН-КИНОТЕАТР
ЧИКАТИЛО
ökko
ОНЛАЙН-КИНОТЕАТР
ЧИКАТИЛО
НЕ БОЙСЯ,
ФИНАЛЬНЫЙ СЕЗОН
С 17 МАРТА
ökko
ОНЛАЙН-КИНОТЕАТР

Ещё раз напоминаю ЧЕМ Человек отличается от обезьян.

Человека отличает от животных - социализация. Человек живет ПОМОГАЯ ДРУГИМ, с тем что бы ВСЕ ЖИЛИ ХОРОШО.

У животных, у ВСЕХ животных социализация ограничивается стаей, в которой ВСЕГДА есть САМЫЙ ЖИРНЫЙ который ВСЕГДА ЖРЕТ ПЕРВЫМ, а ОСТАЛЬНЫЕ жрут ТО, ЧТО ОСТАЛОСЬ после того как пожрет вожак стаи.

Зажиточный и бедный крестьяне

PIC COLLAGE

Животные, ВСЕ животные включая Пещерных говорящих приматов ДУМАЮТ ТОЛЬКО (!) О СЕБЕ и СВОЁМ потомстве.

Куклы с синдромом Дауна стали лучшими игрушками 2020 года
В этом году 24 бренда презентовали 81 игрушку для участия в конкурсе
Кирилл Сосков Metro Москва, 11 ноября 2020
81 игрушка претендовала на звание лучшей в 2020 году.
Продвижение разнообразия
Куклы – представители разных рас с синдромом Дауна испанского бренда
Weekend
ТОП-5 НЕДЕЛИ
САМЫЕ ГЛАВНЫЕ УДОВОЛЬСТВИЯ ВЫХОДНЫХ
metro
Первая роль
Дочка Учителя сыграла сына Цоя
В прокат вышла картина «Цой». Режиссёр Алексей Учитель рассказал Metro, как подбирал актёров на роли, каким запомнил Виктора Цоя и что думает про желание родственников музыканта запретить фильм
Weekend Читай и обсуждай на сайте metronews.ru
неандерталец
в музее.
PIC•COLLAGE

У - РАЗНЫХ - на лицо и тело граждан - Р А З Н Ы Е - характеры.

Мыслями, желаниями, ПОВЕДЕНИЕМ - ВСЕМ организмом ЦЕЛИКОМ управляют химические, биохимические процессы в каждом биологическом организме.

Но какую же роль играет ВОСПИТАНИЕ?

Воспитание для ГЕНЕТИЧЕСКИ добрых и честных ОТ РОЖДЕНИЯ всего лишь повторяет добрым и хорошим то, что ОНИ И ТАК ГЕНЕТИЧЕСКИ знают.

НЕ БУДЕТ генетически добрый и хороший Человек совершать преступления ДАЖЕ если в детстве говорить что воровать «это хорошо».

PIC•COLLAGE

ЕСТЬ Люди которые В ПРОЦЕССЕ Эволюции приобрели МОЗГ и ВЕСЬ (!) ОРГАНИЗМ В ЦЕЛОМ устроенный ГЕНЕТИЧЕСКИ таким образом что, - Люди ОТ РОЖДЕНИЯ ДОБРЫЕ, ЧЕСТНЫЕ, БЛАГОРОДНЫЕ!

А «тожелюди» ЛИШЬ ПРИТВОРЯЮТСЯ, ИЗОБРАЖАЮТ «челавеков»!

ВСЕ «люди» РАЗНЫЕ! НО! Среди этого огромного стада РАЗНЫХ «челавеков» - ОЧЕНЬ МНОГО - ОДИНАКОВЫХ «людей»!

PIC•COLLAGE

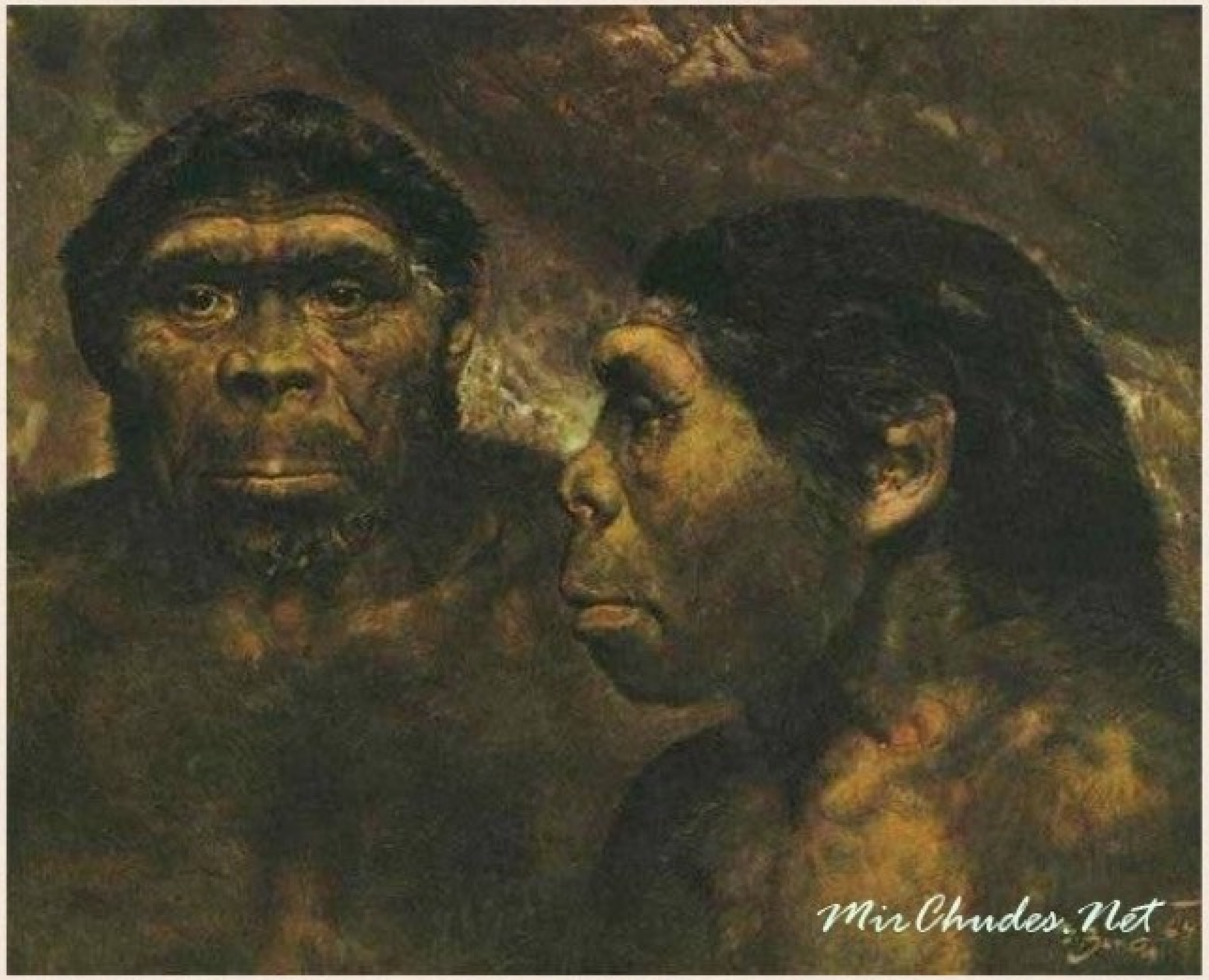
Ты можешь лично проверить
всё что прочёл в этой книге.

ВСЁ «человечество» это ОГРОМНОЕ количество РАЗНЕХ - НЕ (homo) НЕ (одинаково) разумных гоминид!

КАЖДЫЙ ВИД «челавека» это ГРУППА «челавеков» С ОДИНАКОВЫМИ ЛИЦАМИ!

ТАК ЖЕ, КАК У ВСЕХ ВИДОВ НА ПЛАНЕТЕ!

PIC•COLLAGE



PIC•COLLAGE

РУССКИЕ РАСЫ

races of Russian

МВД СССР
ВСЕСОЮЗНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

67.629.4
С55
Акт экспертизы ВНИИ МВД СССР
Экз. № 494 от 11.10.89
Р.135

В. А. СНЕТКОВ, А. М. ЗИНИН, И. Ф. ВИНИЧЕНКО

ТИПЫ И ЭЛЕМЕНТЫ ВНЕШНОСТИ (Т Э В)

Под общей редакцией
доктора исторических наук
Т. И. Алексеевой,

доктора юридических наук,
профессора
В. А. Снеткова

270598

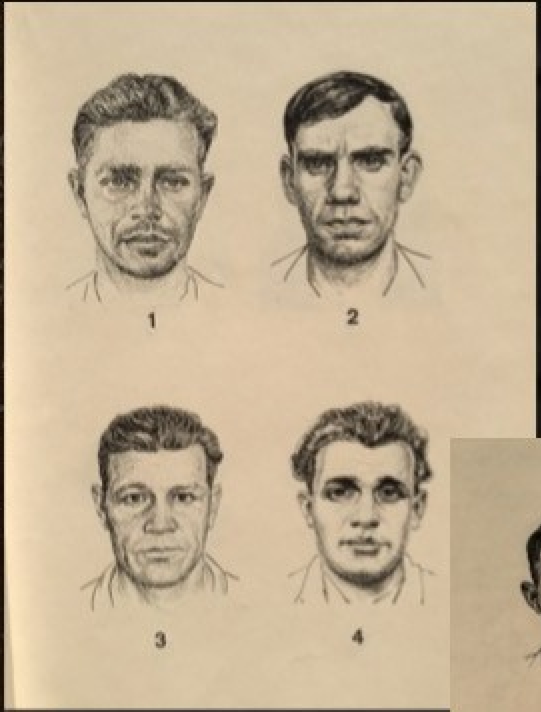
МОСКВА · 1979

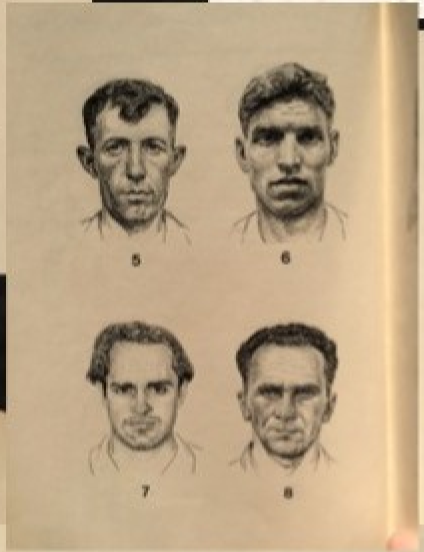
РАЗДЕЛ I

ОСНОВНЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ НАСЕЛЕНИЯ СССР

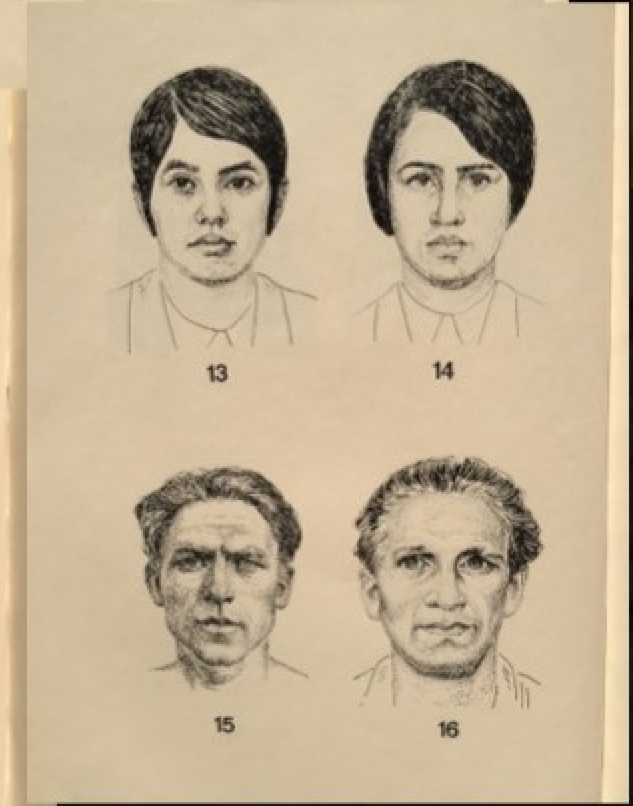
Рис. 1 —14. Русские центрального типа.
Рис. 15 —23. Русские западного типа.
Рис. 24 —31. Русские северо-западного типа.
Рис. 32 —38. Русские северного типа.
Рис. 39 —44. Русские юго-западного типа.
Рис. 45 —50. Русские южного (донсурского) типа.
Рис. 51 —54. Русские юго-восточного (вариант донсурского) типа.
Рис. 55 —60. Русские контактного с северо-востоком типа.
Рис. 61 —64. Русские контактного с востоком типа.
Рис. 65 —68. Украинцы правобережного Полесья.
Рис. 69 —72. Украинцы центральной Украины.
Рис. 73, 74. Украинцы степной Украины.
Рис. 75 —78. Украинцы Карпат и Буковины.
Рис. 79 —89. Белорусы.
Рис. 90 —99. Литовцы.
Рис. 100—108. Латыши.
Рис. 109—114. Эстонцы.
Рис. 115—125. Типы Грузии.
Рис. 126—128. Армяне.
Рис. 129—131. Азербайджанцы.
Рис. 132—139. Молдаване.
Рис. 140, 141. Евреи.
Рис. 142—152. Цыгане.
Рис. 153—159. Карелы.
Рис. 160—163. Лопари.
Рис. 164—169. Коми.
Рис. 170—178. Мордва.
Рис. 179—184. Чуваши.
Рис. 185—187. Удмурты.
Рис. 188—192. Марийцы.
Рис. 193—200. Татары.
Рис. 201—204. Башкиры.
Рис. 205, 206. Ханты.
Рис. 207—209. Манси.
Рис. 210—214. Таджики.
Рис. 215—223. Туркмены.
Рис. 224—232. Узбеки.
Рис. 233—237. Казахи.
Рис. 238—241. Киргизы.
Рис. 242—244. Буряты.
Рис. 245, 246. Якуты.
Рис. 247, 248. Ненцы.
Рис. 249, 250. Эвенки.
Рис. 251, 252. Чукчи.
Рис. 253, 254. Эскимосы.

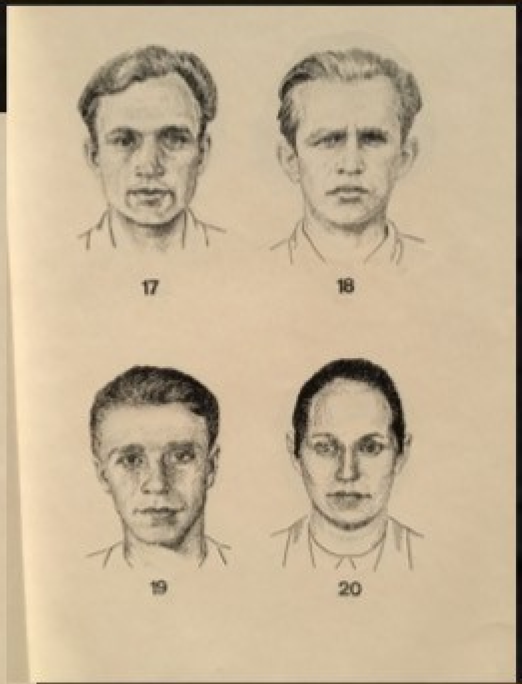
PIC•COLLAGE


1 2 3 4


5 6 7 8

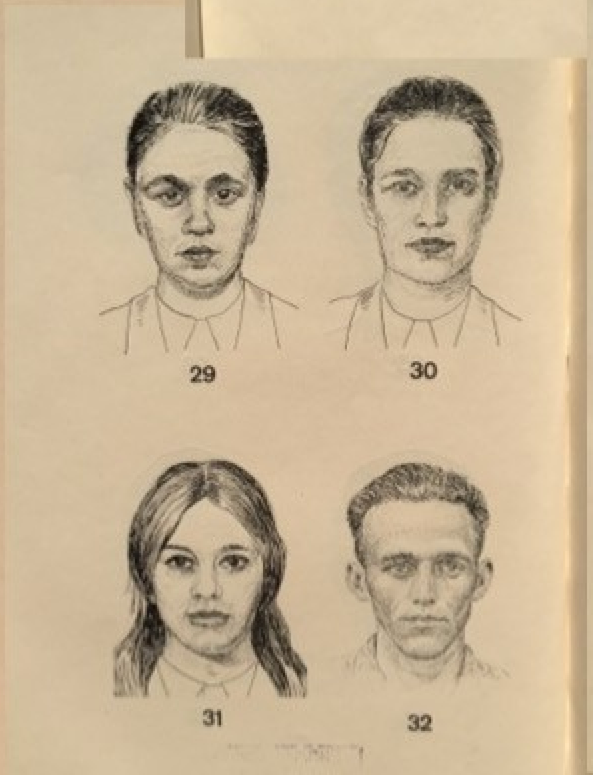
9 10 11 12

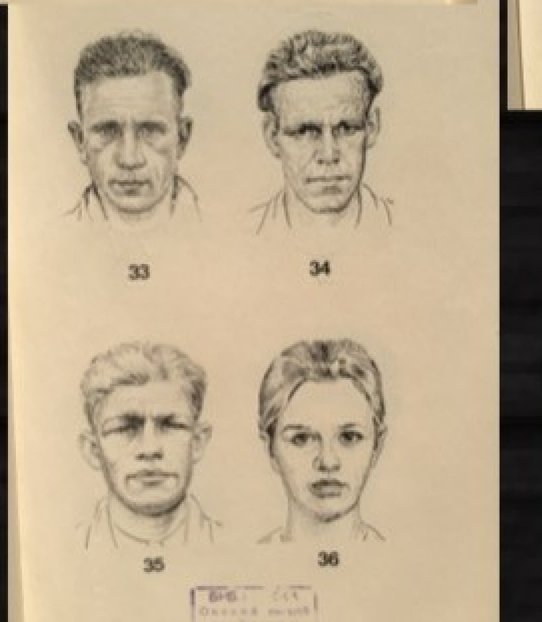

13 14 15 16


17 18 19 20

21 22 23 24

25 26 27 28


29 30 31 32


33 34 35 36

37 38 39 40

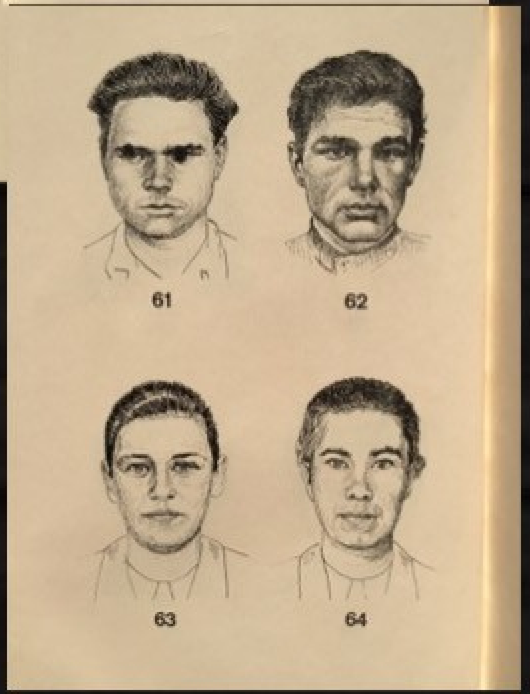
41 42 43 44

45 46 47 48

49 50 51 52

53 54 55 56

57 58 59 60


61 62 63 64

ВСЕ виды «челавеков» ОТЛИЧАЮТСЯ от других ВИДОВ «челавека» ГЕНЕТИКОЙ, МОРФОЛОГИЕЙ и ФИЗИОЛОГИЕЙ = ЧТО И ЯВЛЯЕТСЯ ПРИЧИНОЙ ЧТО У - 9 из 10 ГРАЖДАН С ОДИНАКОВОЙ ВНЕШНОСТЬЮ - ОДИНАКОВЫЙ ХАРАКТЕР, ПОВЕДЕНИЕ, МЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС, УМСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ и ДАЖЕ(!) ТРАКТОВАНИЕ НРАВСТВЕННОСТИ И МОРАЛИ!

ВСЕ (!) «люди» ОТ РОЖДЕНИЯ (!) ИЛИ добропорядочные и хорошие люди,

ИЛИ - ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПНИКИ!

PIC•COLLAGE

У добрых, честных, хороших, ответственных, надежных людей - ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ЛИЦА!

У дурачков, лохов, ни то ни сё, у опездолов, шалашовок, у никаких челавеков - ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ЛИЦА!

У преступников, лжецов, мошенников, воров, проституток, у жадных, у подлых, у лиц с психопатологиями, у больных, у грабителей, убийц, каннибалов, у ВСЕХ «челавеков» имеющих ПРЕСТУПНУЮ ГЕНЕТИКУ - ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ЛИЦА!

PIC•COLLAGE

ПОЧЕМУ тигр убивает когда хочет жрать, а овца когда голодна ищет траву?

ПОТОМУ ЧТО - тигр и овца это РАЗНЫЕ биологические ОРГАНИЗМЫ!

ВСЁ «человечество» это стадо РАЗНЫХ биологических ВИДОВ - НЕ одинаково разумных гоминид!

Законы написали ЛЮДИ и создали свод правил ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ!

PIC•COLLAGE

Для КОГО существуют ВСЕ законы, ЗАПРЕТЫ, табу и предупреждения?

ДЛЯ Пещерных говорящих гоминидов. Которым НЕОБХОДИМО (!) КАЖДОДНЕВНО напоминать о НЕДОПУСТИМОСТИ совершения действий которые ДЛЯ ЖИВОТНЫХ ЯВЛЯЮТСЯ - Н О Р М О Й !

Для совсем имбецилов которые всё ещё не доехали - «человечество», ВСЁ «человечество» - это всего лишь ТЕРМИН, являющийся ОБОБЩЕННЫМ НАЗВАНИЕМ - ВСЕХ ВИДОВ не одинаково РАЗУМНЫХ ГОМИНИДОВ живущих СЕЙЧАС на планете Земля.

PIC•COLLAGE

ВСЕ виды не одинаково разумных, говорящих приматов - ГЕНЕТИЧЕСКИ (!), своим устройством ВСЕГО организма, разделяются на ГЕНЕТИЧЕСКИХ, ОТ РОЖДЕНИЯ - ХИЩНИКОВ которым ПРИЯТНО ПРИЧИНЯТЬ ДРУГИМ ЖИВЫМ ФОРМАМ БОЛЬ и СТРАДАНИЯ,

И на ТРАВОЯДНЫХ «человеков», которые ОТ РОЖДЕНИЯ, ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПАЦИФИСТЫ!

PIC•COLLAGE

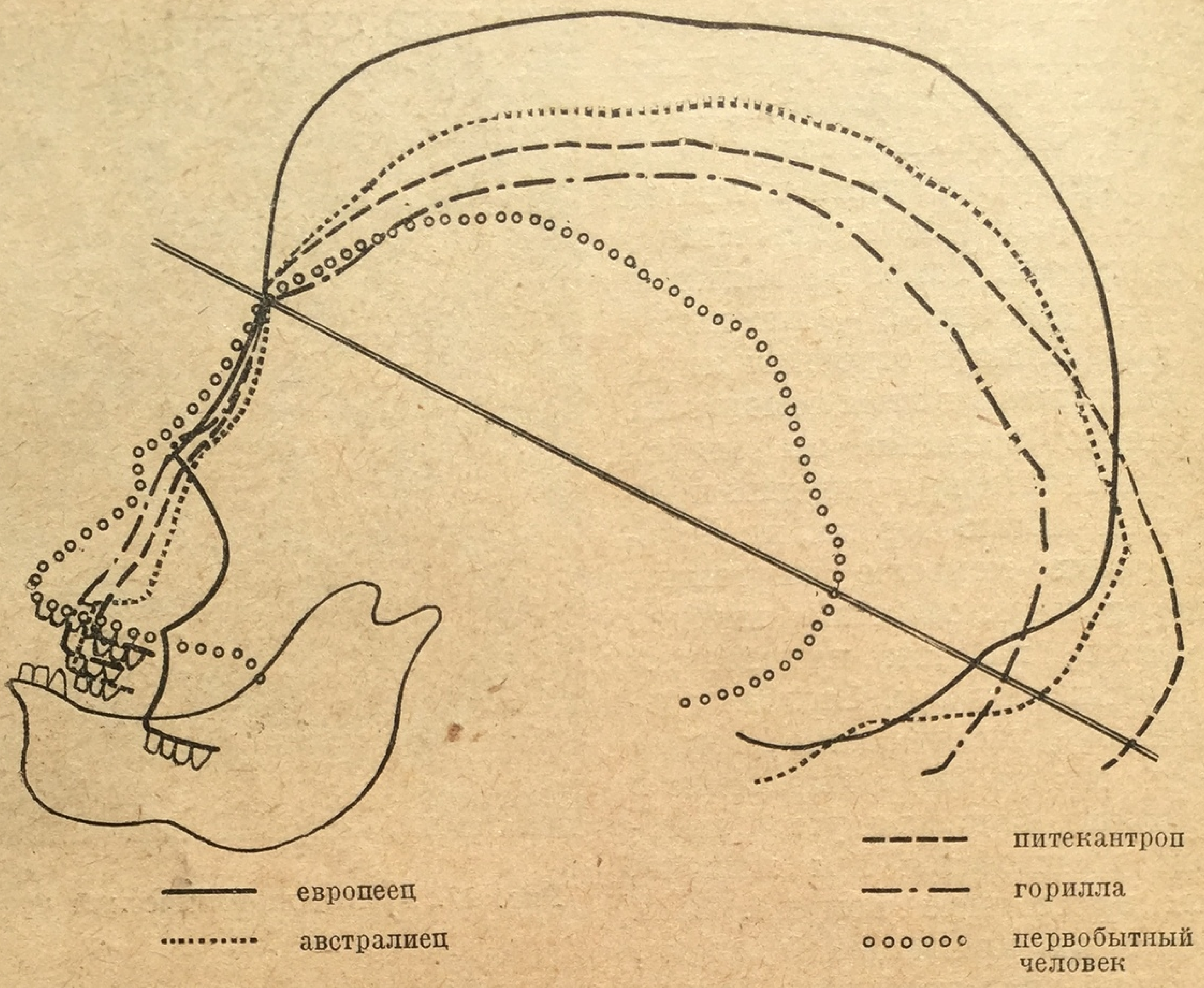


Рис. 18. Различные стенки прогнатизма у обезьяны и человека.

Рис. 19. Неправильное, частью несимметричное строение черепа и лица у олигофренов; оттопыренная ушная раковина у мальчика справа.

Рис. 103. Группа детей-наркоманов в учреждении для беспризорных.

нередкого злоупотребления ими, а быстро развивающееся привыкание ведет к тяжелой картине наркомании, более или менее одинаковой

Homo Neanderthal
Одинаково Неандертальцы
Неандертальцы
MyShared
Нет нет
неандертальцы
давно вымерли.
Я человек.
Совпадения
случайны.
Homo одинаково
PIC•COLLAGE

Может ты возмутишься? Ведь ТАКИЕ ЖЕ Первобытные ХАРИ в СССР и ДО СИХ ПОР всем лгут что «внешность может быть любая, внешность лица мол не имеет отношения к характеру и моральным характеристикам индивида»?

З А П О М Н И !

У 9 и 10 граждан С ОДИНАКОВОЙ ВНЕШНОСТЬЮ - БУДЕТ ОДИНАКОВЫЙ ХАРАКТЕР, ОДИНАКОВОЕ МЫШЛЕНИЕ, даже ОДИНАКОВЫЕ ГОЛОСА и МАНЕРА РАЗГОВОРА!

PIC•COLLAGE

Это - ВИДОВЫЕ, ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ - РАЗНЫХ ВИДОВ разумных гоминид!

Мышление, характер личности, психика и ПОВЕДЕНИЕ - КАЖДОГО индивида диктуется его ГЕНЕТИКОЙ, ФИЗИОЛОГИЕЙ и ОБМЕНОМ ВЕЩЕСТВ!

Это научно ДОКАЗАНО уже давным давно.

«Воспитание» НЕ ИГРАЕТ НИКАКОЙ РОЛИ в формировании личности.

PIC•COLLAGE

Возможно ты снова не согласишься?

Вот пример - в детский сад приводят РАЗНЫХ детей. У детей РАЗНЫЕ характеры? ДА!

В детском саду ВСЕХ детей ПРИУЧАЮТ к ОДИНАКОВЫМ манерам поведения? ДА!

Дети из детского сада переходят в школу с одинаковыми характерами? НЕТ! ВСЕ - КАК БЫЛИ = РАЗНЫЕ!

PIC•COLLAGE

В школу ВСЕ дети приходят с РАЗНЫМИ характерами.

10 ЛЕТ учителя и воспитатели учат и воспитывают ВСЕХ школьников ОДИНАКОВО ОДИНАКОВОМУ? ДА!

Школьники заканчивают школу с одинаковыми оценками и характерами личности? НЕТ! ВСЕ КАК БЫЛИ - РАЗНЫЕ!

Тогда какую же роль играет «воспитание»?

PIC•COLLAGE

А воспитание, это ВБИВАНИЕ в мозг детей догм и правил поведения!

И ВСЁ!

Для ГЕНЕТИЧЕСКИ честного и доброго Человека воспитание служит лишь ПОВТОРЕНИЕМ НА СЛОВАХ ЕГО И ТАК ГЕНЕТИЧЕСКИ ПРАВИЛЬНОГО ОРГАНИЗМА.

ГЕНЕТИЧЕСКИ добрый и честный Человек И БЕЗ ВОСПИТАНИЯ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ БУДЕТ ЧЕСТНЫМ И ДОБРЫМ Человеком!

PIC•COLLAGE

КАЖДЫЙ (!) ВИД обезьян ОТЛИЧАЮЩИЙСЯ от других обезьян это - ДРУГОЙ БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВИД!

ВСЕ «челавеки» с РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ это РАЗНЫЕ ВИДЫ «челавека».

У 9 из 10 «челавеков» с ОДИНАКОВЫМИ и ОЧЕНЬ ПОХОЖИМИ лицами будут ОДИНАКОВЫЕ мышление, ОДИНАКОВЫЙ характер, ОДИНАКОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ПОСТУПКИ (!), ОДИНАКОВЫЙ голос и манера разговора. ДАЖЕ у НЕ РОДСТВЕННИКОВ! Даже если ОДИНАКОВЫЕ «челавеки» РОДИЛИСЬ и ЖИВУТ в РАЗНЫХ странах и ДАЖЕ НА РАЗНЫХ КОНТИНЕНТАХ!

PIC•COLLAGE

А теперь открываю Карты - ПОЧЕМУ генетические преступные ВИДЫ разумных гоминид совершают преступления.

КАЖДЫЙ ВИД разумных приматов имеют РАЗНЫЙ МОЗГ и РАЗНЫЙ обмен веществ.

Те виды представители которых совершают преступления это ПОЛУФАБРИКАТЫ «человека». БУКВАЛЬНО! Имея некоторое сходство с Человеком, говорящие приматы МАЛО чем изменились со времён Палеолита. Их мозг не совершенен, и даже наиболее умные преступники «умны» ТОЛЬКО когда обманывают ДУРАКОВ или ГЕНЕТИЧЕСКИ ДОБРЫХ людей, которые в силу ГЕНЕТИКИ и ВБИТЫМ в мозг фальшивым догмам - становятся жертвами преступников.

PIC•COLLAGE

Организм ВСЕХ биологических организмов работает как ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ!

ВСЕ чувства и настроения, ВСЕ желания и фантазии, ВСЕ мысли и ПОСТУПКИ регулируются МОЗГОМ, который выступает как ОТДЕЛЬНЫЙ ОРГАНИЗМ!

САМ (!) организм КАЖДОГО (!) гражданина ВСЁ ВРЕМЯ синтезирует большое количество РАЗНЫХ веществ, веществ которые НАПРЯМУЮ УПРАВЛЯЮТ ВСЕМ ОРГАНИЗМОМ каждого гражданина.

КАЖДЫЙ организм САМ синтезирует внутри себя РАЗНЫЕ вещества, ДАЖЕ НАРКОТИКИ.

PIC•COLLAGE

Ясно? Когда преступники совершают любое преступление, то они делают это потому что ЭТО ДОСТАВЛЯЕТ ИМ ФИЗИЧЕСКОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ.

Когда преступник ДАЖЕ просто думает о преступлении, то ДАЖЕ МЫСЛИ о преступлении вызывают у преступника начало выработки внутренних наркотиков, от которых преступник получает хорошее настроение и радость.

Это ГЕНЕТИЧЕСКАЯ особенность устройства преступников - ПОЭТОМУ никакого «перевоспитания» преступников БЫТЬ НЕ МОЖЕТ.

PIC•COLLAGE

Главное достижение Эволюции гоминид это
СПОСОБНОСТЬ РАЗНЫХ ВИДОВ говорящих приматов
ГОВОРИТЬ И ПОНИМАТЬ РЕЧЬ ДРУГИХ.

Говорящие приматы давно заметили, что есть
ДУРАКИ которые ВЕРЯТ СЛОВАМ!

Преступные приматы используют слова как звуки
которым ДРУГИЕ разумные обезьяны - ВЕРЯТ!

Речь, слова могут быть одинаковы, НО У
ВСЕХ - РАЗНОЕ (!!!!!) ПОНИМАНИЕ СЛОВ!

PIC•COLLAGE

Переходим к следующему и столь же важному -

ВСЕ РАЗНЫЕ виды говорящих приматов имеют - Р А З Н О Е - мышление.

Это означает - что ДАЖЕ если ВСЕМ в детстве вбивать в мозг что делать одно хорошо, а делать другое это плохо, то

ГЕНЕТИЧЕСКИМ преступникам это воспитание - ПОhиЙ.

PIC•COLLAGE

Повторяю ещё раз!

Мышление, личностное определения что такое «хорошо и плохо», личностное понимание и принятие или отрицание «нравственности», ПОВЕДЕНИЕ (публичное на людях и когда нет свидетелей), ТО - добрый ли индивид или злой, правдивый ли или является лжецом и мошенником, жестокий ли или не способный причинять боль - ВСЁ ЭТО, - ВСЯ ЛИЧНОСТЬ КАЖДОГО индивида УПРАВЛЯЕТСЯ ЕГО ОБМЕНОМ ВЕЩЕСТВ!

БИОХИМИЧЕСКИЕ процессы - ВОТ ЧТО УПРАВЛЯЕТ ВСЕМ - МЫШЛЕНИЕМ, ПОВЕДЕНИЕМ и ПОСТУПКАМИ ЛЮБОГО биологического организма!

PIC•COLLAGE

Не только характер, но и МЫШЛЕНИЕ а значит и то КАК индивид ПОНИМАЕТ «нравственность», его ПОВЕДЕНИЕ И ПОСТУПКИ - ВСЁ это на 100% зависит ОТ ВИДОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КАЖДОГО индивида.

Разве ВСЕХ ПОГОЛОВНО - лжецов, воров, мошенников, убийц, грабителей, проституток - не учили в детстве что совершать ВСЁ ТО что они ДЕЛАЮТ это плохо?

Учили. Так ПОЧЕМУ несмотря на ОДИНАКОВОЕ ДЛЯ ВСЕХ ВОСПИТАНИЕ - одни всю жизнь живут как честные и добрые Люди,

а другие НЕ ТАКИЕ ЖЕ как честные и добрые, а С ДРУГИМИ - УРОДЛИВЫМИ ХАРЯМИ живут совершая преступления, обманывая, грабя и убивая?

ПОТОМУ что, - мыслями, характером и поведением управляют генетика, физиология и обмен веществ индивида.

PIC•COLLAGE

Методами наблюдения за РАЗНЫМИ видами говорящих приматов установлено -

Чем МЕНЬШЕ НОС у индивида, тем БОЛЕЕ МЕРЗКОЕ и НИЗКОЕ морально-нравственное наполнение у данного говорящего примата!

СМОТРИ НА НОС!

Это Человек.

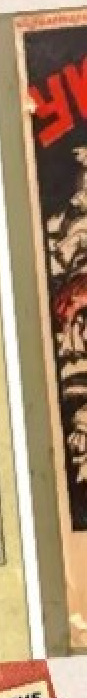
Вот обезьяна

Вот гомосапиенс

PIC•COLLAGE

Можешь сам проверить-

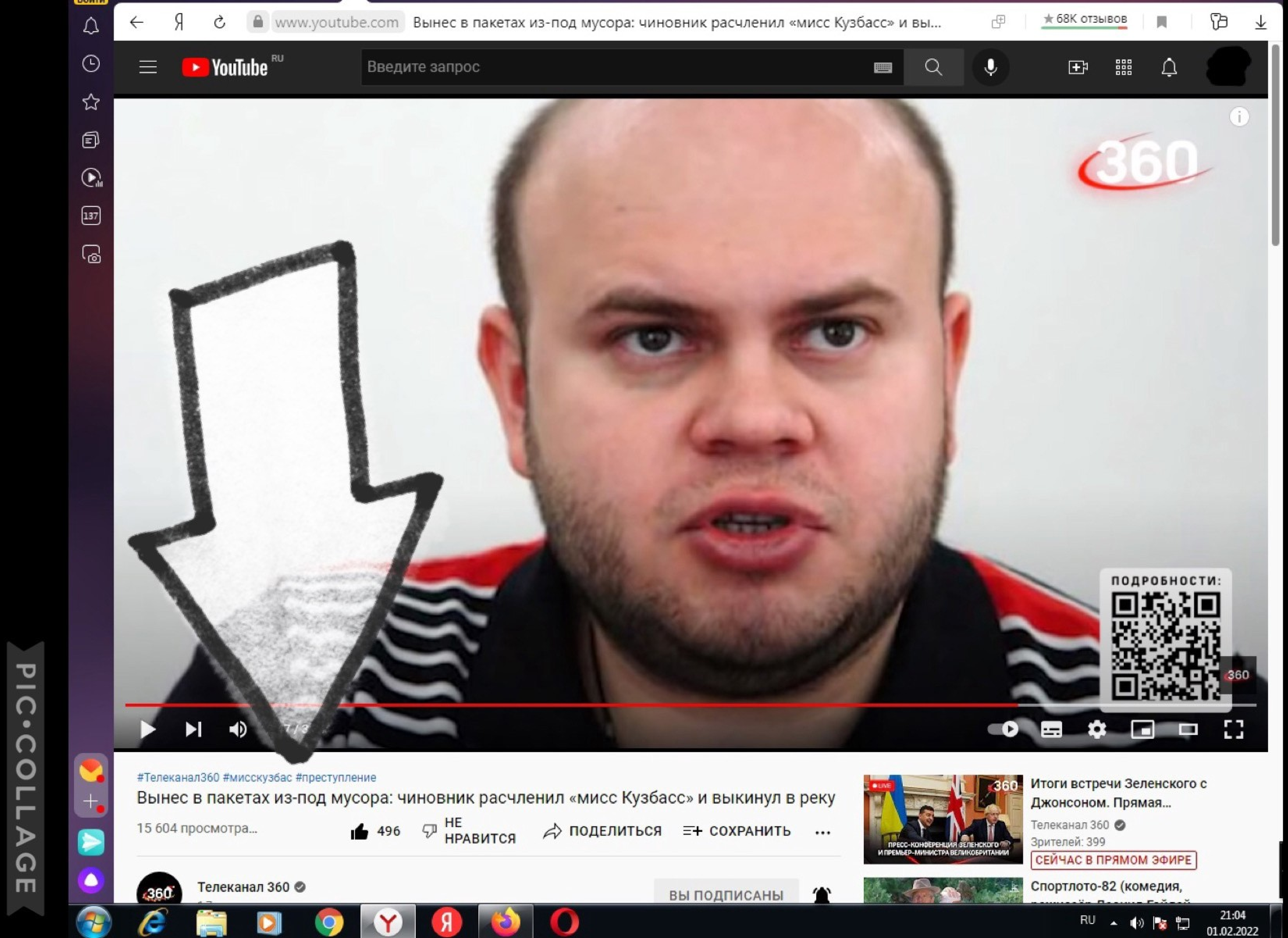
Чем БОЛЬШЕ ХАРЯ «лица» «челавека» похожа на свинью - тем БОЛЬШЕ в таком «челавеке» ПОДЛОСТИ, ЛЖИВОСТИ, ЭГОИЗМА, ЖЕСТОКОСТИ, ТУПОУМИЯ, АЛЧНОСТИ, ЗАВИСТИ И ЖЕЛАНИЯ ПОЛУЧАТЬ НАСЛАЖДЕНИЯ В ТОМ ЧИСЛЕ И ОТ СТРАДАНИЙ СЕБЕ ПОДОБНЫХ.



Чем ЖИРНЕЙ ХАРЯ и ЧЕМ МЕНЬШЕ НОС - тем ГОВНИСТЕЙ «челавек».

PIC•COLLAGE

Ясно, что это?
неандерталец,
разумный и много
болтающий подлый
гоминид.
PIC•COLLAGE


www.youtube.com
Вынес в пакетах из-под мусора: чиновник расчленил «мисс Кузбасс» и вы...
68K отзывов
YouTube RU
Введите запрос
360
ПОДРОБНОСТИ:
#Телеканал360 #мисскузбас #преступление
Вынес в пакетах из-под мусора: чиновник расчленил «мисс Кузбасс» и выкинул в реку
15 604 просмотра...
496
НЕ НРАВИТСЯ
ПОДЕЛИТЬСЯ
СОХРАНИТЬ
Телеканал 360
ВЫ ПОДПИСАНЫ
Итоги встречи Зеленского с Джонсоном. Прямая...
Телеканал 360
Зрителей: 399
СЕЙЧАС В ПРЯМОМ ЭФИРЕ
Спортлото-82 (комедия,
PIC•COLLAGE
RU
21:04
01.02.2022

Портреты Пещерных говорящих приматов из книги «люди Каменного века», автор М.М. Герасимов. 1964 г.

они действительно вымерли?

Современная гуманитарная академия

Н.С. Лобас
бывший врач сахалинских каторжных тюрем

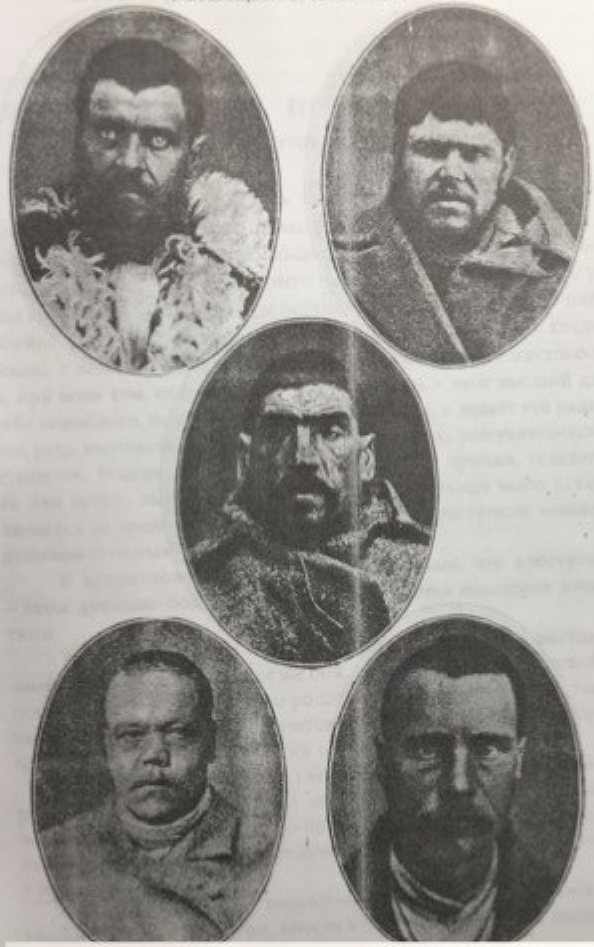
УБИЙЦЫ

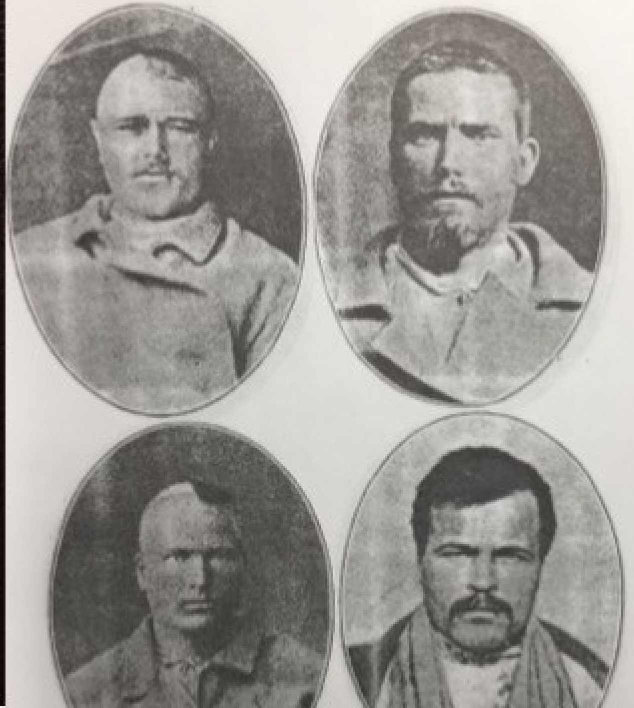
(Некоторые черты психофизики преступников)

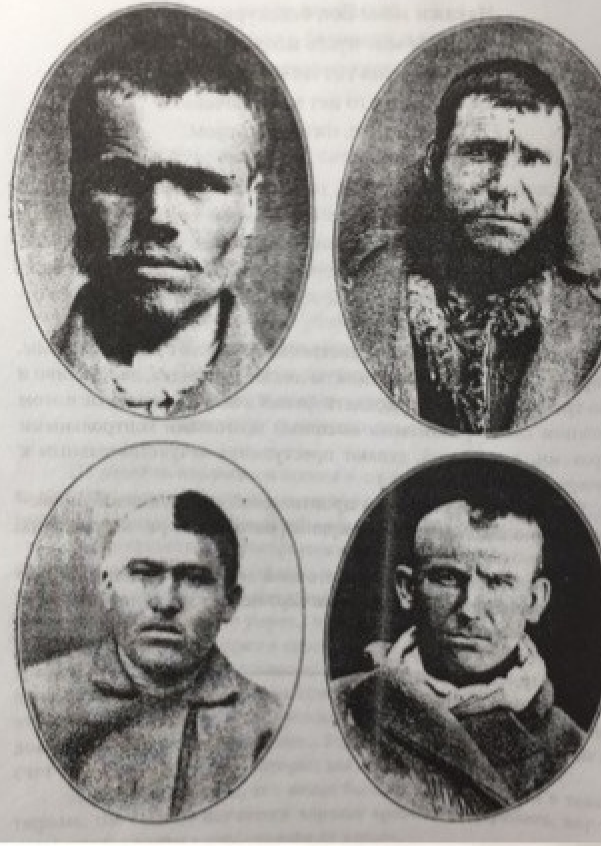
Со снимками преступников

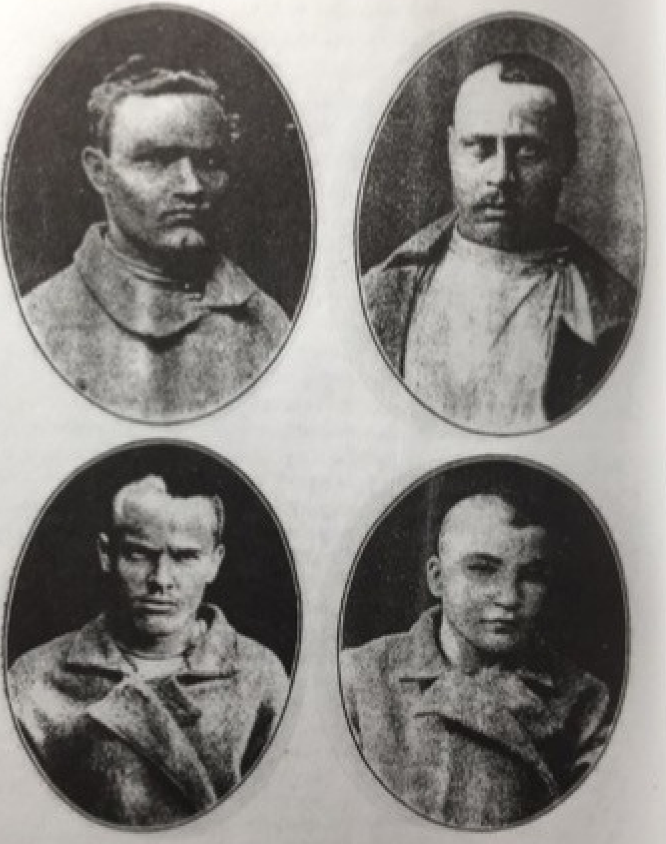
Москва 2008

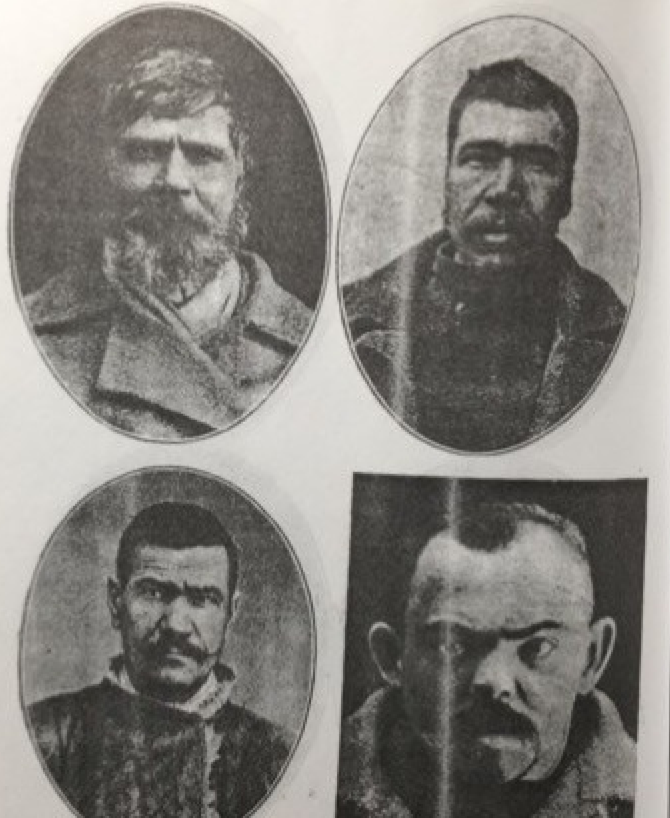
PIC•COLLAGE

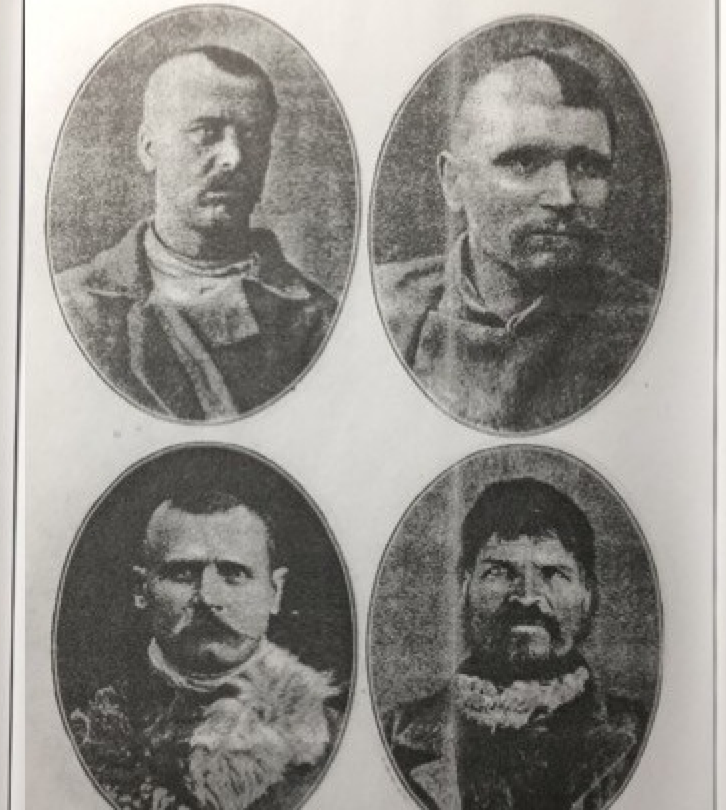












Антропологическое Изслѣдованіе.

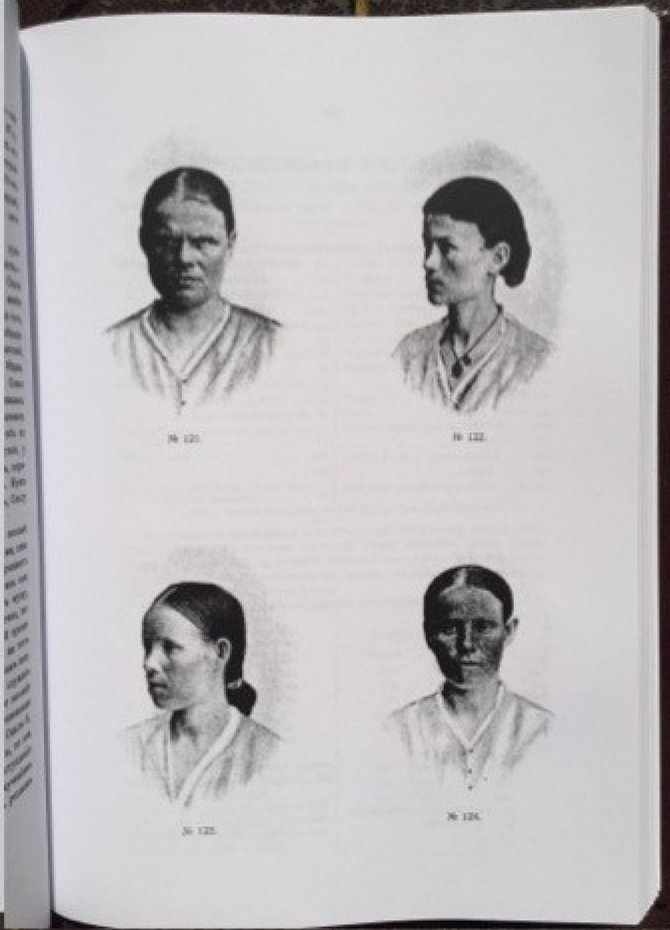
Женщины-Убійцы.

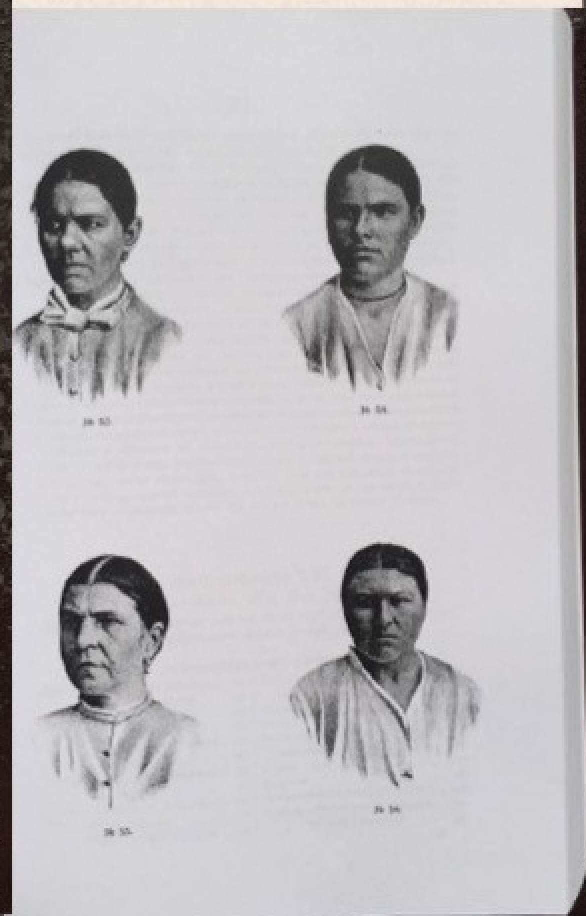
ВРАЧА

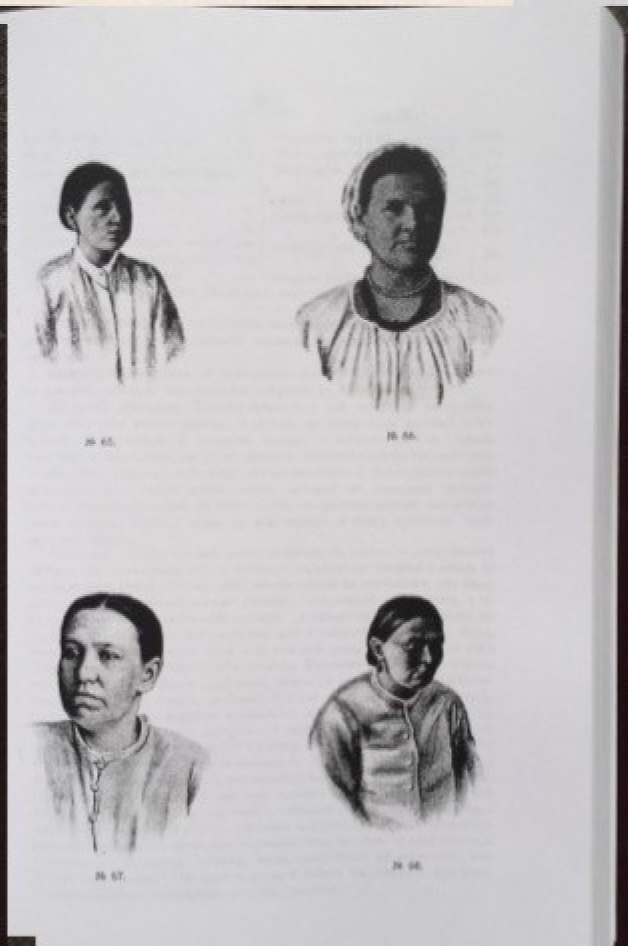
П. Н. Тарновской.

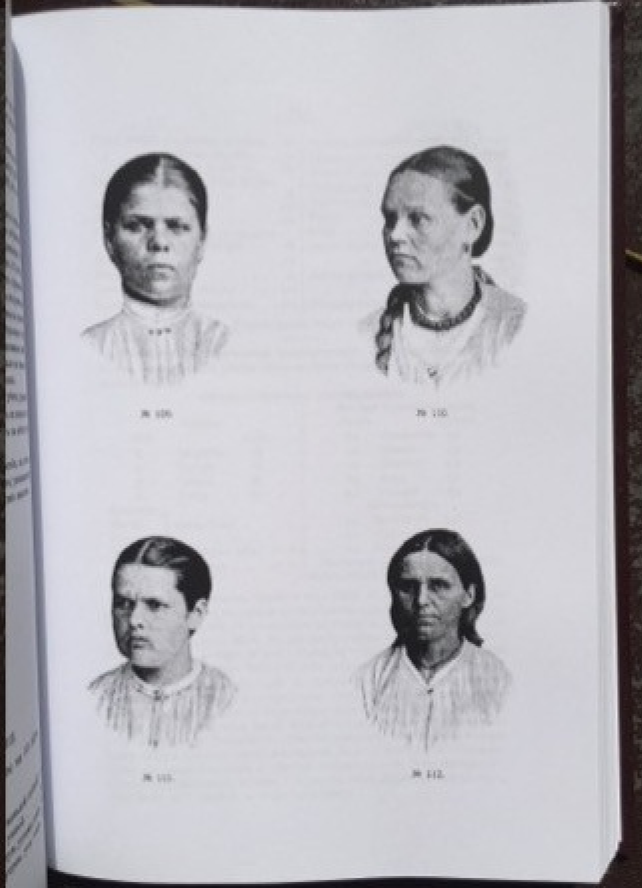
Съ 163 рисунками
и
8 антропометрическими таблицами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Т-во Художественной Печати", Англійскій пр., 28.
1902.

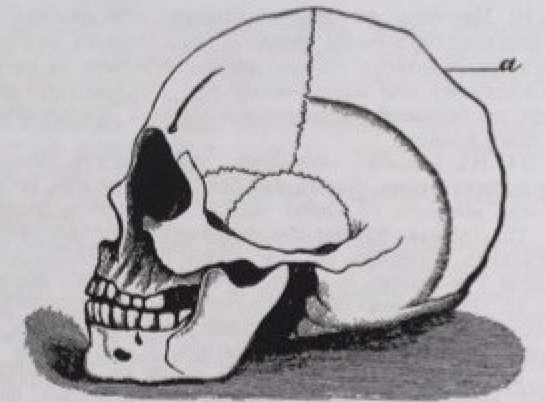








Чешуя затылочной кости при этомъ обыкновенно бываетъ выпуклою, утолщенною по срединѣ, и образуетъ крутой загибъ, спускающійся къ шеѣ.

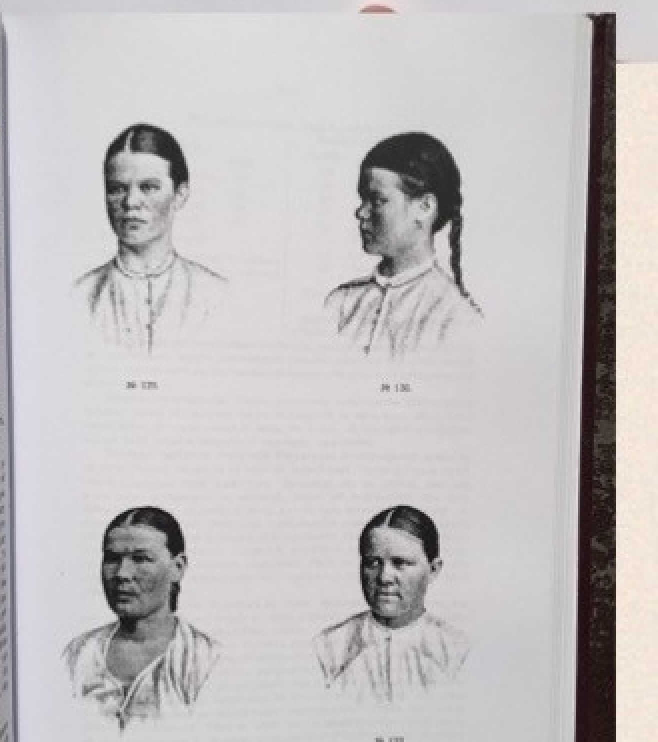


ЛИЦО. Переходя къ физическимъ признакамъ вырожденія, наблюдаемымъ на лицѣ, необходимо прежде всего упомянуть объ очевидныхъ *асимметріяхъ* различныхъ частей лица.

Мы говоримъ *очевидныхъ*, такъ какъ существуетъ мнѣніе, что нѣтъ вполнѣ симметричнаго лица, и что каждый человѣкъ представляетъ болѣе или менѣе выраженную асимметрію какой-либо части тѣла, преимущественно лица.

Не входя въ дальнѣйшее обсужденіе этого взгляда, которое намъ кажется, несомнѣнно, преувеличеннымъ, мы будемъ говорить здѣсь объ асимметріяхъ очевидныхъ, неоспоримыхъ и бросающихся въ глаза.

Асимметрію могутъ одинаково представлять всѣ безъ исключенія части обѣихъ половинъ лица, и выражаться, напримѣръ, отклоненіемъ носа въ правую или лѣвую сторону; ушами прикрѣпленными не на одномъ уровнѣ, или представляющими неодинаковую величину; неодинаковымъ развитіемъ обѣихъ вѣтвей нижней челюсти, причемъ одна изъ нихъ короче другой, что обусловливаетъ у даннаго субъекта неодинаковый профиль; про-

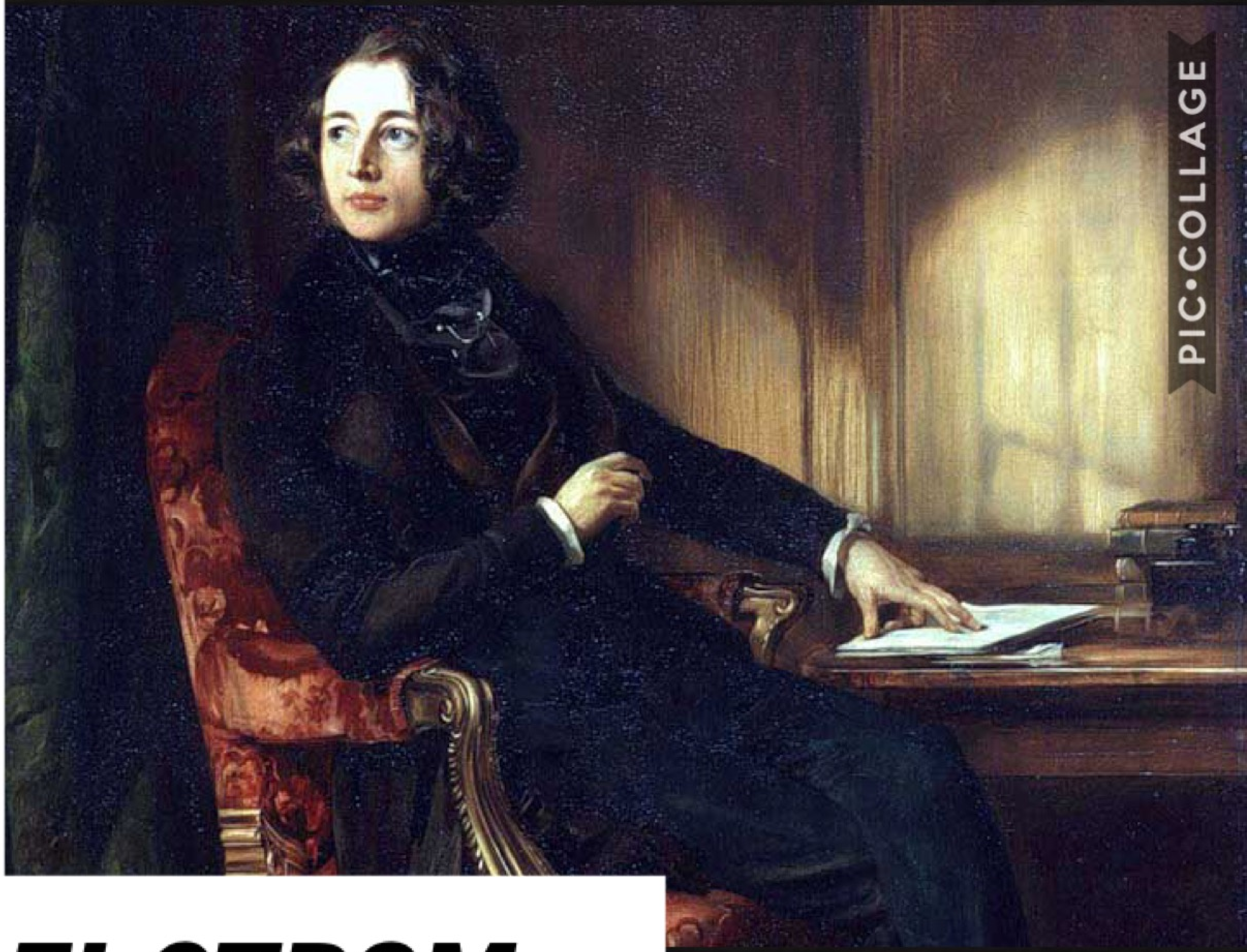


PIC•COLLAGE

К. Ротов

Так будет выглядеть комната Наплевакина, если он забудет, что здесь — не сквер и не театр.

ВСЕГДА
не верьте
тому что
кажется,
верьте
ТОЛЬКО
доказательствам.



Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.